

72
З-326

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ЗАПИСКИ
ГОРНО-АЛТАЙСКОГО
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ,
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫПУСК 7-В

ГОРНО-АЛТАЙСК · 1967

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Книжка проп. 04104.

Э ТМО Т 3.000.000 Э 3184-90

552026

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ЗАПИСКИ
ГОРНО-АЛТАЙСКОГО
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ,
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫПУСК 7-й

ГОРНО-АЛТАЙСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
АЛТАЙСКОГО КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
г. Горно-Алтайск · 1967

72.4(2)612.5

3-326

5 552026 ✓

Горно-Алтайская
областная библиотека
им. А. М. К. Чина

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Суризаков С. С. (гл. редактор), Тадыкин В. Н.,
Тюхтенов Т. С., Тадыев П. Е., Тоцакова Т. М.

5-3Г-АН-ИИ-В7

И. А. БАСКАКОВ

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛА В КУМАНДИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Задачей настоящего очерка является освещение особенностей словообразования глагола в одном из северных диалектов алтайского языка — кумандинском. Как и в предыдущих очерках по морфологии этого диалекта¹, мы остановимся только на способах словообразования и словосложения глагольных основ и функциональных форм глагола, выделив материал, касающийся спряжения кумандинского глагола, в особую тему для последующего очерка.

Глагол отличается от имен как по своему значению, так и по наличию особых аффиксов словообразования, которые могут присоединяться только к глагольным основам. Основа глагола в кумандинском диалекте, как и во всех других тюркских языках, служит формой второго лица единственного числа повелительного наклонения. Все формы глагола образуются посредством либо специальных аффиксов, либо путем аналитических сочетаний.

Аффиксы словообразования в кумандинском диалекте разделяются на аффиксы лексико-грамматического словообразования, которые либо образуют глагол от других частей речи, либо модифицируют значение глагола первичной его основы, и на аффиксы функционально-грамматического словообразования, которые образуют особые производные формы (имена действия, причастия и деепричастия), выступающие в составе словосочетаний и предложений, соответствующих по своему грамматическому значению именам существительным, именам прилагательным и наречиям и имеющим общую для тех и других систему словоизменения (число, принадлежность, падеж и лицо).

ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ

По своей морфологической структуре основы глагола могут быть непроеизводными, состоящими либо из первичного корня, например, *бол* — быть, *стать* и проч., либо из вторичного корня, имеющего мертвые, неотделимые от первичного корня аффиксы, например, *очор* (<*оч*+*ор*) — сидеть и проч., или производными, образованными путем аффиксации и словосложения. Глаголы, образующиеся путем

¹ И. А. Баскаков. Морфологические особенности словообразования именных частей речи в кумандинском диалекте алтайского языка. Записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы Т. V, Горно-Алтайск, 1962. Особенности словоизменения имен в кумандинском диалекте. Там же Т. VI, Горно-Алтайск, 1964.

аффиксации, состоят из глагольного или именного корня и живых продуктивных аффиксов словообразования, например, *ташта* — бросать (<*таш* — камень + аффикс *-та, -ла*, образующий глагол от имени), *пүлүш* — делить между собой (<*пүл* — делить + аффикс *-үш, -үш, -үш, -үш, -ш*, образующие взаимно совместный залог от глагола). Глаголы же, образующиеся путем словосложения, состоят либо из сочетания имени и глагола, например, *той туш* — устраивать пир, либо из сочетания двух основ глагола, например, *шыгап* (<*шыга-ап* — мочь взойти, забраться на что-либо) и т. п.

Образование глаголов от имен

Аффиксация

Глаголы посредством специальных аффиксов могут быть образованы от имен существительных, имен прилагательных, имен числительных, междометий и местоимений. Наиболее продуктивными аффиксами являются следующие.

Аффикс *-ла, -ле; -та, -те; -да, -де; -ты, -ти* (с губными вариантами).

Пап — связка, *палпа* — связывать, завязывать; *соот* — утешение, *соотта* — утешать; *таклы* — табак, *таклыла* — курить табак; *тенек* — глухой, *тенекте* — быть глухим, шалить; *чоп* — сор, трава, *чопте* — сорить; *сумак* — замок, *сумакта* — запирает на замок, *сумактапсан* (<*сумактап салган*) — он запер на замок, *темь* — рожный, *темьде* — выравнивать.

Аффикс *-а, -е; -а, -ө*.

Пош — пустой, *пошо* — освободиться, опростаться, *сарым* — песня, *сарна* — петь; *тарс* — подражание треску; *тарса* — храпеть; *тос* — основание, *тозо* — создавать, основывать, *түш* — сон, *түже* — видеть во сне, *түн* — ночь, *түнгө* — почевать.

Аффикс *-ы, -и*.

Тым — тихо, *тымь* — притихнуть; *тымь* — крепко, сильно; *тымды* — укрепляться.

Аффикс *-са, -се; -за, -зе*.

Суу — вода, *сууза* — жаждать, хотеть пить; *паар* — печень, сердце; *паарса* — сжалиться, быть милосердным.

Аффикс *-гар, -гер; -кар, -кер; -ар, -ер*.

Паи — голова, начало; *пашкар* — управлять; *су(г)* — вода, *сугар* — поить; *сары(г)* — желтый, *сарсар* — желтеть.

Аффикс *-ай, -ой*.

Сары(г) — желтый, *саргай* — желтеть.

Аффикс *-сын, -сии; -зын, -зии*.

Солун — странный, *солунзми* — считать странным.

Аффикс *-ырка, -ирке*.

Патыр — герой, *патырка* (<*патыр+ырка* — гордиться, считать себя героем, богатырем), *паш* — голова, (<*паш+ырка* — держать голову высоко, чваниться).

Аффикс *-ылда, -илде*.

Тарс — звукоподражание треску, *тарсылда* — трещать.

Аффикс *-ра, -ре*.

Маа — звукоподражание мычанию, *маара* — мычать; *мее* — звукоподражание бляению, *меере* — бляеть.

Аффикс *-сыра, -сире; -зыра, -зире*.

Каан — хан, *ка(а)мыра* — казаться ханом, быть как хан; *бий* — бий, старшина рода, *бийзире* — казаться бием, быть как бий; *Каан бойунг каанзыран дьордын ба*; — Хан, ты сам ходишь ли, как настоящий хан.

К сложным глагольным основам, образовавшимся в результате сочетания имен и глагольных основ, относятся так называемые составные глаголы.

Составные глаголы по степени сохранения знаменательного значения второго компонента — вспомогательного глагола — могут быть разделены на две группы.

К первой группе относятся составные глаголы, в которых вспомогательный глагол имеет только отвлеченное грамматическое значение связки, например:

Уредучи бол — быть учителем; *Эми Санчы бойм балармын уредучизи бол чыт* — Теперь сам Санчы стал учителем детей; *керсие бол* — быть умным; *алыг бол* — быть глупым; *Эки карындаштары керсие болгон, а учинчизи алыг болгон* — Два брата были умными, а третий — глупым; *как-бак эт* — квакать; *сүеде немелер мач-муч, как-бак этти* — В воде что-то булькало и квакало.

В качестве именной части составного глагола могут выступать также производные формы глагола, в частности причастия, например: *Одек бербес болгон, кшим бербес болгон* — Он не давал им ни одежды, ни обуви.

Ко второй группе относятся составные глаголы, в которых знаменательное значение сохраняют оба компонента.

Мал тут — держать, разводить скот; *Колхозта көп мал тут чыт* — В колхозе много скота держат; *тыер ая* — быть оседлым; *араа ич* — пить араку; *кат бер* — заявлять, дать заявление; *сүг кечир* — переправляться через реку и др.

Образование глаголов от глаголов

Аффиксы, образующие новые основы от глагола, придают исходной основе глагола залоговые или видовые оттенки значения. Иногда новые производные основы, приобретая тот или иной залоговый или видовой оттенок, изолируются из системы залоговых и видовых форм и приобретают совсем новое значение. Границы между основами, получившими залоговый или видовой оттенок, и новым производным глаголом весьма относительны, т. к. и в том и в другом случае мы имеем дело со словообразованием, а не со словозменением.

То же следует сказать и в отношении словосложения. Сочетание двух глаголов: первого в неизменяемой форме деепричастия на *-а, -е, -й* или на *-ыл, -ил, -л* и второго в соответствующей спрягаемой форме, так же как и сочетание основы глагола с видообразующими аффиксами, придают исходной основе глагола главным образом видовой оттенок.

Категория залога

Залог в кумандиинском диалекте, как и в алтайском языке, образуются главным образом аффиксацией и представлены двумя группами форм.

1. Группа залоговых форм с семантикой действия, исполнителем которого является грамматический субъект.

1. Прямой залог образуется лексическим способом. К прямому залогу относятся все непрямые и производные глаголы, разделяющиеся на:

- а) переходные глаголы, например *тап* — находить,
- б) непереходные глаголы, например: *кел* — приходиться.

2. **Взаимно-совместный залог** оформляется посредством аффикса *-иш, -иш, -иш*

а) от переходных глаголов образуется форма взаимного или совместного действия, например:

Де — говорить, *деш* — говорить (о многих или о двух человеках); *Анар кисти кбрмбс аграткан дешкенер* — Говорили, что болезнь глаз ей причинил нечистый дух; *тарт* — тащить, *тартыш* — тащить друг друга, бороться; *Бай кулак бла тартыжыл чыт* — Он борется с баями и кулаками; *ич* — пить, *ичиш* — пить вместе; *Анар ичижил кирпи бардылар* — Они стали пить; *пул* — делить, *пүлүш* — делить между собой; *Калак ла кан пүлүшерде, сускы ла суу пүлүшерде болган пултыр* — Это было тогда, когда ложками крошк делили, когда ковшом воду делили; *сүр* — гнать, *сүрүш* — гнать вместе, гнать друг друга, гнаться; *Эки койдонды сүрүшсөкк, биризин де тудуп болбосык* — За двумя зайцами погонисься, ни одного не поймашь;

б) от непереходных глаголов образуется форма только совместного действия, например: *чүсүр* — бегать, *чүсүрүш* — бегать во множестве, разбегаться; *Алым качан койлор чүсүрүшклерде, койлорнын кисторини чучкайдан* — Когда овцы стали разбегаться, глупец выколол глаза у овец; *тыгыл* — собираться, *тыгылыш* — собираться вместе со всех сторон; *Башка-башка йн ле ойын турды, башка-башка алдалар тыгылшыты* — Он играл на разные голоса, разные-разные вери собрались (чтобы послушать его игру).

II. Группа залоговых форм с семантикой действия, непосредственным исполнителем которого является грамматический объект.

1. **Понудительный залог** образуется посредством аффиксов: *-дыр, -дыр, -кыр, -кыр, -амз, кыз, -кил, -ис, -ир, -ыр, -т*, например: *тур* — стоять, *тургус, тургус* — строить, ставить; *сталмы чолго тургус салтыр* — поставил стол на дорогу; *бс* — расти, *бскир* — выращивать; *удал* — стыдиться, *удалт* — стыдить; *төрб* — родиться, *төрбт* — родить; *от* — проходить, *откыр* — провозить; *чет* — доходить, *четир* — доставлять; *азры* — болеть, *азрыт* — причинять болезнь.

2. **Страдательный залог** образуется посредством аффиксов *-ыл, -ил, -л*, например: *быр* — повернуть, *бырул* — повернуться; *Андык кижилер карчы бурулбады* — Такие люди обратно не вернулись; *ток* — лить, сыпать, *төгүл* — вытекать, выливаться; *ташта* — бросать, *таштап* — бросаться, сновать во все стороны; *Васык бир метр кылычты ары-бери таштап чыт* — Васык с мечом длиной с метр бросался то туда, то сюда; *түйд* — разворачивать, разматывать, *түйил* — разворачиваться, разматываться; *Кийс түйдил чит, кийи үс чит* — Кошма растягивается, а человек растет; *тоз* — изнашивать, израсходовать; *тозыл* — изнашиваться, израсходоваться; *Окторы тозыла берерде, кылыш ла согыжа бердилер* — Когда стрелы кончились, они стали драться мечами.

3. **Возвратный залог** образуется посредством аффикса *-ын, -ин, -и* и чаще от переходных глаголов, например: *терес* — собирать, *тересен* — собирать для себя; *пеленде* — готовить, *пеленден* — готовиться, готовить для себя; *силки* — трясти, *силкин* — трястись; *төже* — стлать постель, *төжен* — стлать для себя.

У некоторых глаголов значение страдательной и возвратной формы слабо дифференцировано.

Образование залоговых форм возможно и аналитическим путем. Наиболее часто такие аналитические формы встречаются в возвратном залоге.

Категория вида

Формы глагольного вида образуются в кумандинском диалекте, как и в литературном алтайском языке, главным образом посредством словосложения, синтаксическим путем, хотя образование некоторых видовых форм возможно и путем аффиксации, т. е. морфологически.

По своему содержанию все видовые формы делятся на две группы:

1. Виды, определяющие количественную характеристику действия.
2. Виды, определяющие характеристику действия по их началу и завершению, а также по их длительности и направленности.

Все видовые формы образуются от нейтральной в видовом отношении исходной основы глагола.

Первая группа представлена следующими видовыми формами:

а) видовая форма ослабленного действия образуется посредством аффиксов *-ымзыра*, *-имзыре*, например: *кул* — смеяться, *кулумзыре* — улыбаться; *ыла* — плакать, *ылламзыра* — хныкать;

б) видовая форма полного отсутствия действия, или отрицательная форма глагола, образуется посредством аффиксов *-ма*, *-ме*, *-мы*, *-ми*, *-ба*, *-бе*, *-бы*, *-би*, *-па*, *-пе*, *-пи*, *-пи*, присоединяющегося к основе глагола, например: *айт* — говорить, *айтпа*, *айтпы* — не говорить; *Кайра айтпымыкың?* — Ты почему не говоришь? *Иван бир да айтпымыкпап* (<*айтпаган салган*) — Иван ничего не сказал; *ич* — пить, *ичме*, *ичпи* — не пить; *Ай-кык кыс аракы ичпим* (<*ичпеген*) — Ай-кык девушка не пила араки; *бар* — отправляться, идти; *барба*, *барбы* — не идти; *Бирзи да барбымын* — Ни один не пошел; *шык* — выходить, шыкпа, шыкпы — не выходить; *таньда кун шыкпим* (<*шыкпаган*) — утром, солнце еще не взошло;

в) форма многократного вида образуется посредством аффиксов *-кыла*, *-кыле*, *-гыла*, *-гыле*, присоединяющегося к основе глагола: *ат* — стрелять, *аткыла* — постреливать; *ил* — брать, взять, *алгыла* — брать часто, брать много раз; *бак* — смотреть, *баккыла* — поглядывать; *Отуз оол от баккылап тыт* (сапач) — Тридцать молодежь на огонь поглядывают (дранка на потолке дома или жерди, из которых строился дом — айыл).

Вторая группа видовых форм образуется главным образом аналитическим путем, т. е. путем сочетания основного глагола в дееспричастной форме с вспомогательным глаголом. Некоторые вспомогательные глаголы, например, глагол *ий-* в самостоятельном значении «отправлять, посылать» — превратились уже по существу в аффикс *-ий*, *-ий*. Глагол *ий-* в сочетании с основным глаголом образует совершенный вид, сравним: *кон* — ночевать, оставаться на ночлег, *коний* — остаться на ночлег; *пот пир конийдылар* — вот однажды ночевали; *таралый* — разойтись, *тарал* — расходиться, *парчын таралыйдылар* — все разошлись.

Большинство же видовых форм этой группы сохранило аналитическую структуру и состоит из двух компонентов: первый компонент — основной глагол в форме дееспричастия на *-а*, *-е*, *-й* или *-ып*, *-ип*, *-п* и второй компонент — вспомогательный глагол в соответствующей спрягаемой форме.

Однако не все сочетания такого типа могут быть отнесены к аналитическим видовым формам. Иногда глагол в дееспричастной форме и последующий глагол, к которому примыкает дееспричастие, сохраняет полностью свое знаменательное значение, ср. например: *Кызыл-дьерен ады удура айдып дьат* — Его конь Кызыл-дьерен отвечает (глагол *удура айдып* букв. — навстречу говоря); *Ийтпе эжигини ийде сал кирди*, *ача эжигини ача тартып кирди* — Дверь, которую нельзя толкать, ой, толкнув, вошел; в двери, которые нельзя открывать, открыв, вошел

(сочетание глаголов *ийде сал* здесь имеет видовое значение, а глаголы *ача тартыл* букв. — открывая потянув — самостоятельное значение); *Парыл, парыл ойдо келди, таьма шапкак чери ле, консок черинге кел-келди* — Шел он, шел и пришел обратно, пришел по местам, обозначенным зарубками, к тому месту, где почевал (здесь каждый из сочетающихся глаголов *парыл, парыл* и *кел-келди* имеет самостоятельное значение).

Из видовых форм, выражающих длительность совершения действия глагола, наиболее частой для кумандинского диалекта является форма глагола данного момента, образуемая посредством сочетания основного глагола в деепричастной форме с вспомогательным глаголом *чат-* например: *Сен кайда чадьп чыдым?* *Мен Чылгайда чадьп чыдым* — Ты где живешь? Я живу в Чылгае (формы *чадьп чыдым* и *чадьп чыдым* выражают длительность действия, происходящего в данный момент). *Бис озо барчадьбыс* — Мы идем вперед (форма *барчадьбыс* имеет тоже значение длительного действия, совершающегося в данный момент).

Кроме того, в кумандинском диалекте, как и в алтайском литературном языке, используется для выражения длительности действия безотносительно к данному моменту вспомогательный глагол *тур-*, ср. *Ачыдак эртен тура алгы кезики таз турат* — Старик вставал утром и доил свои шесть коров, *Бис меньдеп турьс* — Мы спешим; *Раак барьп турсунь ба?* — Далеко ли отправился?

Видовые формы, определяющие характеристику действия по его началу и завершению, разделяются на две противоположные группы.

1) видовые формы, выражающие начало действия, образующиеся посредством вспомогательного глагола *кир-* (самостоятельное значение «приходить») например: *ич* — пить, *ичип кир* — начинать пить; *ичи-жил кирип бардылар* — стали пить, начали пить (здесь все сочетание состоит из основного глагола *ичиш* — пить совместно — в форме деепричастия на *-п* и двух вспомогательных глаголов: *кир-*, указывающего на начало действия, и *бар-*, указывающего на развитие действия от данного момента в будущем);

2) видовые формы, выражающие завершение действия, т. е. совершенный вид, образуются посредством вспомогательных глаголов *ий* — посылать, отправлять, который, как указывалось выше, в большинстве глаголов совершенного вида превратился в аффикс *-ий*, *-ий*, но в некоторых основах и формах глаголов сочетание основного глагола и глагола-аффикса *-ий*, *-ий* приобрело особые стяженные формы, ср., например: *Алыны капка салкып сйе салыдирге санантырлар* — Надумали засунуть гуща в мешок и опустить в воду; *Кунза корзо, кун ач парьзин* (<*парыл ийген*) — Посмотрели на солнце, а оно уже закатилось; *кал* — оставаться — как вспомогательный глагол в сочетании с основным глаголом образует форму совершенного вида, например: *Кобчтер крын-крын тыгыл калган, суди тогул калган* — Все крынки были попалены на бок, а все молоко вылилось; *сал* — класть — как вспомогательный глагол в сочетании с основным глаголом образует форму совершенного вида: *Туслы суг тузасам* (<*тузап салганым*), *ат суйдини ичпичинде, судалам картактар азрасам* (<*азрап салганым*)» *деп айткан*. — «Соленую воду посолил, т. е. конь не пил воды, а овсом коршунов накормил», — сказал он; *Мен апырсим* (<*алып парьп салганым*) — Я проводил; *Бестирининь одуктирине чечалбем* (<*чечип салып бергеним*) — Всем сапоги снял; *Эргенее кун бле амьнап суглеп шыга салды тайгазаа* — На другой день они вышли на охоту в тайгу;

3) видовые формы, определяющие характеристику действия по его направленности от субъекта или к субъекту действия, разделяются соответственно на две противоположные группы.

Видовые формы, выражающие направленность действия к субъекту действия, образующиеся посредством вспомогательных глаголов:

Ал — брать, взять — как вспомогательный глагол в сочетании с дееспричастием на *-ыл, -ип, -л* основного глагола образует форму глагола, обозначающего действие, направленное на субъект действия; *тут* — держать, поймать; *тудуп ал* — поймать для себя, поймать себе; *Обижип сойлап бо койонды тудынан* («*тудуп алган*») — крадучись, ползком, он поймал себе этого зайца; *Тудакчечек аннап-судлеп пар чат, койон тудыналарга* — Мыса пошла на охоту, чтобы поймать себе зайца; *шыгар* — выводить, *шыгарып ал* — выводить для себя, себе; *Шыгаран* («*шагарып алган*») *ул атты, яфнан* («*мунип алган*») — Он вывел того коня и сел на него; *саг* — доить, собирать ягоды, *сагып ал* — собирать себе; *Ол кысычак чийлек сагып ала ла уган парган* — Девушка собрала себе ягод и отправилась домой; *болып ал* — превратить себя по что-либо; *Бойы, ады кичеч болып алды* — Сам он и его конь превратились в маленьких; *качырып ал* — угнать себе; *Малы-дизлики качырып алып ньаныды* («*ньанып ийди*») — Он угнал себе разный скот, забрал имущество и отправился домой.

Тот же глагол *ал* в сочетании с дееспричастием на *-а, -е, -й* образует форму возможности и невозможности; *шык* — выходить, *шыга ал* — мочь выходить, мочь избираться; *Кудряный оладч орын сыртына шыгалбас* («*сидырга*») — Кудряный мальчик не может вобраться на кровать (вешик); *эпир* — обойти, объять, *эпирип ал* — мочь обойти; *кайдаралбас малмы, эпиралбас элиге* — со скотом, который невозможно считать, с народами, которые нельзя обойти.

Форма возможности и невозможности в кумандинском диалекте образуется также параллельно посредством вспомогательного глагола *бол*; *от* — бить, разбивать, *ото бол* — мочь разбивать; *Куртый кмыртканы откан, откан, от болбыкан* («*ото болбогон салган*») — Старуха била, била, яйцо, не могла разбить; *обур* — вывернуть наизнанку, *обуре бол* — мочь вывернуть наизнанку; *Агамның борони* («*боронгичик обур болбодым* (*теңир соко*)) — Шанку моего отца я не мог вывернуть наизнанку (железная ступка); *кап* — ловить, хватать, *каба бол* — мочь ловить, мочь хватать; *Паська англа тудышкан, карбышкан, ол толына кап, бо толына кап, каба болбоды* — Васька за ней (за мышью) стал охотиться, гоняться, в том углу половит, в этом углу половит, поймать не может.

Видовые формы, выражающие направленность действия от субъекта действия, образующиеся посредством вспомогательного глагола.

Пер — дать, давать — как вспомогательный глагол в сочетании с дееспричастием на *-ыл, -ип, -л* основного глагола образует форму глагола, обозначающего действие, направленное от субъекта; *ал* — брать, взять, *алып пер* — передать другому, привезти другому; *Алтын торго кунънек алпер — теп айткан. Ол алпен* («*алып перген*») — «Купи мне рубашку из золотого шелка», — сказала она, и он купил ей.

Тот же вспомогательный глагол в сочетании с дееспричастием на *-а, -е, -й* основного глагола образует видовую форму глагола со значением действия, начинающего развиваться дальше; *уч* — летать, *уча бер* — начать летать, продолжать лететь, полететь; *Турназы уча берди, тулазы тьада калды* (*очак*) — Журавли полетели, а кочка осталась лежать (таган); *ий* — посылать, *ийе бер* — отправлять; *Кыс агасына письми ший ал келип, ийебен* («*ийе берген*») — Девушка написала и отправила своему отцу письмо; *тут* — держать, ловить, *туда бер* — хватать; «*Аа, сен ичпинсинъмин!*» — *деп, аттынъ бажынза агашла туда бертир, ады йларгын* — «А, ты не пьешь», сказал он и хватил коня по голове палкой, конь сдох.

Производные формы глагола

Общие сведения

Глагол, как часть речи, реализуется в словосочетании и предложении в виде трех основных производных грамматических форм: а) имен действия, б) причастий и в) деепричастий. В отличие от глагольных существительных, глагольных прилагательных и глагольных наречий, лишенных значения действия и состояния, производные формы глагола: имена действия, причастия и деепричастия — сохраняют значение динамического признака и имеют соответствующие, специфические для глагола грамматические категории.

Категория наклонения и времени

Как и в других тюркских языках, из трех производных грамматических форм кумандинского глагола значение наклонения или времени содержат только причастия, имена же действия и деепричастия нейтральны в отношении этих категорий.

Категория наклонения и времени не имеет отдельных для той или иной категории аффиксов и выражается одним аффиксом, имеющим значение либо наклонения, либо времени.

В кумандинском диалекте, как и в литературном алтайском языке, имеются следующие наклонения и времена.

1. Назывительное наклонение

а) настоящее, настояще-будущее и будущее времена;

б) прошедшее времена.

2. Повелительно-желательное и условное наклонения:

а) повелительно-желательные формы настоящего и настояще-будущего времени;

б) условные формы с условными, условно-уступительными и условно-сослагательными модальными оттенками настоящего-будущего и прошедшего времени.

Имена действия

Имена действия — субстантивные формы глагола — соответствуют в системе имен именам существительным и субстантивным формам других имонных частей речи. Они выступают в словосочетаниях и предложениях в качестве определяемых членов предложения и словосочетания.

В кумандинском диалекте имена действия встречаются относительно редко, в большинстве случаев они имеют глагольное и именное значение. В глагольном значении они замещаются часто субстантивированными причастными формами. К аффиксам, образующим имена действия в кумандинском диалекте, относятся следующие:

Аффикс *-ыш, -иш, -иш*: *тыш, чи* — есть кушать; *тыиш, чиш* — еда, процесс еды, пища; *Тыжи чок* — У него нет пищи; *ур* — бить, *уриш* — битва, сражение, драка.

Аффикс *-уу, -үү*: *сат* — продавать, *садуу* — торговля.

Аффикс *-ыл, -ил, -л*: *чыда* — терпеть, *чыдал* — терпение; *чырга* — радоваться, *чыргал* — радость.

Как уже отмечалось выше, как в алтайском литературном языке, так и в кумандинском диалекте имена действия постепенно теряют свое глагольное значение и переходят в систему имен существительных.

Причастия

Причастия, атрибутивно-определятельные формы глагола, соответствуют в системе имен именам прилагательным и атрибутивно-определятельным формам других именных частей речи. Они выступают в словосочетаниях и предложениях в качестве определяющих членов предложения и словосочетания.

Причастия как выразители динамического признака действия и состояния, в отличие от имен действия и деепричастий, характеризуются грамматическими категориями наклоения и времени.

В кумандинском диалекте, как и в других тюркских языках, различается два типа причастий:

- а) причастия, выступающие в функции и определения и сказуемого,
- б) причастия, выступающие только в качестве спрягаемых форм, т. е. только в функции сказуемых.

Причастия изъявительного наклоения

Причастия будущего и настоящего-будущего времени.

1. Причастия на *-ар, -ер, -р*, отрицательная форма на *-пас, -нос, -бас, -бос* выражает действие или состояние, которое присуще предмету или лицу вообще, или наступит в ближайшее время.

Причастие на *-ар, -ер, -р* выступает как в функции определения, так и в функции сказуемого, т. е. в качестве спрягаемой формы. Оно может выступать в предложении и в словосочетании в качестве субстантивированной формы, вмещающей имена действия.

Наконец, причастия на *-ар, -ер, -р* в сочетании с аффиксом направительного падежа соответствуют по своему значению русской неопределенной форме глагола (инфинитиву).

В положительной форме:

а) в функции определения:

Айдар сѳсинъ пар — У тебя есть слова, которые ты можешь сказать; *Ииа чурт бѳдѳрер керекке болмиш чыт* — Он помогает делу создания нового государства;

б) в функции сказуемого:

Иьаман саманза подполеза калыр — Если плохо подумает, то останется в подполье; *Олѳм качан да болзо шылатыгыны таап алар* — Когда бы ни наступила смерть, причину всегда найдет; «*Кайды айтсы дьакшы болор?*» — *айуг сурап чыт* — «А как лучше пригласить его?» — спросил медведь; *Дье кем эме барар анар?* — Ну кто теперь пойдет туда?;

в) в функции подлежащего (субстантивированное причастие): *Олѳри кѳп, ѳсѳбри ас* — Многие из них умирают, мало из них растет;

г) в функции дополнений (субстантивированная форма): *Апчыйач кра сѳрерде, пир де тьийтини тьок болгон* — Когда старик пахал пашню, у него ничего не было поесты;

д) в функции косвенного дополнения, соответствующего русской неопределенной форме глагола (инфинитиву): *Тулкѳчек анънап-суглеп пар чат, койон тудып аларга* — Лиса пошла на охоту, чтобы поймать себе зайца; *Танъ чарыды, анъчы анъныйырга барды* — Рассвело, охотник отправился на охоту; *Беш тастракай келди, Кара-монъысты ѳлтѳрее (<ѳлтѳрѳрее)* — Пришли пять тастаракаев убить Карамонъса.

В отрицательной форме:

Тил ѳгънотпос ньонну болды; тѳк ѳгънотпос маллу болды — Разноязычный народ у него был; разношерстный скот у него был.

2. Причастие на *-атан, -этен; -йтан, -йтен; -там, -тен*, отрицательная

форма на *-пис, -пес, -бис, -бес*, т. е. та же, что и для причастия на *-ар, -ер, -р*, выражает действие или состояние, которое является постоянным для данного предмета или лица или которое должно наступить в ближайшем будущем.

Причастие на *-атан, -этен*, как и предыдущее причастие, может выступать в предложении и словосочетании во всех синтаксических функциях.

В положительной форме:

а) в функции определения:

Менинъ алтан (<алатан) сыргалыйым — Моя нареченная (букв. — моя обладательница серега, которую я должен взять в жены); *Ньатан (нынатан) время четкендер* — Пришло время возвращаться домой; *Ат багдытан кастыгына ат багды* — Он привязал коня к коновязи (букв. — к колу, к которому привязывают лошадей);

б) в функции сказуемого:

Кырдын тушкенди, дьылгаатын — Если с горы спускался, то катился;

в) в функции подлежащего (субstantивированная форма):

Аинъ бир да кийтени тьок болгон — У него не было ничего надеть.

В отрицательной форме, как уже отмечалось выше, не используется причастная форма на *-пис, -пес, -бис, -бес*, либо аналитическая форма, например *Сут тийтени де чок* — Молока не осталось и поесть.

3. Причастие на *-калыг, -келг, -гилг, -гелг* выражают не совершенное, но ожидаемое в ближайшем будущем действие. Оно выступает только в функции сказуемого, например:

Кебирчегем болдо хадальг (<каткалыг) эди, кебир болдо дьеткелиг еди — Хрящи мои были еще не отвердевшими, стан мой был пока еще не достигшим совершенства.

Причастия прошедшего времени

Причастия, выступающие в функции и определения и сказуемого.

1. Причастие на *-ган, -ген; -кан, -кен; -ан, -ен*, отрицательная форма на *-пан, -пен; -бан, -бен; -пын, -пин; -бын, -бин*, выражает действие, которое совершилось в прошлом.

В положительной форме:

а) в функции определения: *Түйен парган карайны кийдин чидип алайдын?* — Уплавившую вниз сосну как догоню? *Алг чйге болгон барчын айгынты* — Глупец рассказывал все, что было; *Косте келген киж, торньанза бар* — В гости пришедший человек, или на почетное место;

б) в функции сказуемого:

Агазына айткан: «Кандыг ньаман ат» — Он сказал отцу: «Какая плохая лошадь!» *Отток ташы алганыр, тарак алганыр, дьйүргенир* — Они взяли камень-огниво, гребень и убежали; *Бир раз кактын салкойдан (<салын койгон) — Однажды он поставил капкан; «Бу атты кийданъ аланынъ» — деп сураптырлар?»* — «Эту лошадь откуда ты взял?» — спросили они; *Качан адазы блорде, оларына айткан* — Когда старик умирал, он сказал своим сыновьям; *Ай-кок кыс көкөх болуп уче (<уча) берген* — Девушка Ай-кок превратилась в кукушку и улетела; *Алар аны сйге салара санап алганар* — Они решили утопить его в реке;

в) в функции подлежащего и дополнений:

Очораным—ойдык, тепкеним—тевир текпеш (ээр) — То, на чем сижу, — углубление, то, что топчу ногой, — железная лестница (седло). *Чилбен кирип келди (<келгенде), Машпарак айчын* — Когда Делбеген вошел, то Машпарак сказал ему; *Бурун кебининъ ижинзары го-*

ронде, сууны уруйэмер (<уруп ийгенлер) — Когда он посмотрел сначала в нутро печки, они (девушки) вылили на него воду;

В отрицательной форме главным образом в функции сказуемого: *Ол бир даа айтпанынзаан* (<айтпаган салган) — Он ничего не сказал; *Куртуйачы баланы бербин* — Старуха не дала ребенка; *Шаналу балар тагнанъ учуртуп, шанашту да балар тагнанъ куру калбын турды* — Дети на лыжах летят с горы, да и дети на санках не отстают от них.

Отрицательная форма данного причастия в функции сказуемого может быть выражена также аналитическим способом, например: *раак бар* (<барып) *келген чок* — недалеко съездил.

Причастия, выступающие в функции только сказуемого

Причастие на *-ды, -ди; -ты, -ти*, отрицательная форма на *-бады, -бе-ди; -пады, -педи; -мады, -меди* выражает действие, которое совершилось в недалеком прошлом

Причастие на *-ды, -ди* во всех современных тюркских языках получило значение спрягаемой основы прошедшего определенного времени и, следовательно, выступает в предложении только в функции сказуемого:

В положительной форме: *Бис чай иштибис, школго бардыбыс* — Мы выпили чай и пошли в школу; *Адыс твет парды, анчыайктынъ уйине кир парды* — Медведь дошел до дома старика и вошел в него.

В отрицательной форме: *Нир де ниме кижи тили ле тьоктанбады* — Никто человеческим языком не разговаривал;

Причастие повелительного, желательного и условного наклонения

1. Причастие на *-ай, -ей; -кай, -кей*, отрицательная форма *-баай, -беей; -паай, -пеей; -маай, -меей* выражает желание или согласие совершить данное действие в будущем: *Таран чаштым тал тоске, чаран шыккай нир чылга* — Я посеял просо около тальника, пусть хорошо вырастет за год.

2. Причастие на *-сын, -сик; -зын, -зин* выражает пожелание или повеление совершить данное действие. В современном языке употребляется только в третьем лице повелительного наклонения: *Анда шуланда нъаман атка муналсын* — Пусть оседлает ту плохую лошадь, которая находится в чулане.

Причастие на *-са, се; -за, -зе; -сы, -си; -зы, -зи*, отрицательная форма *-база, -беze; -паза, -пеze; -маза, -меze*, выражает условие, при котором может совершиться второе основное действие. В современных тюркских языках, и в том числе в кумандинском диалекте, выступает только в качестве спрягаемой формы условного наклонения.

В положительной форме:

Барзам, барзам, талкым берзе, чебез (шана) — Если я еду, — не устают, если дадут талкан, — не ест (лыжи); *Анчыайк тьыгыл ийен, турагалзы, куртуйачы чок* — Старик упал, а когда поднялся, то старухи уже не было;

В отрицательной форме: *Анар барзы барарым, анар барбазы барбазым* — Если они пойдут, то и я пойду, а если нет, то и я не пойду.

Деепричастия

Деепричастия — атрибутивно-обстоятельственные формы глагола — соответствуют в системе имен наречиям и атрибутивно-обстоятельственным формам других именных частей речи. Они выступают в словосо-

четаниях и предложениях в качестве обстоятельственных слов при глагольных производственных формах (имени действия, причастии и деепричастии). Деепричастия входят также в состав сложных глаголов, выражая основной глагол.

В зависимости от оформления и состава аффиксов деепричастия бывают простые, сложные, сокращенные и удвоенные или парные.

Простые деепричастия

1. Деепричастие на *-а, -о, -й*, отрицательная форма на *-май, -мей*. В положительной форме: *Кастар ла турнарлар уче берди* — Гуси и журавли полетели; *Кара, кара, кара кии каракай пашыма туней не?* — Черные, черные, черные птицы на черные сосны разве не почуют? *Эки карындаш тола ажыра тьаттылар* — Два брата через дорогу живут. Здесь деепричастие *ажыра* выступает в функции предлога.

Тойлов ок турдылар, тойлов ок турдылар, тепшикинъ туйи тозале берди — Пировали, пировали, у деревянной чашки дно продырявили (ложками).

В отрицательной форме:

Кичеъ эгирек үрбей чит, уеза кижи божотбойт (сомок) — Маленькая собачка не лает, а в дом человека не пусклет (замок);

Көрзөм, көрзөм, көрүнбейт, тутсам, тутсам, тудулбайт (кей) — Хочу видеть — не показывается, хочу схватить — не дается (воздух).

Здесь отрицательная форма деепричастий *божотбойт, көрүнбейт, тудулбайт* в составе формы третьего лица настоящего-будущего времени.

2. Деепричастие на *-ми, -ип, -п*, отрицательная форма на *-бым, -бим, -пым, -пим*.

В положительной форме: *Бирси качып, двор кадынзи туше берди* — Один из них, убегая, под землю ушел; *Тегри болып килреп чыкты, тебир болып чылдырап келди* — Как небо втремел, как железо зазвенел; *Барып ок чым, барып ок чым, ол ады бл паан* — Ехал он ехал, и лошадь его сдохла;

В отрицательной форме:

«*Тье — айыг синанды — дьакшы сапан тьоргеъ болсыми, менъ чу келишбим бирды*», — «*Ну, — подумал медведь, — хотя я ходил и мечтал о хорошем, но вышло не по-моему*».

Сложные деепричастия

Деепричастие на *-калы, -кели, -галы, -гели* выражает действие, совершающееся непосредственно перед основным действием: «*Тье база пийде ле айтсанъ, черди тепкели «брыс» деп ле айтсанъ, сенъ орвенъ угар*» — *деп айтты ашыдайк*. — «Ну вот, например, как только ты, топнув ногой, скажешь ему «брысь», то он сразу послушается тебя», — сказал старик.

Сокращенные деепричастия

В кумандинском диалекте деепричастия на *-ыл, -ип, -п* и реже на *-а, -е, -й* в живой речи и сочетании с другими глаголами обычно не имеют оформления и совпадают с основой данного глагола: *Айыг нын (<ны-нын) парды* — Медведь возвратился (домой); *Парчын таралыйдылар (<таралып ийдилер)* — Все разошлись; *Эжигини ийде сал кирди (<ийде салып кирди)* — Толкнув двери, он вошел; *Эгер үр дыт (<үрүп дыт)* — собака лает; *Өрөктөш (<өрөктөжип) турдылар, тьокташ (<тьоктажа) болбонзылдылар, тил унъашипас болдылар* — Стали разговаривать, но не смогли договориться, не поняли друг друга.

Ср. также *гел* (<гелил) *тыт* — он подходит; *тиш* (<тйжйп) *тыат* — он падает; *тур* (<туруп) *тыт* — он стоит; *сургараны тывал* (<тып алып) *угтап чыт* — поест сухарей и спит; *Ол кыс эс уге торго шугрени ил саам* (<илип салган) — Девушка повесила на высокий дом шелковый платок; *Сен кана бар* (<барып) *келдинь?* — Ты куда ездил? *Калка тола ла тиш тык салды* — А мешок наполнил камнями.

Удвоенные деепричастия

Удвоенные деепричастия в кумандинском диалекте могут быть двух типов.

1. Парно-повторные, выражающие продолжительность действия: *кадира-кадиара саак полгалды* — ждали, ждали много времени прошло; *алыра-алыра уйыктап ийди* — нес, нес и заснул; *парып-парып ойдо келди* — шел он, шел и обратно пришел.

2. Парно-собирательные деепричастия, состоящие из двух деепричастий от различных глаголов, но близких по своему значению и выражающие два смежных совершающихся действия: *ичип-тып ичегине кире берди* (бычак) — попил-поел и в свою берлогу вошел (нож и ножны); *Дьенизини туштап корип — углап дыатты* — Встретившись с пленяницей, они смотрели на нее и плакали; *Обижип-сойлап бо кой-онды тудылаан* (<тудуп алаан) — Крадучись, ползком, она поймала этого зайца.

ПРИЧАСТИЕ НА -ГАН В СОВРЕМЕННОМ АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Форма причастия на *-ган* и своих грамматических показателях (аффиксах) имеет несколько фонетических вариантов. К основам, оканчивающимся на глухой согласный звук, присоединяются аффиксы с начальным *к*: *-кан*, *-кон*, *-кен*, *-көн*. Основы с конечным гласным, звонкими или сонорными согласными имеют аффиксы *-ган*, *-гон*, *-ген*, *-гөн*. Аффиксы с гласными *а* присоединяются к основам с гласными *а*, *ы*, *у*, с гласным *е* — к основам с гласными *э*, *е*, *и*, *у*, аффиксы с гласными *о*, *б* строго гармонируют с соответствующими гласными основ глагола *аткан*, *корчойгон*, *берген*, *жылыган*, *жунган*, *кирген*, *йүскен*, *тоскон*, *көрбөн*, *жаскан* и т. д.

В основном алтайском диалекте, легшем в основу литературного языка, а также и в других диалектах (теленгитском, телеутском, тубаларском, челканском) после отрицательных основ или вообще основ, оканчивающихся на гласный звук (что бывает реже), начальный *г* аффикса причастия на *-ган*, оказавшись между однородными гласными, произносится весьма ослабленно или опускается вовсе: *бербеген-бербеем*, *йүрбеген-йүрбеем*, *көрбөгөн-көрбөөм*, *балыктаган-балыктаан*, *тузактаган-тузактаан*, *бриймдеген-брумдеем*, *курсаган-курсаан*, *Кату тырмак мокоруп, айу чыкпаан мөш бар бет*; *кырду мылтык тудунуп, бис бтпбөн жыш бар бет* (из песни охотника-теленгита) — «Есть ли кедр, на который бы не взбирался медведь, иступляя (свои) крепкие когти; есть ли глухая тайга (лес), где бы мы не проходили, держа в руках нарезное ружье, винтовку».

Нередко начальный *г* аффикса *-ган* выпадает в сочетании с конечными гласными основы глагола *л* и *р*. Такое упрощенное произношение звукосокращений *ле* и *ре* соблюдается в северных диалектах алтайского языка (тубаларском, челканском и кумандинском): срапн. *ол кайда барган?* — *ол кана баан?* (диалект туба) — куда он ушел?; *ол жүре берген* — *ол чор каан* (кумандинский диалект) — он ушел; *салган-саан* — положил; *экедген-экеен* — принес; *артып калган-арткаан* — остался; *болгон-боон* — был; *келген-кеен* — пришел; *берген-беен* — дал и т. п.¹

Упрощенное или факультативное произношение начального *г* аффикса причастия на *-ган* является одним из разновидностей широко распространенной в современном алтайском языке и его диалектах редукции (упрощения) заднеязычного *г* в интервокальном положении.

¹ Из материалов диалектологических командировок в Турачакский район, совершенных Горно-Алтайским НИИ ЯЗЛ летом 1954 и 1955 годов, в которых автор принимал участие.

Однако в отличие от многих других случаев исторического выпадения заднеязычного *g* или факультативного его произношения в интервокальной позиции, указанная особенность в произношении начального *g* аффикса *-ган* не является нормой литературного языка. Поэтому ее следует считать признаком разговорного алтайского языка.

К другому случаю фонетического изменения аффикса причастия на *-ган* относится произношение *m* и *ng* вместо конечного *n*. Такое изменение соблюдается при спряжении причастия на *-ган* для обозначения первого и второго лица ед. числа. Причем аффикс первого лица *-ган* исторически восходит к *-ган + личное местоимение мен; барган + мен*, где, вследствие близости артикуляции *n* и *m*, звукосочетание *nm* превратилось в *m*: сравни *барган мен- барганым- барган* — я пошел, сравни еще телеутское *баймин* — я богат¹. Точно так же показатель второго лица этого причастия *-ган* восходит к *-ган + сен; барган + сен барган-сым-барганым-барган* — ты пошел, ты шел. Сравни пример из диалекта туба *сен неми эткенсин?* — Что ты делал? Полные формы аффиксов первого и второго лица категории спряжения (с сохранением некоторых переходных моментов) *-мым, -пын; -сым, -лин* встречаются в диалекте туба, а также «в телеутском и теленгитском диалектах»². Сокращенные (редуцированные) форманты первого и второго лица (*-ган, -ган*) причастия на *-ган* являются нормой литературного языка.

Значение причастия на *-ган*

В существующей литературе по алтайскому языку данная форма причастия не имеет единого названия. Называя это причастие по-разному, авторы исходят в основном из значения причастия на *-ган*: сравни «настоящее-прошедшее» причастие³, «глагольное имя на *-ган* (причастие настоящего-прошедшего времени), глагольное имя (причастие) на *-ган*»⁴, «причастие прошедшего времени», «причастие на *-ган*»⁵. Мы придерживаемся последнего названия «причастие на *-ган*».

Причастие на *-ган*, как правило, обозначает действие или состояние предмета, относящееся к прошедшему времени: *оькөн јер* — место, где вырос, родное место; *болболон учурал* — небывалый в прошлом случай; *јуре берген улус* — ушедшие люди; *кызыткан темир* — раскаленное железо; *айткан сөс* — сказанное слово; *откөн ай* — прошедший месяц; *јартына чыкпаган сурак* — невыясненный вопрос.

В функции субстантива причастие на *-ган* продолжает обозначать действие, является именем действия или обозначает субъект действия, служит именем деятеля, не теряя способности обозначать (в последнем случае) действие или состояние предмета-деятеля. При этом благодаря сохранению значения действия или состояния предмета оно, как правило, имеет вполне определенное отношение к прошедшему времени: *билгеним јакшы болды* — хорошо, что я знал, дословно: мое знание в прошлом хорошо было; *бергениним артканы* — оставшееся от того, что он дал; *Произведениелер кайдаг, кемнен бичилгенин ле јарт эмес сөстөрдү јартаганын бичиктин учындагы «ајарулар» деп бөлдүктен көрүгөр* (Алтай албатынын чүмдү сөстөри. Горно-Алтайск, 1961, стр. 4) — То, откуда, от кого записаны произведения и как разъяснены непонятные слова, (это) смотрите в разделе «примечания» в конце книги;

¹ Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, стр. 55

² Н. А. Баскаков. Очерк грамматики ойротского языка. См. в кн. Ойротско-русский словарь. М., 1947, стр. 275.

³ Грамматика алтайского языка. Казань 1869, стр. 55.

⁴ Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М., Л., 1940, стр. 145, 174

⁵ Н. А. Баскаков. Очерк грамматики ойротского языка. См. Ойротско-русский словарь. М., 1947.) стр. 247, 249.

Окон ары не болгонын билбей калдым — То, что случилось, что было дальше, я не узнал; *Куштардын кетпегендери Алтайда кыштап жат* — Те из птиц, которые не улетели (на юг), зимуют на Алтае; *Арина суунгенинег кийгырып ийген бойынча, кызычагым кучактанып, үйдөн чыгып жүрүди* (Л. Кожышев. Арина, 32) — Арина от радости (от того, что обрадовалась), вскрикнув, взяла на руки свою дочь, выбежала из жилища; *Ак-Тайчынын каныкканын жымжадар неме жок болды* (из эпоса) — Не было ничего такого, чтобы смягчить гнев (то, как он разгневался) Ак-Тайчи; *Быжу анчы тийиндердин түги једип келгендерин талдап адат* — Настоящий охотник добывает белок и завикимости от их меха, дословно: стреляет, выбирая тех белок, у которых дошел мех.

В предикативной функции причастие на *-ган* спрягается, как и прочие личные формы глагола (Verbum finitum), образует одну из форм изъявительного наклонения прошедшего времени — настояще-прошедшую описательную форму в противоположность повествовательной, прошедшее второе (давнио-прошедшее) в противоположность первому (достоверному недавнио-прошедшему).¹ Сама по себе эта форма глагола имеет значение давнопрошедшего времени или обозначает «действие совершившееся в неопределенном прошлом»² *сен иштеген* — ты работал; *ол үргенген* — он учился; *мен билбегем* — я не знал.

Однако в процессе употребления формы на *-ган* в языке временное значение ее получает вполне определенную конкретизацию, например относительно к форме прошедшего времени на *-ды*, к моменту речи (настоящему времени) или вообще к временному фону высказывания в целом. Например, составители «Грамматики алтайского языка», сравнивая эту функциональную форму глагола (в роли сказуемого) с формой «повествовательной» (прошедшее категорическое на *-ды*), выделяют значение прежде совершившегося действия, которое в момент совершения действия, обозначаемого формой на *-ды*, уже было состоянием предмета, возникшим по совершению самого действия. А по отношению к моменту речи (описание собственно относится к настоящему времени) выделяют значение результата совершившегося действия, «который теперь составляет состояние предмета»³.

Таким образом, в качестве важнейших особенностей значения причастия на *-ган* следует выделить два момента: 1) значение давно- или преждепрошедшего времени. Такое значение отмечает в своих работах и Н. П. Дыренкова,⁴ и Н. А. Баскаков;⁵ 2) значение сохраняющегося в момент речи состояния, представляющего собой результат совершившегося (давно или прежде) действия.

В современном алтайском языке последнее значение определяет главным образом не в самом причастии на *-ган*, а в его отношении:

1. К предмету, который является (в зависимости от собственного его значения или значения глагола) объектом или субъектом совершившегося (давно или прежде) действия, обозначаемого причастием. Результат совершившегося в прошлом действия и представляет собой состояние этого предмета.

Как известно, предмет-определяемое, являясь известным центром внимания говорящего, обычно мыслится как нечто, имеющееся налицо находящееся в прямом отношении к моменту речи. В связи с этим

¹ Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, стр. 246—249.

² Н. П. Дыренкова, Грамматика ойротского языка. М.-Л., 1940, стр. 170.

³ Н. А. Баскаков, Очерк грамматики ойротского языка (См. Ойротско-русский словарь. М., 1947), стр. 270.

⁴ Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, стр. 232, 248.

⁵ Н. П. Дыренкова, Грамматика ойротского языка. М.-Л., 1940, стр. 174.

⁶ Н. А. Баскаков, Очерк грамматики ойротского языка (См. Ойротско-русский словарь. М., 1947), стр. 290.

значение результата действия в причастии на *-ган*, представляющего собой состояние предмета в момент речи (или времени, обозначаемом в конечном сказуемом), лучше всего улавливается в атрибутивной функции, в позиции определения: *ижим бождып салган улус* — закончившие, завершившие свою работу люди; *тонуп калган јер* — замерзшая земля; *танымд тийген ол* — попавшая в мишень пуля; *уйкузы јет-пеген бала* — невыспавшееся дитя и т. п.

Результативное значение состояния в причастии на *-ган*, ввиду еще более тесной семантики взаимоотношения действия, с одной стороны, и субъекта или объекта действия, с другой, не менее рельефно выделяется в функции субстантива. Здесь субъект или объект действия обозначается или самим причастием (имя действовавшего лица) или аффиксами категории принадлежности (имя действия). В последнем случае состояние-результат совершившегося в прошлом действия мыслится и как объект принадлежности одному из трех лиц безотносительно к категории времени.¹ Состояние-результат совершившегося в неопределенном прошлом действия в том и в другом случае мыслится таковым в момент речи (или времени конечного сказуемого) именно в связи с субъектом или объектом этого действия (грамматический предмет, субъект или объект, как потенциальное определяемое также близко к центру внимания говорящего, к моменту речи): *Кун туркумына сүргени беш кыра болды* — То, что он пахал за день, получилось равным пяти гектарам.; *Уренип алганын тегин калбас* — То, что ты выучился, зря не пропадет.; *Тидимди анчыга сестиртпегени арзайдайт* — Белку выручает то, что она не дала обнаружить себя охотнику.; *Кайра киргени колдотко болды, кармай алганы кулак болды* (из эпоса) — То, что он увидел (посмотрев назад), оказалась тень (его), то, что он схватил (провел рукой), оказалось ухо (его).; *Бичикке үргененин билери кол* — У того, кто учился грамоте, много знания.

Значение качественного определения субъекта, значение состояния-результата совершившегося в прошлом действия у причастия на *-ган* и предикативной функции, т. е. в позиции сказуемого, вероятно, является производным от значения в функции субстантива и, главным образом, атрибутива; сравн.: *Бу ат бастыра јарышты алып чыккан* — Эта лошадь победила во всех состязаниях, т. е. такая, которая победила...; *Менин энем баштап Сайддыста јаткан* — Моя мать сначала жила в Сайддысе, т. е. такая, которая сначала жила в Сайддысе; *Бистик планета јетем бир процентке талайла, текистерле буркелген* — Наша планета на семьдесят один процент покрыта морями, океанами; *Ойнобосто не келген, от аларга келген бе? Иргабаста не келген, јылмарга келген бе?* (из песни) — Если не играешь, то зачем ты пришел, не за огнем ли ты пришел (т. е. являешься пришедшим)?, если не веселишься, то зачем ты пришел, не погреться ли ты пришел (т. е. являешься пришедшим)?; *Балам, сен канайткан?* — Дитя мое, что с тобою случилось? Спрашивая, говорящий судит по результатам случившегося, что сохранилось в настоящее время, в момент речи, т. е. по тому состоянию предмета, которое является результатом действия, совершившегося в прошлом.

2. К определенному аспекту или моменту времени (прошедшее, настоящее, будущее). Причем значение этого времени или момента во времени выражается не только (другими) спрягаемыми формами глагола, но и специальными словами типа: *озо, озогыда* — раньше, прежде; *кече* — вчера; *башкун* — позавчера; *былтыр* — в прош-

¹ Т. к. результат мыслится сохраняющимся в момент речи, как то, что будет и в будущем: сравн. тот же пример с другими формами времени в роли конечного сказуемого: *Кун туркумына сүргени беш кыра болуп јат* — То, что он вспахал за день, обычно успеваеt вспахать за день, равняется пяти гектарам и *Кун туркумына сүргени беш кыра боюр* — То, что он вспахал за день, будет равняться пяти гектарам.

лом году; эрте — раньше; быыл — в этом году; ол тушта — в то время, в тот момент; ол бидд — в то время; эртен тура — утром; алдында — прежде, в прошлом; энди — теперь и т. п. Примеры: *Келгени билжил болды* — С того времени, как он приехал, прошел год; т. е. его приход, как состояние-результат совершившегося в прошлом действия, был, сохранялся или сохраняется один год; *Олјодон арткан јаныс ол болды* (из эпоса, АБ, II, 15)¹ — Оставшимся из плена был только он один; *Кыш болгоны јаказындагы курудан билдирди, јай болгоны јарды изилденинен билдирди* (из эпоса, АБ, I, 36—37)² — То, что сейчас (есть) зима (как результат того, что она наступила), стало известным из новостей на воротнике, то, что сейчас (есть) лето (как результат того, что оно наступило), стало известным из тепла на плечах; *Баштапкы колхозчылар трактор кыра сјуруп турганым кбрлб, кайкашты* — Первые колхозники видя то, как пашет трактор землю (пахню), удивились; *Койлор текеге баштаткан, келип јатты* — Овцы шли за козлом, т. е. шли в состоянии водительства со стороны козла; *Айтканымча болзым* — Пусть будет так, как ты сказал; т. е. по результату того, что ты сказал; *Албулутла јабымып алган, кбк тегериге тийип калган, кбс јерјерде јес тайга турды* (из эпоса, АБ, II, 171) — Покрыта белыми облаками, касаясь (вершинной) сннего неба, на расстоянии, которое может достичь глаз, стояла медная гора; *Бу бору чаклыга кече тушкен* — Этот волк попался и капкан вчера; *Ол тушта бис тушташаганмыс* — В то время мы встретились; *Бу кар эртен тура јаган* — Этот снег выпал утром; *Андын учурил быатыр да болгон* — Такой случай был и в прошлом году.

Значение сравнительной давности, неочевидности совершившегося в определенном прошлом действия, например, в сравнении с формой прошедшего категорического времени на -ды, а также значение состояния-результата совершившегося в прошлом действия у причастия на -ган (в предикативной функции) отмечаются и в исследованиях по другим тюркским языкам. При этом авторы, в зависимости от того, какое значение они считают наиболее существенным, главным, называют эту форму глагола по-разному: сравн. «прошедшее неопределенное время» на -кан»,³ «прошедшее неочеканное»,⁴ «прошедшее перфективное время»⁵.

Одним из обоснований значения причастия на -ган является то, что оно может обозначать действие, которое совершается в момент речи, существует как состояние предмета в настоящее время:

1. Глаголы *јат, тур, отур, јур* в форме причастия на -ган, наряду со значением прошедшего времени, могут передавать и значение настоящего времени, что, вероятно, связано с функцией этих четырех глаголов и качестве основного средства передачи значения настоящего времени; сравн. *столдо јаткан бичик* — лежащая, лежавшая на столе книга; но: *бу јаткан бичик* — вот эта лежащая книга и *кече столдо јаткан бичик* — вчера лежавшая на столе книга; *јунда отурган улус* — сидящие, сидевшие на собрании люди; но: *ол отурган улус* — сидящие во люди и *озогыда башкаруда отурган улус* — в прошедшем сидевшие в составе правительства люди; *чолдб јаткандар* — живущие, жившие в степи, те кто живет, жил в степи; но: *алдында чолдб јаткандар* — жив-

¹ Здесь и дальше дается сокращенное название книги «Алтай баятырлар», т. I, стр. 124.

² Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах Грамматика тувинского языка М., 1961, стр. 369, 373.

³ А. А. Юдашев Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке М., 1958, стр. 138—139.

⁴ С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка. Л., 1959, стр. 13—14; А. Н. Кононов. Грамматика узбекского литературного языка М.-Л., 1960, стр. 216—220.

⁵ В функции средства передачи значения настоящего времени глаголы *јат, тур, отур, јур* представляют собой стяженную форму причастия на -ар. Об этом см. Н. А. Баскаков Очерк грамматики алтайского языка. (Обротско-русский словарь М., 1947), стр. 282—284.

шие прежде в степи; *кол кучиле јаткандар* — живущие, жившие трудом (своих) рук; те, кто живет, жил трудом рук, т. е. трудящиеся, трудившиеся, но *озогыда кол кучиле јаткандар* — прежде жившие, те, кто жил трудом рук; *агаштым турганы* — то, что дерево стоит, стояло, но *Јарыкчы алдында тикши турганын короло, туура јортты* — Всадник, увидев, что перед ним стоит пень, повернул, поехал в сторону и *Алдында колхозтын конторазы бу тижында турганын мен де билерим* — То, что прежде колхозная контора стояла, находилась вот здесь, и я знаю; *сарастым јургеми* — то, что колонок ходит, пребывает или ходил, пребывал или еще то, что осталось как результат хождения, пребывания колонка, т. е. следы, ср. *сарастым или* — следы колонка; *Азырал ас, колдо турган мал кол, канайдыр?* (А. Адаров Тундеги жылдыс, стр. 37) — Корма мало, скота, находящегося под присмотром, много, что делать? *Неме бодул бил каллам, темир огым саргарыл, татап јургеми-нем билерисер* (АБ, I, 123) — Если что случится и я умру, узнаете об этом от того, что стрела моя железная, желтея, ржавеет.

Причастие на *-ган*, образованное от сложных основ глагола, где вторым компонентом являются грамматикализованные слова *јат, тур, отур, јур* в функции прилагательного и существительного, как правило, передает значение настоящего времени: *отоп јурган мал* — пасущийся скот; *малдым отоп јургеми* — то, что скот пасется; *иштеп турган улус* — работающие люди; *улуштым иштеп турганы* — то, что люди работают; *иштеп тургандар* — те, кто работает; *учуп отурган куш* — летящая птица; *куштым учуп отурганы* — то, что птица летит.

Однако при наличии атрибутивных слов, указывающих на определенный момент времени в прошлом, причастие на *-ган* с грамматикализованными словами *јат, тур, отур, јур* может обозначать и прошедшее время: *Кечеги иштеп турган улус булун амырал јат* — работавшие вчера люди сегодня отдыхают; *Байагы улуп турган ббруни адын алдыбыс* — Волка, который недавно был, мы застрелили.

В предикативной функции, в позиции конечного сказуемого, указанное сложное причастие на *-ган*, как правило, передает значение прошедшего времени, точнее, обозначает совершившееся в прошлом, осознаваемое как незавершенное действие, т. е. имеет значение имперфекта: *Мен айылга кирип келеримде, энем тук ирип турган* — Когда я вошел в юрту, мать пряла шерсть; *Кырлардын баштарынан булуттар чыгып, таркап турган* — С вершин гор появлялись (выходили) тучи и расходились; *уренчиктер јанып отурган* — Учащиеся шли домой; *Таудам канза эдил јаткан* — (Тогда) дед мой делал трубку; *Булуттарды откуре ай чалып турган* — Сквозь облака сияла луна и т. п.

В позиции самостоятельного, конечного сказуемого причастия, образованные от простых основ *јат, тур, отур, јур*, также передают значение прошедшего времени: *Бого тулку отурган* — Здесь сидела лисница; *Ого ан турган* — Там стоял олень; *Мен келеримде, ол орында јаткан* — Когда я пришел, он лежал на кровати; *Санат иштиг озочылдарынын јуунына јурган* — Санат ходил, ездил на совещание передовиков производства.

Причастия, образованные от глаголов *јат, тур, отур, јур*, нередко передают значение настоящего времени и в позиции конечного сказуемого: *А бу сен неми эдил јаткан?* — Что же это ты делаешь? *А бу сен канайыл јурган?* — Что же это с тобой происходит? *Ол школго энгирде јуруп турган* — Он ходил, ходит в школу вечером; *Неким учуп ол иштебеске турган?* — Почему он не хочет работать? *Мен мынайда одуп*

¹ Ж. Марузо. Словарь лингвистических терминов. Перевод с французского. М., 1960, стр. 119.

тургам — Я обычно ходил, хожу так. *Сен кайда бараткан?* — Куда ты идешь?

2. Причастие на *-ган* передает значение настоящего времени в связи с преимущественным обозначением состояния предмета, которое представляет собой (в момент речи или времени конечного сказуемого) результат совершившегося в прошлом действия. Здесь внимание говорящего обращено, сосредоточено главным образом на этом состоянии. Поэтому в зависимости от конкретной ситуации речи, синтаксических условий причастие на *-ган* иногда может передавать значение настоящего времени (и вне связи с семантическими особенностями глаголов: *јат, отур, тур, јур*): сравни употребление одного и того же причастия в различных функциях: *атка минип алган кеше* — севший, сидящий на лошади человек; *атка минип алгандар оло барзын* — сидящие на лошади пусть едут впереди; *улуз атка минип алган* — люди сели, сидят на лошади; *Јазип уксам, колхозтын малын кабырган Сапатын јми цулат* — Когда прислушался повнимательнее, слышу голос пасущего колхозный скот Сапата; *Эрдиги јурјиди не дейзин, ичкеним кымыс, јигеним эт* — Что скажешь, что можно сказать о жизни теперь: то, что я пью, — кумыс, то, что я ем, — мясо; *Алты уде ју килер чакы ак булутка тјртјлген, айга-кјнге мызјидип турды* — Конюшня с шестью суставами упиралась в белые облака, сверкала на солнце-луне, т. е. достигая белых облаков, блестела от (лучей) солнца и луны; *Мол азыраганы кбс оды; бала азыраганы буур оды* (поговорка) — Выращивание скота, то, что выращиваешь скот, приятно для глаз; воспитывание, то, что воспитываешь ребенка, приятно для души; *Аштаганым сагыжым ток билбес, јоктуным сагыжым бай билбес* (поговорка) — Мысли того, кто голоден, не понимают сытый; мысли того, кто беден, не понимают богатый; *Талдама деген ак-борон таказым јок ат эмей* (Л. Кокышев, Арина, 45) — Ведь лошадь твоя, считающаяся лучшей, без подков; *Сууны кечип јатсам, меге идура кара атту, шыралу мылтык јуктемген, курмын јч тийин, бир кјртјк кыстанган келин клеет* — Когда я переправлялся через реку, навстречу мне ехала женщина на черной лошади, имеющая за спиной ружье с упорами (подставками, ножками), имеющая на поясе трех белок, одного тетерева; *Удалбаган кам болор, јалкуурбаган ис болор* (поговорка) — Тот, кто не стыдится, станет шаманом, кто не ленится — мастером дела.

Форма местного падежа причастия на *-ган*, наряду с другими значениями, передает также и значение настоящего времени: *Суузгагда, суудан тату неме јок* — Когда хочешь пить, вкуснее воды нет ничего; *Ийт тийин кјрејиди, јрун чыгат* — Обычно, когда собака видит белку, начинает лаять; *Колхозис јангыс болсондо, кожо иштейли, нб, кбрлбр!* (из песни) — Если когда колхоз наш один, является одним, давайте работать вместе, товарищи!

В зависимости от временного значения конечного сказуемого причастие на *-ган* иногда может приобретать и значение будущего времени: *Кјн јудаарга турганым карлагаштар јабыс учканынан билерин* — О том, что погода хочет портиться, изменится к худшему, узнаешь из того (факта), что ласточки летают, будут летать низко; *Балдар айтканынды окдобой турган болзо, катап јартап бер* — Если дети не понимают, не будут понимать того, что ты сказал, будешь говорить, поясни, разъясни снова; *Салган одын очпјс болзын, салкын кепту кјдјп јатсын, туткан малын семис болзын, тулаар сайым отоп јурзин* (из свадебно-обрядового благословения) — Пусть огонь, который ты разведешь, не гаснет, будет негаснущим, горит, как на ветру, как ветер; пусть скот, который ты будешь иметь, выращивать, будет упитанным, жирным, пасется в горах, почти на каждой горе.

Нередко причастие на *-ган* может обозначать признак предмета, состояние его относительно ко времени, сближаясь в этом отношении с прилагательными: *карыган кижги* — старый человек, *сүүгөн кыс* — любимая девушка, *кийгөн кийим* — носимая одежда, *сакаган кижги* — желаемый человек, *атка мимбеген кижги* — человек, не умеющий ездить на лошади, дословно: не садившийся на лошадь человек. *Талам болгон алаканын јайа тудун эзендешти* (на эпосу) — Он поздоровался, расправив свою ладонь, похожую на поле, как поле.

Как мы отметили выше, причастная форма на *-ган* от глаголов *јат, тур, отур, јур* обладает способностью передавать значение настоящего времени. Значение настоящего времени она сохраняет и в другом случае. Например, при условии грамматикализованного употребления глаголов *јат, тур, отур, јур* производная от них причастная форма на *-ган* в сочетании со связкой *бол* с аффиксом условного наклонения¹ (*болзо*) образует форму настоящего времени этого наклонения. *Ол болбой турган болзо, болболын* — Если он не соглашается, пусть не соглашется; *Танкыдын баш оорып турган болзо, оны тартпас керек* — Если от табака болит голова, то не надо курить его; *Күш учуп бараткан болзо, тийдире адарга куч* — Если птица летит, находится в полете, стрелять в нее, попасть трудно; *Балдар ойноп јаткан болзо, бериште* — Если дети играют, не мешай (им); *Туман жабызан јаткан болзо, айас болор* — Если туман опускается вниз, то будет хорошая погода; *Ок-таарым чыктып јүргөн болзо, кургидын ал* — Если боеприпасы начинают сыреть, сыреть, высуши их.

Другие случаи употребления формы условного наклонения со значением настоящего времени могут быть связаны также с глаголами *јат, тур, отур, јур*. Однако и силу неграмматикализованного употребления их, сохранения ими собственного лексического значения. Здесь возможно и значение прошедшего времени: *Эмди, анчылардын законм айымча, мыйгак балалу јүргөн болзо, адарга јарабас* — Теперь, согласно закону охотников, если самка оленя ходит с детенышем, стрелять (ее) нельзя; *Таштын алдынча бору јүргөн болзо, чакны салып кой* — Если около камня проходил волк (обычно ходит, но сейчас его нет), то поставь (ему) капкан; *Эмен үйде отурган болзо, бери кычыр* — Если мать твоя сидит дома, то зови (ее) сюда; *Тарбаган таштын үстүнде отурган болзо, мүркүт оны тудун алар эди* — Если бы сурок сидел на камне, орел поймал бы его и т. п.

Сочетание причастия на *-ган* со связкой *бол* с аффиксом условного наклонения образует форму прошедшего времени этого наклонения.² Здесь причастие на *-ган* продолжает сохранять значение прошедшего времени: *Јуу-чак болбогон болзо, миллиондор тоолу улус эзен-амыр јүрер эди*³ — Если бы не было войны, миллионы людей были бы живы-здоровы; *Бүгүн јааш јаабакан болзо, экскурсияга барар эдибис* — Если бы сегодня не было дождя, мы бы пошли на экскурсию; *Электростанция тударга болушпаган болзом, болужайын, мени кожо алыгар* — Если я не помогал строить электростанцию, помогу, возьмите меня с собой; *Билбеген болзогор, билигер* — Если не знали, знайте; *Леекеннин будүжин көрбөгөн болзо, көргөй* — Если он не видел внешность росوماхи, пусть посмотрит; *Комсомолго кирерге турган болзом, киргейин* — Если ты хочешь, желаешь вступить в комсомол,

¹ Сама по себе форма условного наклонения в алтайском языке имеет значение будущего времени *болзо* — если будет.

² См. Н. А. Баскаков. Очерк грамматики алтайского языка (Ойротско-русский словарь. М., 1947), стр. 290.

³ Условная форма прошедшего времени имеет значение составительного наклонения в связи с формой на *-ар+ эди* в функции конечного сказуемого.

вступай; *Айу балу барган болзо, оны ийт жок истеерге жарабас* — Если медведь ушел раненым, следить его без собаки нельзя; *Орто школды жакшы божоткон болзон, институтта да үрнереге жараар* — Если ты окончил среднюю школу хорошо, можно учиться в институте; *Алдында жакшы иш учун сый албаган болзогор, эмди аларыгар* — Если прежде за хорошую работу вы не получили премии, получите (ее) теперь; *Андый солун табыш укпаган болзон, угарын* — Если такую новость не слышал, услышишь.

Нюгда сочетание причастия на *-ган* со связкой *болзо* может передавать и значение будущего времени: *Эртен тура кар жаап салган болзо, андап барарыс* — Если к утру выпадет снег, дословно снег будет нашедшим, пойдем на охоту; *Керде-марда чаклыга бору киреле, тынду отурган болзо, ийттер үредерге оны айылга тындуга ла жетиригер* — В случае чего, если волк, попав в капкан, будет сидеть (окажется сидящим) живым, для обучения собак (давить волка) доставьте его домой живым.

Как отрицательная,¹ так и положительная формы причастия на *-ган* в сочетании со словами *болор*,² *болбой жат*, *туру* передает значение предположения, вывода на основе каких-либо сведений, данных, имеющихся у говорящего; в основном это действие, предполагаемое, вероятнее совершение которого относится к прошлому: *Бу не мындый ыш, брт баштаган жат* — Что за (такой) дым, наверное, началось пожар; *Туранын эжиси бокту турган, ээли жамбаган туру* — Дверь дома, избы закрыта, вероятно, хозяйин (дома) не вернулся; *Сууны жараттай балыктым сеги жаткылайт, камду табылган жат* — На берегах реки лежат остатки (съеденных) рыб, вероятно, появлялась выдра; *Эт бижып калган болор, барып кор* — Наверное, мясо сварилось, иди посмотри; *Ракета эмди айга жедип калган болор* — Наверное, сейчас ракета достигла луны; *Кече соок тым болгон, балдар школго барбаган болор* — Вчера был сильный мороз, наверное, дети в школу не ходили.

Если причастие на *-ган* содержит значение настоящего времени, то оно передает значение заглазного протекания действия. В сущности предполагаемое всегда имеет в виду нечто заглазное, вне поля зрения говорящего. Здесь же действие совершается в момент речи, но говорящий его не видит, а только предполагает его совершение. В роли показателя заглазного протекания предполагаемого действия (в момент речи) настоящее заглазное время) употребляются преимущественно слова *болор*, *жат*, *туру*. *Эмди колхозчылар кыра сүрүп турган болор* — Наверное, колхозники теперь пашут пашню; *Аркадагы кар кайылып турган болор* — Снег на северном склоне горы, наверное, уже тает; *Күн соок, бэйдер чек дспой турган болор* — Погода холодная, наверное, растения совсем не растут; *Табыш угулат, радио куучындап турган болор* — Слышен шум, наверное, говорит радио; *Кадын кирип турган, тош жонкүлөр кайылып турган жат* — Катунь становится полноводной, наверное, тают горные льды; *Чотпор Маймада жүргөн болзо, город жаар кандый-бир керекке брааткан туру* — Если Чотпор находится в Майме, то, наверное, он по какому-нибудь делу едет в город, т. е. находится в Майме по пути в город; *Тайгада бир де табыш угулбайт, бастыра тындулар үйүктал жаткан туру* — В тайге совершенно тихо, нет никакого шума, наверное, все животные спят; *Чырайын жаранып келтир, оруун жазылып брааткан туру* — Внешний вид твой улучшается, выглядишь (внешне) хорошо, вероятно, болезнь твоя проходит.

¹ Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.-Л., 1940, стр. 146

² Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, стр. 249

Когда отсутствует значение заглазости совершающегося действия (говорящий видит совершающееся действие), предположение говорящего касается не совершения действия, а цели, причины, направления его: *Колхозтын председателин жуунга алдырткан дешкен, ого брааткан туру* — Говорили, что председателя колхоза вызвали на совещание, наверное, он едет туда; *Балдар мдштөр јаир уланган, кузуктап бараткан болор* — Дети направилась в сторону кедрового леса, наверное, идут орешничать; *Бу ат не түргөн жортпойт, күчи јетпей турган јат* — Почему эта лошадь не идет быстро, наверное, у нее не хватает сил.

Сочетание причастия на *-ган* со словами *-јат¹*, *туру* нередко передает значение обнаруживания, установления какого-либо состояния предмета, заключения на основе какого-либо факта, подтверждения какого-либо мнения: *Ээ, ол бизбеген јат* — Да-а..., оказывается, он не знал; *Оным киими эскире берген јат* — Оказывается, его одежда изнасилась; *Кузук бышпаган туру* — Значит, орех не созрел; *Андый болзо, жуунда ого једишкен јат* — Если так, то, значит, ему на собрании досталось; *Турмалар учуп кедип отурган јат*, — Оказывается, журавли улетают.

Глаголы *јат*, *туру*, *болор* лишены лексического значения. Они несут функцию грамматического показателя — аффикса, т. е. такой категории, которую (если учесть регулярность образования такой формы, особенно со значением предположения) следует признать в качестве особой формы наклонения в алтайском языке.²

Значение узнавания, неожиданного обнаруживания, а также значение сообщения факта (известного, ставшего известным только говорящему) передает также сочетание причастия на *-ган* со словом *эмтир* (из *эмди-туру* — теперь стоит): *Ойгоныл келзем, јааш токтойло, күн чалып турган эмтир* — Когда я проснулся, оказалось, что дождь прекратился, светит солнце; *Ол эт учун бежен ле акча төлөгөн эмтир* — Оказывалось, он за мясо уплатил только пятьдесят копеек; *Эчкилер кырды одырып бараткан эмтир* — Оказывалось, козы пересекают гору; *Мынайда айу откөн эмтир* — Оказывалось, так прошел медведь.

Сочетание причастия на *-ган* с недостаточным глаголом *э-* в форме прошедшего категорического времени (*эди-был*) передает значение сообщения свидетеля, т. е. подтверждения, освидетельствования, уточнения факта совершения действия говорящим. Здесь в курсе дела только говорящий, т. е. для лиц кроме первого, действие протекло заглазно, вне поля зрения. Совершение действия относится только к прошедшему времени: *Бис былтыр тушташкан эдибис* — Мы встретились в прошлом году; *Ол самолетап уча берген эди* — (Ведь) он улетел на самолете; *Оным ооруз јазылып калган эди* — (Ведь) болезнь у него прошла; *Јагыскан келген эдим* — Я пришел один; *Ондый табыш угулабаган эди* — (Ведь) такого слуха не было.

Сочетание причастия на *-ган* (в форме категории принадлежности) с указательным местоимением *ол* — тот плюс факультативно *туру* — стоять, пребывать — передает значение неизбежности действия в таких-то конкретных условиях. Здесь причастие на *-ган* употребляется только в положительной форме и, как правило, со значением будущего времени: *Балу айуны јастыра атсан, олгөкин ол* — Если раненого медведя выстрелил мимо, умрешь неминуемо; *Јастыра бассан, јыгылганын ол (туру)* — Если наступишь мимо, тут же упадешь; *Јол*

¹ См. об употреблении *јат* в телеутском диалекте Грамматика алтайского языка Казань, 1869, стр. 253—255.

² Форма будущего я реже настоящего времени этого наклонения образуется сочетанием тех же показателей с причастиями на *-атан* и *-ар*.

билбес болзон, аскамын ол туру — Если ты не знаешь дорогу, это значит, что ты заблудился.

Сочетание причастия на *-ган* (с аффиксами категории принадлежности) и указательного местоимения *бу* плюс глагол *туру* передает значение неожиданного обнаружения, проявления создавшегося положения, установления неожиданного факта: *Кйчим жетпезеки бу туру* — дословно: Оказывается, это есть факт, что у меня силы не хватило; *Аскамыбыс бу туру* — Оказывается, мы заблудились; *Тендирткенин бу туру* — Вероятно, это то, что ты позволял себе победить; *Чачым буц-райганы бу туру* — Это значит, что волосы мои поседел.

Словосочетание *алсакым ол* (дословно: вот то, что ты извл. получил) означает — так тебе и надо.

Сочетание положительной формы причастия на *-ган* со словом *кижи* передает значение острого желания совершить какое-либо действие: *Москвага барып келген кижил!* — О, если бы съездить в Москву! *Сууга кирген кижил!* — Эх, если бы искупаться! *Коргоп кижил!* — Эх, увидеть бы! *Футбол ойногон кижил!* — Эх, поиграть бы в футбол! В случаях такого употребления слово *кижи* — человек — полностью утрачивает свое лексическое значение: сравни *коргоп кижил!* — увидеть бы! и *коргоп кижил* — видевший человек; *уцкан кижил!* — услышать бы! и *уцкан кижил* — слышавший человек. Слово *кижи* здесь превратилось в грамматический показатель, выражающий указанное значение.

Причастие на *-ган* передает значение острого желания также в сочетании с глаголом с аффиксом *за*, *-са*. Факультативно употребляется с этой конструкцией слово *кайдар*, которое усиливает указанное значение: *Эмел үйде болгон болзо кайдар!* — Эх, если бы мать моя была дома! *Быыл яс эрте келген болзо кайдар, энди аш кылгазан калар эди* — Наступила бы весна в этом году раньше, теперь уже появились бы всходы посевов хлеба; *Бөрүниң дөбөлп каяткенин эрте коргоп болзом кайдар, ого ло жыга адар эдим* — Заметил бы я раньше, что волк подкрадывается, пристрелил бы его тут же (наповал).

Причастие *деген*, помимо обычного своего лексического значения (сказавший, сказанное, сказал), передает значение «считающееся, считаемое за...», «принимается за...» сравни *гаддама деген ак-борок таказы жок ат эмитер* (М. Кокышев, Арша, стр. 45) — Считаваемая наилучшей лошадь твоя, оказывается, без подковы; *Тоон ло деген бука* — Самый крупный бык; *Таныш деген кижим, таныш эмес болтыр* — Человек, которого считал самым крупным; *Таныш деген кижим, таныш эмес болтыр* — Человек, которого я принял за знакомого, оказался незнакомым; *Лакым ла деген үрөмчиктер* — учащиеся, считающиеся наилучшими.

Причастие *турганы* (то, что он стоит, находится) в сочетании с числительными передает значение «только, только лишь, всего лишь»: *Одүктин баазы турганы беш салковой* — Стоимость обуви всего лишь пять рублей; *Јааш турганы эки күн јаады* — Дождь шел всего лишь два дня; *Бүгүн турганы эки урок болды* — Сегодня было только два урока.

Причастие на *-ган* в сочетании со словом *бойынча* передает значение интенсивности, быстроты совершившегося действия. Такое сочетание в целом относится к категории атрибутивно-обстоятельственных слов, передает значение только лишь прошедшего времени (по отношению к действию сказуемого): *Мылтыгын туткан бойынча чыгара жүгүрди* — Схватив (свою) винтовку, он выбежал; *Балыкты туткан бойынча сүүдан чыгара чачты* — Схватив рыбу, выбросил из воды. Передает значение сопровождающего действия: *Каргаа ла карчага тудушкан бойынча јерге келип түшти* — Ворона и ястреб, схватившись, упали на землю; *Ият койонды сүрүшкен бойынча кырды ажа берди* — Собака,

гоняясь за зайцем, перевалила через гору. Сочетание положительной формы причастия с его отрицательной формой (повторение одной и той же основы) передает значение обобщенного понятия действия. Такая конструкция встречается чаще всего в виде сочетания форм именительного и винительного падежей: *Луцкым болгон-болбогони ярты жок* — Ничего не известно о том, было или не было собрание; *Ажчылардын жан-жан-жанбаганым укладым* — Я ничего не слышал (не знаю) о том, приехали охотники домой или нет; *Аштын бышкан-бышпаганым былбезим* — Созрел хлеб или не созрел, я ничего не знаю.

ПРИЧАСТИЕ НА -ГАНДЫЙ

Наряду с причастием на -ган в современном алтайском языке функционирует производная от него причастная форма на -гандый, образующаяся присоединением аффикса сравнения -дый к форме причастия на -ган: *тур+ган+дый*.

Причастная форма на -гандый (так же, как и причастие на -ган) обозначает действие, совершившееся в прошлом, совершившееся вообще, обычно или в момент речи. Временное значение причастия на -ган здесь в основном сохраняется.

В качестве своеобразия значения причастия на -гандый следует подчеркнуть, что здесь говорящий судит по тому результату совершившегося в прошлом действия, который в момент речи является состоянием предмета. В частности, на основе этого непосредственно воспринимаемого состояния или совершающегося в момент речи действия он устанавливает сходство между действием совершившимся, что сохранилось в состоянии-результате, или совершающимся в момент речи и действием предполагаемым, воображаемым и сравнивает их. Значение обнаружения сходства действий или состояний, значение сравнения их и является характерной особенностью семантического содержания причастия на -гандый в целом.

Причастие на -гандый слабо дифференцировано от наречий, с одной стороны, и деепричастий, с другой; обычное место его употребления в языке — это область атрибутивно-обстоятельственных слов: сравн. *Озүн јаткан агаштары куски кыруга јидиргендий, корон-сары боло бердилер* (АБ, 1, 159) Деревья, которые росли, стали ядовито-желтыми, будто после осенних заморозков, дословно: будто съедены осенними заморозками; *Оным кастори кунге коргондий типилдеп турды*. — Его глаза заморгали, словно смотрят на солнце; *Ийт јыланга чакырткандый секирип чыкты* — Собака запрыгала, будто ее ужалила змея; *Уулчактын будужу тогбткө тушкендий тас-кара эмтир* — Внешность мальчика была такая черная, будто он выжупался в дегте.

Причастие на -гандый выступает и в роли самостоятельного сказуемого: *Мен чочыганымнан чек билимбей калгамдый* — От испуга, от того что испугался, я будто потерял сознание; *Бу јуукта ла сен уренчик болгондый* — Похоже на то, что совсем недавно ты был учеником; *Кийиминен көрзө, ол черүде тургандый* — Если судить по одежде, то похоже, что он служил в армии.

Причастие на -гандый может употребляться и в определительной функции: *отко бышкандый балу* — рана, похожая на ожог, *тулкү бткөндий ис* — следы, похожие на то, что (здесь) прошла лиса; *ан эткендий үн* — голос (по слышимости) похожий на то, будто кричит марал.

Употребление причастия на -гандый в роли субстантива связано с некоторой искусственностью, натяжкой в языке.

О НЕДОСТАТОЧНОМ ГЛАГОЛЕ Э-
В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье мы попытаемся проследить, в основном на материале алтайского языка закономерности развития недостаточного глагола э-. В современных тюркских языках глагол э- единственный, окончательный перешедший в разряд вспомогательных глаголов. И только в некоторых языках (например караимском: *Бу эди йарты кечядя, йарыгында толу айным* — Это было в полдень при свете полной луны, *Араларымда аларным эди бир карай* — Среди них был один караим) он выступает в собственном значении «быть».

Глагол э- в первоначальной стадии развития имел форму *ар-*. В ходе дальнейшего развития этого глагола *-р* выпадает, остается только *э(ä)*, а в некоторых языках э- сузилось в и- (татарский, башкирский и другие).

В языке древнетюркской письменности глагол *ар-* выступал в своем основном значении «быть» и изменялся, как и все глаголы по различным глагольным формам: принимал аффиксы причастия, деепричастия, времени и т. д.

Как в алтайском языке, так и в других тюркских языках, глагол э- прошел своеобразный путь развития, приобретая различные формы и значения; такой индивидуальной особенностью развития и многообразием форм не отличается ни один другой глагол в тюркских языках. Уже в языке древнетюркской письменности этот глагол, помимо своего основного значения «быть», в форме *аринч* выражал и модальность. Мнения тюркологов по вопросу о происхождении формы *аринч* расходятся. П. М. Мелиоранский, полемизируя с доводами В. В. Радлова и В. Томсена, излагает свою точку зрения: форма *аринч* в современных языках как глагольная неизвестна; в орхонском она употребляется только как образование от глагола *ар-*—быть. По окончании она близка к именным отглагольным образованиям на *-ынч, -ич (-ын+ч, и+ч)*, как, например, *кылынч* — образ действия (от *кыл* или *кылым*), *савынч* — радость (от *сав* или *савин*) и т. д. П. М. Мелиоранский предполагает, что *аринч* в орхонских надписях есть именное причастие или отглагольное имя, от которого могли образовываться (а может быть, и образовались?) так называемые Nominalformen окончательного глагола.¹

Из нижеприведенных примеров видно, что в языке древнетюркской письменности глагол *ар-* выступал и как самостоятельный, и в составе сложных конструкций. Например:

¹ П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина, Спб, 1899, стр. 101 и W. Radloff. Altürkische Inschriften der Mongolei, Спб, 1897, стр. 67.

1. *Барс баг арти* — Был Барс — бег.¹

2. *Анта күлге каган армис* — Столь знаменитые каганы были они.²

3. *Отүкән јышба јр іді јок армис, іл тутсык јіг Отүкән јыш армиш* — (Во время этих походов) в Отюкэнской черни не было хорошего (т. е. настоящего) владыки, но Отюкэнская чернь была (именно) страной, в которой (можно сказать) племенной союз.³

4. *Ал ар бізінә тәғміш арти* — Мужественные люди (воины) на нас напали.⁴

5. *Кыа тігін јок арсар, кәп өлтәчи артигә* — Если бы не было Кюль-Тегина, все бы погибли.⁵

6. *Атым Эль Туган тутук. Бен тенри эмешке эльчиси эртим, алты баг будунка бег эртим* — Мое имя — Эль Туган тутук. Я был посланником у божественного моего государства, я был князем шестисоставному народу (народу шести отделов -алты баг).⁶

7. *Түркчә јыл лу арјур* — По-тюркски был год Дракона.⁷

По Н. А. Васякову, для тюркских языков древнейшей структурой корня глагола являются корни, состоящие из С+Г+С (*кел* — приходи, *сал* — клади, *бар* — иди), а по А. А. Зайончковскому С+Г (*ва* — взять, *то* — насыщаться). Глагол *ар-* после выпадения *-р* по существу превратился в однозвучный глагол *а-*, который уже не выступает как полнозначный глагол. Корень типа Г (корень из одного гласного) не характерен для тюркских языков, поэтому он, по всей вероятности, не может отражать признаки глагола, вернее, этот глагол постепенно утрачивает свою значимость. Тюркологи вправе считать его недостаточным или дефектным глаголом.

Глагол *э(а)*- семантически близок к глаголу *бол-*, который также имеет значение «быть». В алтайском языке глагол *бол-* в отличие от *-* занял преобладающее место, хотя первоначально *э(ар)*- обозначал статику, а *бол-* — динамику. По Н. К. Дмитриеву, глагол *и-* исторически связан с другим глагольным корнем — *бул*. Глагол *и-* выражает статическое понятие (быть, существовать), глагол *бул* — динамическое (делаться, становиться, изменять форму бытия). В алтайском языке глагол *бол-* стал постепенно вытеснять глагол *э-*, который в основном стал употребляться как вспомогательный.

В некоторых тюркских языках недостаточный глагол *э-* выступает связкой сложных форм условного наклонения.

Сравним спряжение сложных условных форм глагола в отдельных тюркских языках и выявим их отличие от формы условного наклонения алтайского языка.

Узбекский язык

- 1) *ёсам эди* — если бы я написал
- 2) *ёсанг эди* — если бы ты написал
- 3) *ёса эди* — если бы он написал
- 1) *ёсак эди* — если бы мы написали
- 2) *ёсангиз эди* — если бы вы написали
- 3) *ёсалар эди* — если бы они написали

Уйгурский язык

- 1) *qilsa edim* — если бы я делал
- 2) *qilsa edin* — если бы ты делал
- 3) *qilsa edi* — если бы он делал
- 1) *qilsa eduq* — если бы мы делали
- 2) *qilsa ediniz* — если бы вы делали
- 3) *qilsa edi* — если бы они делали

¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951, стр. 30 (20).

² Там же, стр. 29(4).

³ Там же, стр. 27(4).

⁴ Там же, стр. 32(40).

⁵ Там же, стр. 33(50).

⁶ И. А. Батманов. Язык енисейских памятников. Фрунзе, 1959, стр. 136.

⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959, стр. 76 (9).

Балкарский язык

- 1) *берсем эди* — если бы я дал
- 2) *берсена эди* — если бы ты дал
- 3) *берсе эди* — если бы он дал
- 1) *берсек эди* — если бы мы дали
- 2) *берсегиз эди* — если бы вы дали
- 3) *берселе эди* — если бы они дали

Алтайский язык

- 1) *берген болзом* — если бы я дал
- 2) *берген болзон* — если бы ты дал
- 3) *берген болзо* — если бы он дал
- 1) *берген болзобус* — если бы мы дали
- 2) *берген болзогор* — если бы вы дали
- 3) *берген болзо* — если бы они дали

Из приведенной схемы видно, что если прошедшее время сложной формы условного наклонения в таких тюркских языках, как узбекский, балкарский, уйгурский и др., образуются при помощи недостаточного глагола *э-*, то в алтайском языке вместо него выступает *бол*, скажем, по такому образцу: балкарск. *Мен клубка барыр, ол келсе эди* — Я пошел бы в клуб, если бы он пришел — и алтайск. *Ол келген болзо, мен клубка барар эдим* (смысл тот же); Турецк. *Hasta isen, tiyatroya gitme* — Если ты болен, то в театр не ходи — и алтайск. *Сен оору болзон, театрга барба* (смысл тот же).

То же самое наблюдается и в турецком языке, в котором прошедшее время условного наклонения образовано при помощи *ise, se-sa* с присоединением соответствующих аффиксов лица.

В балкарском языке недостаточный глагол *э-* в условной форме *эсе* в соединении с глаголом прошедшего категорического времени дает прошедшее условное: *алдым эсе* — если я взял,¹ в карaimском языке форма *эся, эсе*, входящая к глаголу *э-*, при сочетании с именами имеет значение «если»: *Нолсен эсе кенрекчи издемеген, этмик колундады эсе, кыбыларны кисеммегин* (посл.) — Если ты на дороге (на тропинке), не ищи широкой, если у тебя в руках есть хлеб, не думай о пирогах;² в каракалпакском языке *эсе* встречается в застывших основах, например *нарсе* — вещь, что (*не+ерсе*).³ А наблюдения над материалами алтайского языка показывают, что в алтайском не осталось никаких следов от условной формы *эсе* (*арсар*). В алтайском языке *э-* в отличие от других глаголов не изменяется по временам, не принимает причастных и деепричастных аффиксов, одним словом, по формам глагольной категории он ограничен пределами прошедшего категорического на *-ды* и будущего отрицательного на *-мас*.

Но в таких языках, как кумыкский, казахский, узбекский и др., он выступает и качестве вспомогательного элемента при образовании сложных форм времени:

а) прошедшее повествовательное (образовано из деепричастия на *-п+еди*): *барып едим* — я ходил (из казахск. языка);

б) прошедшее законченное (образовано из деепричастия на *-а+* спрягаемой формы от *э-*): *бара эдим* — я ходил тогда (из кумыкск. языка);

в) прошедшее длительное (образуется по схеме: основа прошедшего времени на *-макда+эдим, эдинг* и т. д.): *ёзмокда эдим* — я писал (длительно) (из узбекск. языка).

Из сравнения фольклорного материала с материалами современного алтайского языка видно, что глагол *бол-* стал более употребителен, чем *э-*, а в отдельных случаях наблюдается процесс вытеснения *э-* гла-

¹ См. В. И. Филоченко. Грамматика балкарского языка. Нальчик, 1940 стр. 62

² См. К. М. Мусаев. Грамматика карaimского языка. М., 1954, стр. 257.

³ См. Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. М., 1952, стр. 325. В этом же значении *нарсе* встречается и в татарском языке (см. Татарско-русский словарь).

голом бол-. Если в узбекском, балкарском, уйгурском и других языках прошедшее время сложной условной формы образуется при наличии глагола э-, то в алтайском языке выступает бол-. Например: *Sen qilsa edin* — Если бы ты сделал (уйгурск язык); *Сен эткен болгон* — Если бы ты сделал (алтайск. язык). В форме, состоящей из причастия на -атан и недостаточного глагола э-, наряду со спрягаемой формой э- выступает глагол бол-: *Агдип јурјп таап алган бар-јогым ачан бай-мар блаап алатан эди (болгон)* — Все что добывал на охоте, отбирали жадные баи. Или возьмем такое предложение: *«Јангы јол» деп колхозтым јамылузы бис эдис (болорыбыс)* — Мы (есть) руководители колхоза «Јангы јол». Здесь э- и бол- выступают параллельно.

Исходя из этого, можно предположить, что сфера употребления э- как глагола более ограничена.

В алтайском языке э- как глагол выступает в значении настоящего времени («есть»): *Тарданак, кайда эдиң?* — Тарданак, ты где (есть)? *Кече радио ажыра куучым айткан кизи слер бедеер?* — Эје, мен эдим — Вы не тот ли человек, который вчера выступал по радио? — Да, я (есть).

Но в некоторых тюркских языках (башкирском, караймском и др.) до сего времени глагол э- выступает в своем основном значении «быть». В этих языках исчезновение -р, по-видимому, не повлияло на значение глагола э-, кроме того, в них глагол бол- не имеет такого широкого семантического значения, как в алтайском языке.

В алтайском языке глагол эр- (с наличием -р) сохранился в слове эрт — кончатся, проходить мимо, протекать, где т, вероятно, аффикс повелительного залога, например *Јылдың калганчы айы эртти* — Прошел последний месяц года.

В современном алтайском языке недостаточный глагол э-, по сравнению с глаголом бол-, не имеет широкого диапазона изменения по различным грамматическим категориям. Он чаще всего выступает в форме эди. Глагол эди, где -ди — показатель прошедшего категорического времени, в сочетании с именем констатирует состояние, положение лица или предмета в прошлом и в данный момент, например:

Ак туманы кайнап јездар
Адаган тайга адабыс эди
Эр киндиги булурдег бери
Эрчиштиг суузы энебис эди (Л. Кокышев)

Гора Адаган, окутанная бурливым белым туманом.
Была нашим отцом,
Река Иртыш с сотворения человека
Была нашей матерью.

Или Гора Адаган, окутанная бурливым белым туманом,
Является нашим отцом,
Река Иртыш с сотворения человека
Является нашей матерью.

В отличие от глагола э- глагол бол- в сочетании с именем констатирует состояние и положение лица или предмета с определенного времени: *Эмеген-оббогинин балазы болуп, энди кожо јуртай берди Оббогон адазы болды, эмеген энези болды* (из эпоса) — Став сыном старика и старухи, теперь вместе зажили, старик стал отцом, а старуха — матерью. *Адабыс эди* — был отцом с самого начала и в данное время; *адабыс болды* — сначала не был отцом, но потом с определенного времени стал им.

Глагол э- в алтайском языке выступает как элемент сказуемого, соответствующий русской связке «есть», например: *Ол кожончы эди* —

Он (есть) певец; *Тозулов бистин колхозтын мактулу малчызы эди* — Тозулов (есть) прославленный чабан нашего колхоза; *Караты-каан деген кааным алты јакшы куйузи эдибис* (из эпоса) — Мы (есть) шесть хороших зятьев Караты-каана; *Јердин-сууным јелбизи эдим* (из сказки) — Я (есть) дух земли и воды.

Эди в сочетании с вопросительными местоимениями употребляется в просьбе говорящего напомнить ему то, что он знал прежде, но забыл: *Бу бичиктин биазы канчи эди?* — Сколько же стоила эта книга? *Оным айткан собтори кандый эди?* — Что же он тогда сказал?

Эди в сочетании с личными местоимениями *мен, сен, ол, бис* и т. д. усиливает значимость подлежащего, и в таких сочетаниях глагол *эди* можно заменить причастием *болор*, образованным от *бол-*, с соответствующими аффиксами лица: *Баштапкы атом керепти эткен улус бис эдис* (*бис болорыбыс*) — Мы являемся первыми создателями атомного ледокола; *Ол уулчакка ајару салып, ого чындык јолды кбрјускен кизи слер эдигер* (*болорыгар*) — Вы были тем человеком, который обратил внимание на этого мальчика и указал ему правильный путь; *Алтай устун колго туткан Тойбон-каан мен эдим* (*болорым*) (из эпоса) — Я хан Тойбон, который покорил весь Алтай.

В именном составном сказуемом вспомогательный глагол *эди* в сочетании с прилагательным выражает опасение: указывает на наличие признака лица или предмета, который может явиться причиной того или иного следствия: *Таскактым алдындагы шерде кыска эди* — Ведь жердь под навесом коротка; *Сууным бу тужында сурехей терен эди* — Ведь на этом месте очень глубоко.

В алтайском языке, как и в других тюркских языках, *эди* употребляется при образовании давнопрошедшего времени, указывающего на действие, которое к моменту речи уже не существует.

В тюркологии довольно широко распространено мнение, что давнопрошедшее время в ряде тюркских языков различных групп является как бы декорацией, на фоне которой происходит другое действие, указывающее лишь на явления статического порядка.

В алтайском языке давнопрошедшее время выражается сочетанием причастия на *-ган* с вспомогательным глаголом *эди*. При этом иногда выступают пояснительные слова, усиливающие давность выражения данного действия.

1. Је бисти бу кунду парыкка
Улу Ленин кбдурган эди. (А. Азаров)
Великий Ленин
Нам солнечный свет показал.
2. Качан да калмыкты бек тудужып,
Кайыр јолго баскан адибис. (А. Азаров)
Когда-то, крепко взявшись за руки,
Бывало ходили по крутой дороге.
3. Откбн јууга менин јуртымиз
Јеген эр барган эди. (Б. Укачия)
На минувшую войну из нашего села
Уезжало семьдесят мужчин.

Эди в сочетании с причастием на *-ган* обозначает прошедшее с оттенком, что предшествующее действие не привело к соответствующему результату, так что действие, которое за ним последовало, противоречит ему: *Мен айткан эдим, ол тообой салды* — Я говорил, но он не обратил внимания.

Форма *эди* показывает отнесение известного факта к прошедшему времени, но одновременно сигнализирует о том, в каком положении на-

ходится этот факт в настоящее время: *Былыр онын малы коп болгон эди* — В прошлом году скота у него было много. Эта фраза наводит на мысль, что теперь у него скота нет.¹

Форма на *-ган-эди* отдельными исследователями рассматривается и в другом плане. По их мнению,² сущность значения данной формы заключается в ее временной относительности. Сама по себе форма на *-ган-эди* не имеет указания на давность или недавность действия. Это подтверждается фактами алтайского языка: *Мен сени эртен турадан али бедреген эдим* — Я искал тебя с самого утра; *Олордын айлына барып келерге сананган эдим* — Я хотел зайти к ним.

Сочетание причастия будущего времени на *-р-эди* является в тюркских языках самой распространенной формой. Она в узбекском, азербайджанском, турецком и в ряде других языков выступает в системе форм прошедшего времени, а в алтайском языке образует форму сослагательного наклонения, выражающую действие, которое совершилось бы в определенных условиях.

1. Лайым учун, амир учун
Жалтанбай бажымди салар эдим. (Н. Шатинов)
За свободу, за мир
Смело положил бы голову.
2. Энди кару сөстөр айдар эдим.
Je эмик күйүп, узулип калган. (А. Адаров)
Сейчас сказал бы теплые слова.
Но провода перервались.
3. АА канатту куш болсом,
Ак тайгалар бажилл
Чанкыр тайгалар кечире
Учуп једер ол эдим. (Из сказки)
Если бы я был лунокрылой птицей,
Через вершины белоснежных гор,
Через ширь голубых морей
До (тебя) долетел бы.

Глагол *эди* в сочетании с причастием на *-атан* передает значение, что субъект непосредственно наблюдал повторявшееся действие, обычно происходящее в прошлом: *Бистин јаныбыстан ыраак јок аркада күүк эдетен эди* — Недалеко от нас на склоне горы (бывало) куковала кукушка, *Көк чыгып јайылза ла, койчылар јайгы турлууларына көчөргө мендейтен эди* — Когда начинается появляться зелень, чабаны (бывало) торопились кочевать на летние стойбища.

Причастие на *-галак (-гелек)* обозначает действие, которое еще не совершилось, но ожидается его совершение. Но при сочетании причастия на *-галак* с *эди* (например: *Ол ишке баргалак эди* — Он еще не уходил на работу) последний придает оттенок, что в отсутствие говорящего действие, возможно, уже совершилось. Приведенный пример можно понять так: когда я был дома, он еще не ушел на работу, а сейчас, возможно, ушел.

Сочетания причастия на *-ганды* с *эди* придает ему такой оттенок, при котором говорящий уверяет, что действие совершилось бы, но по каким-то причинам оно не совершилось: *Олордын айлына барып келгедий эди* — К ним вполне можно было сходить (но почему-то не сходили); *Бу ишти эдип салгадый эди* — Эту работу вполне можно было сделать (но почему-то не сделали); *Бүгүн олонди обоологодый эди* — Сегодня вполне можно было сено метать (но почему-то не стали).

¹ Грамматика алтайского языка. Казань. 1869, стр. 256.

² А. А. Коклямова. Категория времени в современном узбекском языке. М., 1963; А. А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965; Б. А. Себреницкий. Система времен татарского глагола. Казань. 1963.

В алтайском языке недостаточный глагол *эди* в сочетании с глагольной формой на *-ачы* (*еечи*) обозначает регулярное совершение действия в прошлом. *ол бараачы эди* — он (бывало) ходил; *ол келееч эди* — он (бывало) приходил; *ол алаачы эди* — он (бывало) брал; *ол кечиреечи эди* — он (бывало) переправлял. Эта же форма, в зависимости от контекста, обозначает действие, которое обещало совершить другое лицо, хотя сам говорящий недостаточно уверен в совершении данного действия.

Форма желательного наклонения, образованная аффиксами *-адам* (с вариантами), выражает желание субъекта совершить какое-либо действие: *эткейим* — ну ладно, сделаю; *баргадым* — ну ладно, поеду. Когда к данной форме присоединяется глагол *эди*, то в таких сочетаниях субъект намерен совершить какое-либо действие, но по каким-либо обстоятельствам он (субъект) сомневается в его выполнении, т. е. имеются какие-то преграды, мешающие его осуществлению: *баргадым эдим* — я пошел бы, но...; *эткей эдим..* — сделал бы, но...; *кажымдогой эдим...* — спел бы, но...; *будургей эдим..* — выполнил бы, но...

Глагол *эди* имеет свою отрицательную форму. Если к некоторым тюркским языкам отрицательная форма глагола *бы* образуется посредством слов типа *туйюл* (балкарский: *мен эдим — я был, мен туйюл эдим — я не был*), *deqil* (турецкий: *talebe deqil iseydik — если бы мы не были студентами*), то в алтайском языке выступает *эмес*, который является остатком отрицательной формы причастия от *эр* (*арар-армас*), где *р > с*, сравн. *барар-барбас*). *Эмес*, подобно причастиям в отрицательной форме *барбас, келбес, уклас* и т. д., спрыгается и выполняет функцию предиката. А при именном составном сказуемом выступает как связка. Следует отметить, что *эмес* в алтайском языке в отличие от других тюркских языков выступает не в значении прошедшего, а в значении настоящего времени.

1. <i>Мен эдим</i> — я есть	1. <i>Мен эмезим</i> — не (есть) я
2. <i>Сен эдин</i> — ты есть	2. <i>Сен эмезим</i> — не (есть) ты
3. <i>Ол эди</i> — он есть	3. <i>Ол эмес</i> — не (есть) он
1. <i>Бис эдибис, эдис</i> — мы есть	1. <i>Бис эмезис</i> — не (есть) мы
2. <i>Слер эдигер, эдеер</i> — вы есть	2. <i>Слер эмезигер (эмезеер)</i> — не (есть) вы
3. <i>Олар эди</i> — они есть	3. <i>Олар эмес</i> — не (есть) они

Примеры: *Je, Темичи, мен куш эмезим* — Но, Темичи, я ведь не (есть) птица; *Кайдан кбрйим, Кулурумдуде жангис мен эмезим, бсқо кижини сбстоди не* (У. Садыков) — Откуда я могу знать, в Кулурумдуде я ведь не (есть) одна, возможно, он сватал другую; *Сен эр кижини эмезим бе?* — Разве ты не (есть) мужчина?

В алтайском языке частицы разделяются на две группы: частицы первообразные, т. е. частицы в собственном смысле, и производные от имен и глаголов, являющиеся именными и глагольными формами. Последние представляют переходную ступень. Они окончательно еще не оформлены как частицы. Некоторые типы частиц входят в круг основных разрядов категории модальности. В алтайском языке в форме *эмес* сказывается модальная окраска отрицательного высказывания.

Форма *эмес* в современном алтайском языке, как и в ряде других тюркских языков (казах., тувин. и др.), соответствует русской отрицательной частице «не». Примеры: *Оны таап алатаны куч эмес ле* (И. Кочеев) — Его найти не так трудно; *Мен билерим, поэттерге улгерлер би-чиирге жежил эмес* (Б. Укачин) — Я знаю, что поэтам не легко сочинять стихи.

Остановимся на некоторых значениях частицы эмес. Эмес становится после отрицаемого слова: *Ол малчы эмес* — Он не пастух; *Кичи-нек эмес* — Не маленький; *Мен оны көрбөн эмезим, менен не сурайдым?* — Я его не видел, что ты меня спрашиваешь о нем? Говорящий категорически отрицает то, что предполагает второй.оборот *көрбөн эмес* резко отличается от отрицательной формы самого глагола, образованной с отрицательным аффиксом *бо* (*көрбөгөн*).

Таким оборотам, где эмес выступает в сочетании с причастной формой будущего времени на *-р* (*Ол оны көрөр эмес* — Он не увидит его или он (всегда) ненавидит его, *Ол олорго барар эмес* — Он не пойдет к ним или он вообще не ходит к ним; *Ол куччын иш айдар эмес* — Он ничего не скажет или он (вообще) не разговорчив), характерно то, что действие не может быть совершенным в будущем. Этому же обороту присуще и другое значение постоянства характера действия.

Эмес с повторяющимися именами отрицает, а наоборот, усиливает утверждение. Например: *Табышка агын суулар чайбалышты, агаиш-таштар силкиниже берди, табыш эмес табыш болды, кыйды эмес кыйды болды* (из эпоса) — От шума реки находили на своих берегах, деревья и камни затряслись, был большой шум и неопиcуемый крик. Авторы «Грамматики алтайского языка» (1869) приюдят отличие эмес от *жок*¹.

Форма *беди*, образованная от недостаточного глагола *э*, в сочетании с именами и с желательной формой глагола выражает значение вежливости вопроса с оттенком некоторой неуверенности: *Какпашев бистин класстын эн артык үренчиси беди?* — Какпашев лучший ли ученик нашего класса? *Слер кожондоп бергей бедер?* — Вы не споете ли? *Кара тайганын эдегинде слер журтаган бедер?* — Не вы ли жили у подножья Черной горы?

Форма *беди* спрягается по образцу глагола *э* (*эди*), принимая личные аффиксы.

1. Мен бедим?	1. Бис бедибис (бедис)?
2. Сен бедим?	2. Слер бедигер (бедер)?
3. Ол беди?	3. Олор беди?

Некоторые исследователи современного алтайского языка считают, что частица *ба-бе* в сочетании с аффиксом глагола прошедшего времени *ди* образует вопросительную частицу *беди*.² Нельзя согласиться с таким утверждением, т. к. частицы являются неизменяемыми словами, поэтому они никак не смогут присоединять аффиксы глагола прошедшего времени. Форма *беди* образована от слияния вопросительной частицы *бе* с недостаточным глаголом *э* (*эди*), *эди бе > бе + эди > беди*. *Бу ишти олор бүдүрген эди бе?* — *Бу ишти олор бүдүрген беди?* — Разве они выполнили эту работу? В отдельных случаях, особенно в поэзии, встречается *бет*, стяженная форма от *беди*. *Онын айткан сөстөри неме бет?* — Разве что-то стоят его слова?

Орозо туткан кулуктиг
Оорытаны неме бет? (Л. Кокышев)
Пост державшему человеку
Вель не трудно заболеть.

Иногда употребляется двойное *э*, одно из них стоит в отрицательной форме (частица эмес), другое же выступает, как вопросительная частица. Такая конструкция обозначает неуверенный вопрос: *Адабас*

¹ Грамматика алтайского языка. Казань. 1869, стр. 271.

² Т. М. Тошакова Союзы и частицы в алтайском литературном языке Ученые Записки ГАННИИЯ.Л, 1961, в. 4, стр. 53.

черёге барганынан бери эки ай өткөн эмес беги? — Кажется, два месяца прошло с тех пор, как Адабас уехал в армию.

В большинстве тюркских языков слова, образованные от недостаточного глагола *э-*, принимают активное участие в образовании различных форм (формы желанья, предположения, сомнения, утверждения, долженствования-условная форма, различные описательные формы прошедшего времени). В современном алтайском языке глагол *э-* более склонен к обозначению модальных оттенков. По способу отношения говорящего к высказыванию (согласие, сомнение, неуверенность, предположение и т. д.) формы от недостаточного глагола *э-* в алтайском языке близки к модальным словам.

Несмотря на это, их нельзя полностью отнести в разряд модальных слов, поскольку модальные слова не изменяются, а формы от *э-* могут спрягаться.

Недостаточный глагол *э-* в форме *эмей* является отрицательной формой древнего деепричастия *эрип* (*арип*, *ар+мап*, сравн. *келип* и *келбей*, *барып* и *барбай*). Мнения тюркологов по вопросу отрицательной формы деепричастия на *-л* (*мап*, *май*, в некоторых языках, в частности в алтайском, *бай*, *бай*) неодинаковы. В. В. Радлов и П. М. Мелноранский предполагали, что *-мапым*, *-майм* образованы от старой деепричастной формы *-мапым*, *-мапым* Банг считает, что в восточнотюркских языках, где *-л* может отпадать, *тапм* стало *май*, следовательно, эта форма совпадает с отрицательным деепричастием настоящего времени и 1-м лицом ед. числа повелительного наклонения¹.

Отрицательная форма *эмей*, являясь остатком от деепричастия *эрип* (*арип*), в современном алтайском языке не воспринимается как деепричастие, она обозначает оттенок модальности и, как глагольная форма, спрягается.

Мен эмейим — конечно, я
Сен эмейин — конечно, ты
Ол эмей — конечно, он

Бис эмейис — конечно, мы
Слер эмейер — конечно, вы
Олор эмей — конечно, они

Приведем примеры, где форма *эмей* выражает оттенок модальности:

1. Подтверждение известного факта:

Эг ле артык кем деген,
Энем эмей бала дээр — (Н. Шатинов)
Если спросишь, кто самый лучший,
То она ответит: «Конечно, мама».

2. Уверенность субъекта в совершении какого-либо действия:

Кой-малысты демиртер
Кадышкын дэди бар эмей
Колхозысты тыгыдар
Ийде бисте бар эмей (из песни).

Разве у нас нет сена,
Которым можно скот откормить,
Разве у нас нет энергии,
Чтоб свой колхоз укрепить.

3. Передача оттенка насмешливого отношения субъекта к совершаемому действию: «Васянын адымы башка эмей» — деп, Митяш айтты (Н. Кочев) — «Вася стреляет здорово», — сказал Митяш.

¹ См. W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. Leningrad, 1928; W. Bang. Das negative Verbum der Türkssprache, «Sitzungsberichte der Preussischen Akad. der Wissenschaften (XVII), Berlin, 1927; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М. Л., 1959.

Слово *эмеш* (в узбекском и турецком языках: *эмеш*, *имиш*), образованное от глагола *э-* посредством аффикса причастия прошедшего времени *-мыш*, *-миш*, который встречается чаще всего в тюркских языках огузской группы, в алтайском языке также выражает оттенок модальности: сомнение, предположение. Аффикс причастия *-мыш*, *-миш* для тюркских языков Сибири, кроме якутского, не характерен.

Но в алтайском языке в составе слова *эмеш* он остался как реликт. Примеры: *Билбес жаннан јер јаар ичкынды эмеш не.* (Н. Шатинов) — Может быть, невзначай уронил на землю; *Эру јилу сдстөр цегрега эмирде кем куйзебеди эмеш* (там же) — Кто не прочь по вечерам слушать теплые, задушевные слова; *Барып јаткан кеме токтоор эмеш не?* (Н. Кочеев) (можно заменить словом *болор бо*) — Остановится ли плывущая лодка? *Боррлер андый јуук келди эмеш не?* — Неужели полки так близко подошли? *Је, байли, эртен-сонгуннан мынан чыгып барар болбойым, канчазым мында отурадым эмеш?* (П. В. Кучняк) — Наверное, завтра-послезавтра выйду отсюда, сколько же можно здесь сидеть?

Отдельные исследователи алтайского языка происхождения слова *эмтир* сводят к слиянию наречия *эм* с глаголом *тир* — стоять.¹ Но нам кажется, что оно в своем генезисе также восходит к глаголу *э-*. Если обратить внимание на семантику этого слова, то *эмтир* имеет такие же модальные оттенки, как *эди*, *эмеш*, *эмей*. В. В. Радлов происхождения слова *эмтир* схематически изображал так: *ämtir* (от *ä* + *mä* (*mish*) + *tir*)². *Эмтир* в алтайском языке выражает модальный оттенок: подтверждает то, что было раньше. Примеры: *Уулынын кару најылары индубазан эмтири* (А. Адаров) — Любимые (близкие) друзья сына, оказывается, не забыли ее; *Кайра баштанып көрлө, Сельбеков јок, кайдаар да јуре берген эмтир* (Н. Кочеев) — Когда он повернулся, Сельбекова не было, он, оказывается, куда-то ушел; *Айас кун болгон эмтир* — Оказывается, была хорошая погода.

Выше мы указывали, что глагол *э-*, который раньше, как и другие, выполнял все глагольные функции, в некоторых современных языках переходит в служебные слова. Возьмем, например, алтайский разделительный союз *эмезе* — «или». Мы полагаем, что он образован от глагола *э(är)*- в языке древнетюркской письменности с помощью отрицательной частицы *-ме* и аффикса условного наклонения *-zar* (впоследствии *-р* выпал): *är- + mä + zar > ärmäza > ätmäza*. В последней форме это слово сохранилось в алтайском языке до сих пор в качестве разделительного союза. Примеры: *Юра алдынан базып, карануйди тудуш ла јураалу јерге эмезе кайылган кардын суузына учурап турды* (Н. Кочеев) — Юра шел впереди, в темноте он встречал на своем пути то кустарники, то лужу; *Сууны кечер кандый бир эп-суме эмезе јиир курсак таап алары учун кичеенер ардына, озор бойлорыннын калганчы ийде-күчтерин оскө керекке чыгымдагадый болдылар* (Н. Кочеев) — Вместо того, чтобы найти какой-нибудь выход, чтобы переправиться через реку или найти какую-нибудь пищу, им пришлось последние силы тратить на другое.

А в отдельных языках, в частности в тувинском, *э(ар)*- как глагол вообще не выступает, следы его сохранились в частицах *эвес*, *эртик*, *ирги*, в диалектах *-эрги*.³

Например: 1. *Билген болзумза, ынчан баргай эртик мен* — Если бы

¹ Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, стр. 60.

² В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий Т. I, часть I. С. Петербург, 1893, стр. 924.

³ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961 и Д. А. Монгуш. Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке. Кызыл, 1963.

я знал, тогда пошел бы. 2. *Ол кажин келген ирги?* — Когда же он пришел?

Таким образом, недостаточный глагол *э* в памятниках древнетюркской письменности, выступая в своем основном значении, изменялся по глагольным формам. На современном этапе в отдельных тюркских языках (особенно в юго-западных) этот глагол, образуя целую серию сложных прошедших времен, входит в состав сказуемого. В отношении алтайского языка этого полностью утверждать нельзя. В алтайском языке формы, образованные от недостаточного глагола *э*, выступают как глагол, связка, частица, союзы, кроме того, обозначают различные модальные оттенки (предположение, неуверенность, сомнение и т. д.). Эти модальные оттенки глагол *э* в алтайском языке приобрел в процессе своего развития.

Н. П. ЧУЛКО

ЗАИМСТВОВАННЫЕ НАЗВАНИЯ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ В РУССКОМ ГОВОРЕ ОНГУДАЙСКОГО РАЙОНА ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

Статья написана по материалам трех диалектологических экспедиций в Онгудайский район Горно-Алтайской области, проведенных автором совместно со студентами Новосибирского государственного университета в июле 1963, марте 1964 и июне-июле 1965 гг.

Население Онгудайского района находится в своеобразных этнических условиях: в тесном контакте с носителями одного из языков тюркской группы, с алтайцами. На территории Онгудайского района живут представители южно-алтайского диалекта, так называемые «алтай-кижи». Русское население появилось в этом районе почти два столетия назад, это были выходцы из Приуралья, средних районов Европейской России, а также обитатели некоторых сибирских губерний: Томской, Тобольской, Амурской.

Первым русским населенным пунктом на территории Онгудайского района, как указывается в данных Поволожской всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 г., было село Онгудай, основанное в 50-х гг. XIX в.¹ После Онгудая на территории Онгудайского района образуются села Хлабаронка (70-е гг. XIX в.), Туекта (1879 г.), Кунчегень (90-е гг. XIX в.).² Таким образом, контакт алтайского населения с русским в этом районе по времени не выходит за пределы двух столетий.

Как следствие тесного контакта двух народов, живущих в обстановке дружбы и взаимопонимания, нами отмечено наличие двустороннего двуязычия: русские, владеющие алтайским языком, и алтайцы, говорящие на двух языках. За последние годы в результате возросшей функциональной роли русского языка двуязычных алтайцев больше, чем двуязычных русских; кроме того, встречаются представители алтайской народности, не владеющие алтайским языком.

Однако, несмотря на сравнительно небольшой срок межъязыкового общения и на возросшую роль русского языка, в местном русском диалекте функционируют заимствования из алтайского языка, получившие

¹ Список населенных мест Сибирского края (Вып. X. Ойротская обл., Новосибирск, 1928, стр. 16—20) мы не учитывали, т. к. в отдельных случаях они ошибочны. Видимо, по последнему источнику ошибочно указана дата образования с. Онгудай (1626 г.) в Краеведческом справочнике «Горно-Алтайская автономная область» (Горно-Алтайск, 1963).

² Даты образования сел установлены нами с учетом следующих источников: Азиатская Россия. Издания переселенческого управления землеустройства и земледелия. — т. I СПб. 1914; Горный Алтай и его население Т. III, вып. I, Сост. С. П. Швецов, Барнаул, 1901; Всесоюзная перепись населения, 1926 г. Т. II, Сибирский край, Отд. I, М., 1928. Данные, указанные в «Списке населенных мест».

в результате освоения русскую огласовку и русское морфологическое оформление. Больше других восприняли иноязычные заимствования группы лексики, связанные с животноводством и охотой. Последнее объясняется, видимо, тем, что животноводство и охота — это именно те области человеческой деятельности, в которых русские люди могли учиться у алтайцев новым для них способам, а также познанию некоторых реалий, не известных русским до поселения на Алтае. Появление нового иногда связывалось с появлением и лексики русского говора заимствованных из алтайского языка слов. Нами зафиксировано несколько заимствованных слов, обозначающих диких животных и птиц, которые и будут рассматриваться в этой статье.

Материал располагается в алфавитном порядке по общепринятому в литературном языке названию животного.

Архар, или аргалы (*Ovis ammon* Linnaeus, отряд парнокопытных, подотряд жвачных, семейство полорогих, подсемейство козлиных, род баранов, подрод настоящих баранов) в местном говоре называется словом *кочкор*. *Кочкор* в алтайском языке — самец аргалы (РСА, т. 2, стр. 617—618). Общетюркское значение слова *кочкор* — баран-производитель. В алтайском языке, как утверждает А. М. Щербак, наблюдается сдвиг в значении этого слова: это самец дикого горного барана.¹ В русском диалекте *кочкор* — видовое название животного без указания на его половой признак, различение которого, видимо, неактуально для носителей местного диалекта, т. к. ареал архаров расположен ближе к монгольской границе, и Огудайском районе они не водятся. Этой причиной можно объяснить и тот факт, что русские люди, хорошо зная слово *кочкор*, не всегда хорошо представляют вид этого животного. («У нас качкóр'ф и'ет, ай'и'ф Кош-Агачи. Ай'и'и'впадобии мар'ала, питнави'т'ан», Хаб.) Представление об этом животном сложилось у местных людей в основном по рогам архара, которые иногда привозили из Кош-Агачского района. («Качкóр и'д'и'ит м'иринóса, рага у и'иво кру'чи, с'ил'и'би, кал'óса и кал'óса» Туекта).

Общепринятое в литературе слово *архар* для обозначения этого животного в говоре не функционирует. Нашей экспедицией отмечен лишь один случай употребления этого слова от Зубакина Николая Павловича, 1929 г. рожд. Н. П. Зубакин окончил 7 классов, кузнец, охотник-любитель, читающий популярную охотничью литературу.

Кабарга (*Moschus moschiferus* Linnaeus, отряд парнокопытных, подотряд жвачных, семейство оленьих, подсемейство кабарговых, род кабарги) называется в местном говоре *табарга*. Слово заимствовано из алтайского языка: в «Алтайско-русском словаре» С. Я. Кумандина² слово дано в форме *табыргы* (стр. 82), в «Словаре алтайского и алашского наречий» В. Вербицкого³ слово дано в форме *табарга* (стр. 324). Отмеченная в «Ойротско-русском словаре»⁴ форма *кабарга*, возможно, заимствована из русского литературного языка (стр. 65). В статье А. М. Щербака «Названия домашних и диких животных в тюркских языках» приводятся общетюркские формы этого слова *микчан* и *табаргу*.⁵

В русском говоре из двух слов *кабарга-табарга* последнее более употребительно («Тъбарга мы гъвар'им, гъбаргү, гъвар'ат, уб'ил, а къбаргү и'и гъвар'ат, и'и слыхала» Хаб.). Употребление принятого и

¹ А. М. Щербак. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, стр. 112.

² С. Я. Кумандин. Алтайско-русский словарь. Г. Улала, 1923.

³ В. Вербицкий. Словарь алтайского и алашского наречий тюркского языка. Казань, 1887.

⁴ Ойротско-русский словарь. Сост. Т. М. Тошакова и Н. А. Баскаков. М., 1947.

⁵ А. М. Щербак. Указ. соч., стр. 144.

литературном языке слова *кабарга* записано от грамотных охотников-любителей от Зубакина Н. П., а также от Чуприянова Сергея Никифоровича, табунщика, 1927 г. рожд.

Козел, козуля, козерог — диалектные обозначения этих животных удобнее рассматривать вместе, т. к. одно диалектное наименование может обозначать несколько видов животных, а один вид животного может обозначаться различными диалектными названиями, дифференцированными в зависимости от пола и возраста животного. В этой группе слов заимствованные и русские слова тесно переплетаются, вступая в определенные соотношения.

Слово *козел* в местном говоре многозначно. Оно может обозначать три вида животных: козла домашнего, козла дикого (центрально-азиатского козла, *Sariga sibirika* Pallas, подотряд жвачных, семейство полорогих, подсемейство козлиных) и козулю (*Capreolus capreolus*, подотряд жвачных, подсемейство козлиных, род козули). Заимствованные слова способствуют дифференциации этих наименований, сохраняя за русским словом *козел* функцию общего названия всех этих видов.

Для обозначения домашнего козла в говоре используется заимствованное из монгольского языка общесибирское слово *сман*. В монгольском языке *ямаа(н)* — коза (Монг.-русск. сл., стр. 693). Слово *сман* в местном говоре противопоставляется слову *козел*, которое, кроме общего обозначения этих животных, приобретает еще дополнительное значение — дикий козел. Подразумевается в этом случае, видимо, и центральноазиатский козел, и козуля, во всяком случае, возможно употребление слова *козел* для обозначения двух видов животных («Мы который д'ик'ий называем казлом, а дамашин'ийа иманъмъ» Туекта.)

Центральноазиатский козел (*Sariga sibirika* Pallas) обозначается в говоре словом *козел* и заимствованным алтайским наименованием *тикé*, называют его также *бун* (или *мун*). В алтайском языке *тáкá*, 1 «козел», 2 «дикий козел» (РСА, т. 3, стр. 1016—1017). А. М. Щербак отмечает слово *тáкá*, как общетюркское со значением «козел», причем подчеркивает, что и некоторых тюркских языках, в том числе в алтайском, это слово обозначает не только домашнего, но и дикого козла.¹ В русском говоре слово осваивается лишь в значении «дикий козел», правда, оно не является общеупотребительным, ощущается носителями говора, как иноязычное слово. Более употребительно для обозначения этого вида животного в русском говоре слово *бун*, происхождение которого установить пока не удалось («Бун, как иман калхонный, пахóжий на дамашин'уйу казу, рага у н'ивó загнутый, а п'áлтайск'и т'ик'é» Хаб.)

Козуля — одно из наиболее распространенных парнокопытных, обитающих на территории Ойротайского района. Видимо, поэтому в русском говоре функционирует несколько заимствованных слов для обозначения этого вида животного. Общевидовое название этого животного остается русским (*козуля*), но оно мало употребительно, т. к. чаще используются в говоре заимствованные слова, которые различают козулю в зависимости от пола и возраста.

Заимствованное слово *куран* обозначает самца козули. Алтайское слово *куран* отмечено в словаре В. В. Радлова в значении «дикий козел» (т. 2, стр. 922), в «Ойротско-русском словаре» в значении «козуля (самец)» (стр. 95). А. М. Щербак отмечает, что слово *куран* малоупотребительно в тюркских языках, и приводит одно значение его — «самец козули», в котором слово употребляется в алтайском языке.² В словарях русского литературного языка зафиксировано слово *гуран* в этом же

¹ А. М. Щербак. Указ. соч., стр. 118—119.

² А. М. Щербак. Указ. соч., стр. 121.

значении (СлСРЛЯ, т. 3, стр. 490). Однако форма слова, бытующего в говоре Онгудайского района, ближе к алтайскому языку. (Возможно в форме *суран* слово было знакомо некоторым русским людям до поселения на Алтае, но лишь контакт с алтайским языком позволил слову закрепиться в форме *куран*.) Слово *куран* почти не ощущается носителями говора, как иноязычное. Вместе с русским словом *козлушка* (козлуха) заимствованное слово дифференцирует обозначение этих животных по половому признаку. («На курана и на козлуху ахот'и'ич'я.» Туекта, «Куран — козлух'ин муш.» Хаб.)

Обозначения косули дифференцированы в говоре и по возрастному признаку, для чего используется русское слово *козленок* и заимствованные *чап* и *садишка*. Слово *козленок* обозначает детеныша косули от рождения до одного года. Заимствованное слово *чап* означает детеныша косули от одного года до двух лет. В алтайском языке *чап* — детеныш косули по первому году (СлС, т. 3, 1916). («Чап веть уш гьдавои, а каал'б'г'жк рад'аш'ш'ий.» Туекта). Слово *чап* широко употребительно среди русских охотников.

Слово *садишка* менее известно. Оно записано только от двух информаторов, стариков-охотников из с. Кунчерень и Туекта («Ос'ни'бу чин'йишка, а саиошка д'жк фтарой тот, он уш прад'им'ваал, прад'ит'ивал.» Туекта). Происхождение этого слова из алтайского языка предполагает В. Н. Богданов в статье «Алтайские элементы в лексике русского говора»¹ В талицком говоре (Усть-Канский район) слово *сади* употребляется для обозначения маралаика от одного до двух лет.

Из всех обозначений, бытующих в говоре, для названия косули наиболее употребительным является слово *куран*. Его употребляют и тогда, когда важно подчеркнуть не половой признак животного, а отличие дикого козла от домашнего («Иман какой-ть душой, а куран фкуешай.» Курота).

Сурок (Genus *Marmota* Blumenbach, отряд грызунов, подотряд однопарнорезцовых, семейство беличьих, род сурки) обозначается в говоре русским словом *сурок* и алтайским *тарбаган*. Слова эти в говоре абсолютно синонимичны. Алтайское *тарбаган* — сурок (О-Р, стр. 143). Наблюдения показали, что слово *тарбаган* более употребительно в селах с преобладающим алтайским населением, где оно может быть даже более употребительным, чем русское. Такое явление наблюдалось нами в селе Вичикту-Бом: «Тарбаганы йес' у нас. А на-русски как их? Сурок ейт' Мал'и'во тут.»

Суслик (*Citellus undulatus* Pallas, отряд грызунов, подотряд однопарнорезцовых, семейство беличьих, род суслики) называется в Онгудайском районе *емуранкой* и *еркешкой*. Наиболее распространенным из них является слово *емуранка*; *еркешка* употребляется среди детей, взрослые знают это слово не всегда. Слово *еркешка* образовано от алтайского *орк'о* в значении «суслик» (О-Р, стр. 120). («Ирк'ешк'и пайд'омт'и выл'иват', р'иб'ит'ошк'и таг гьвар'ат.» Хаб.)

Слово *емуранка*, распространенное не только в Горно-Алтайской области, но зафиксированное также в форме *муранка* в Ленинско-Кузнецком районе Кемеровской области (диалектная картотека Томского гос. университета), заимствовано, видимо, из какого-то другого тюркского языка. Фонетически слово *емуранка*, как показывает А. М. Щербак, может соответствовать башкирскому и татарскому *ямран*, уйгурскому *йумран*, чувашскому *ямран*, но более всего русская форма слова соответствует узбекскому *йумранказик*.² Из которого из этих языков и каким

¹ В. Н. Богданов, Алтайские элементы в лексике русского говора. Записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории языка и литературы, 1964, вып. 6, стр. 117—118.

² А. М. Щербак. Указ. соч., стр. 148.

образом слово попало в сибирские говоры, и в том числе в говор Онгудайского района, остается пока неясным. Слово *емуранка* очень широко употребительно в русском говоре, в связи с развернувшейся в районе борьбой с грызунами в говоре появилось новое слово *емуранничать*, обозначающее процесс их уничтожения («Имуранничали дьк петь душл'и имураньк» Курота)

Заемствованные обозначения птиц

Для обозначения птиц в местном говоре зафиксировано только два заимствованных слова, возможно, их больше, но они, видимо, редко употребительны.

Кедровка (*Nucifraga* Briss, отряд воробьиных, семейство вороновых, род кедровка) имеет в говоре наряду с русским словом *кедровка* обозначение *таралка* или *тарал*. Алтайское слово *тарал* — «кедровка» (О-Р, стр. 142). Более распространена в русском говоре обрусевшая форма *таралка*. Слова *таралка* и *кедровка* совершенно равнозначны. Слово *таралка* иногда не ощущается носителями говора, как иноязычное. («Таралка гришшийт, када л'итант, пот ы праввал'и таралка, а пь-алтайск'и тарал» Туекта)

Улар (*Tetraogallus altaicus* Gray, отряд куриных, семейство фазановых, род улары) и в говоре называется уларом. В «Ойротско-русском словаре» *улар* — зоол. гриф (стр. 167). Однако в местном алтайском диалекте слово употребляется для обозначения горной индейки. Это же значение имеет слово и в монгольском языке (Монг.-русск. сл., стр. 452). В словаре В. В. Радлова *улару* — дикая курочка (т. I, стр. 1683). В русском говоре Онгудайского района уларов называют еще *польской курицей*. Ареал этой птицы расположен ближе к монгольской границе, но охотники Онгудайского района знакомы с повадками этой птицы. «Улар с'ерый цв'етьм ы б'егат быстра, быстра, а л'итат тол'кь а гары. Пам'оши'ик бунд, дайот св'исток ы бун б'ижят, значит гд'е-ть чилав'ек, зорк'ий п'т'иса»

Литературное название этой птицы, видимо, также заимствовано из алтайского или монгольского языка, но т. к. это редкая птица и за пределами Онгудайского района она не могла быть известна русскому населению, функционирование слова *улар* в местном говоре предполагается не под влиянием литературного языка, а под влиянием местного алтайского диалекта.

Таким образом, рассмотренный материал показывает, что русский говор Онгудайского района заимствует названия тех диких животных, которые не встречались или редко встречались ему в условиях равнинных лесов (*кочкор, табарга, улар*). Заимствования из алтайского языка могли появляться и в результате потребности дифференциации понятий, связанных с наименованием животного (*куран, чап*). Некоторые заимствования, имеющие эквивалент в русском говоре, видимо, просто объясняются потребностью понимания при общении (*тарбаган, таралка*). Интересно также отметить, что в говоре не зафиксировано заимствований, обозначающих промысловых пушных зверей, за исключением слова *койон* — заяц, которое употребляется в переносном значении для характеристики трусливого человека.

Русские люди заимствовали от алтайцев не только наименования некоторых диких животных, но и алтайские способы охоты, виды ловушек, а соответственно и наименования последних. Так, в русском говоре бытует слово *агартанить* для обозначения одного из приемов охоты: загонять с криком и шумом зверя на сидящих в засаде охотников (алт. *агырт* в этом же значении, О-Р, стр. 12); слово *паспак*, обозначающее особое устройство ловушку, сделанную из жердей и бревен

по типу русской кулёмы (алт. *баслик* в том же значении, О-Р, стр. 27). Знают русские и особого устройства алтайское ружье, которое называют *курла* (алт. *кырлу мылтык* — нарезное ружье, О-Р, стр. 112). Но в последнее время у охотников все больше появляются современные охотничьи ружья, пистолеты и кулёмы заменяются купленными капканами, и, следовательно, судьба некоторых заимствованных слов в русском говоре предрешена: они исчезают вместе с исчезновением обозначаемых ими реалий. Дольше других, видимо, сохранятся в говоре заимствованные названия диких животных.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

О-Р — «Олротско-русский словарь» Сост. Н. А. Башкиров и Т. М. Тошкова. ОГИЗ, М., 1947.

РСл — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893—1911.

СлСРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. Изд. АН СССР. М.-Л., 1951—1964.

Монг-русск. сл. — Монгольско-русский словарь под ред. А. Лувсандэндэва. ОГИЗ, М., 1957.

НА ПОДСТУПАХ К ЗРЕЛОСТИ

(О раннем периоде творчества П. В. Кучияка)

Павел Васильевич Кучияк — один из тех писателей, кому выпала трудная и почетная доля быть зачинателем художественной литературы своего народа. Немалая заслуга в становлении алтайской письменной литературы принадлежит и поэтам — его предшественникам — М. В. Муидус-Эдокову и П. А. Чагат-Строеву, чьи произведения составили ее первые страницы. Однако за сравнительно небольшой период творческой деятельности они не оставили значительного литературного наследия и не поднялись до уровня высокого художественного мастерства. Это было сделано Павлом Кучияком. От форм народных песен и эпических сказаний к проникновенной лирике, художественной прозе и драматургии — таковы этапы возмужания его таланта. В литературе своего народа им созданы новые образцы произведений всех жанров.

Начало творческой деятельности Павла Кучияка совпало с бурной эпохой первых лет строительства социалистического общества в Горном Алтае. Восторженное восприятие советской действительности как наступления новой эры в истории человечества составляло общую черту алтайской литературы двадцатых и начала тридцатых годов.

В зарождающейся литературе на первых порах широкое развитие получила поэзия. На страницах областных газет выступало более пятидесяти начинающих поэтов и многие из них — М. В. Муидус-Эдоков, П. А. Чагат-Строев, П. В. Кучияк, Ч. А. Чунижеков, И. Эдоков, И. Тантыев, А. Чоков и другие — создали немало произведений, ставших популярными среди читателей и вошедших в первые литературные сборники и хрестоматии.

Поэзия того времени была преимущественно агитационно-публицистической. Это были стихи и массовые песни о революции и советской власти, о партии и комсомоле, о кооперативах и учебе, о газете и т. д.

День, который землю цветущую
От церкви избавил,
День, который народ вымиравший
Возродил и сделал мудрым.
День удивительно прекрасный,
Освободивший народ,
из которого кровь высасывали.

(перевод) лиричный)

Так, в стихотворении И. Эдокова «Октябрьской революции слава!»¹ утверждается историческое величие Октябрьской революции, вырвавшей алтайский народ из мрака нищеты и гнета. Прославление револю-

¹ «Кызыл Ойрот», 1927, 7 сентября, № 68 (206).

ции и советской власти было основным лейтмотивом произведениях тех лет.

Особое место в поэзии этого периода занимают произведения о вожде мирового пролетариата Владимире Ильиче Ленине. Великому Ленину посвящают свои стихотворения учителя, учащиеся, газетные работники — вчерашние бедняки, только что научившиеся читать и писать. С простотой и искренней любовью говорят они о человеке, ставшем родным и близким для всех трудящихся мира. В их незатейливых стихах и песнях выражены не только глубокая всенародная скорбь по великому вождю, но и величие и бессмертие его дел:

Ты жив в сердцах народов —
Наш дорогой Ильич!
В сердцах трудящихся остались
Частица твоего тепла.

— пишет 64-летняя Анна Чевалкова, жительница села Эликманар. Вдохновенные строки о гениальном вожде написаны П. Кучияком («На смерть вождя»¹), П. А. Чагат-Строевым («На смерть Ленина»²) и многими другими. Но самым значительным из произведений этого периода, посвященных Ленину, является поэма П. А. Чагат-Строева «Мудрый богатырь» (1925). Эта поэма — первое произведение на алтайском языке вышедшее отдельным изданием, — является данью глубокого уважения и благодарности алтайцев великому вождю. Она символизирует сокровенную, веками выношенную мечту народа о грамоте, о «мудрой книге», предлагающей человеку счастье.

Тематический диапазон массовых песен и стихотворений тех лет определяется повседневными событиями области и страны, что обусловило их актуальность и весьма заметную роль в политическом воспитании масс. Каждое стихотворение отражало ту или иную сторону исторической эпохи наступления новой жизни в Горном Алтае и духовного возрождения его народа. Так, например, в 1927 году большой цикл стихов и песен различных авторов явился откликом на призыв добровольного служения алтайской молодежи в рядах Красной Армии. Впервые в истории этот народ на равных правах с другими народами СССР представляет своих посланцев для охраны социалистической Родины. Массовые частушки и стихи появились в печати в связи с прилетом на Алтай самолета «Сибиряком», совершавшего агитационный рейд по Сибири. Восторженно приветствуя все новые и новые явления в общественной и культурной жизни области, поэты с немалой активностью выступают против всяких проявлений пережитков мрачного прошлого в быту, поведении и сознании людей. Разоблачают лживые учения бурханистов, обман шаманов и проповеди церковных служителей.

В произведениях первого десятилетия советской власти в Горном Алтае широкий отклик находили события, волнующие весь советский народ и мировой пролетариат. Такие стихи, как «Наш ответ Чемберлену» Н. Эдокова, «Ответ кровожадным» М. В. Мундус-Эдокова и большое количество стихов, авторов которых трудно установить (они печатались в газетах без подписи), посвящены разоблачению прожектов английских империалистов и по существу представляют первые ростки

¹ «Красная Ойротия», 1934, 21 января, № 11 (1165).

² «Кызыл Ойрот», 1934, 21 января, № 7 (657).

³ П. А. Чагат-Строев «Баштымы школдорго ливературалыг хрестоматиязы» 3 кл. 1934, Новосибирск, стр. 97—98.

⁴ «Кызыл Ойрот», 1925, 18 ноября, № 50; 1928, 26 мая, № 21 (256).

⁵ «Кызыл Ойрот», 1926, 5 июня, № 30 (91).

политической лирики в алтайской литературе.¹ Страстный призыв к защите завоеваний Октябрьской революции и страны Советов — их главное содержание. В них Горный Алтай выступает как неотъемлемая часть великого социалистического государства и его народ готов к защите отечества.

Несмотря на декларативность и риторичность, художественное несовершенство, стихи этих лет были ярким выражением чувств и настроений народных масс, их высокого революционно-политического подъема. Все внимание поэтов было сосредоточено на агитационном воздействии стихов, на быстрейшем реагировании на событие. Отсутствие опыта приводило к прямому нетворческому заимствованию фольклорных форм и приемов. Стихи были похожи по форме на народные песни и эпические сказания — те же образы и эпитеты, параллели и повторы, тот же аллитерационный стих. Иначе и не могло быть в литературе народа, который, кроме устного поэтического творчества, не имел других образцов на родном языке.

Но при всем этом стихи двадцатых и начала тридцатых годов ценны тем, что боевым, призывным содержанием были созвучны своему времени.

Первые литературные опыты Кучияка относятся к середине двадцатых годов. Почти одновременно со стихами он работает над поэмой «Арбачи», первый вариант которой был закончен в 1928 году, но из-за утери редакцией рукопись была опубликована со значительной доработкой в 1933 году. В 1932 году, к десятилетию образования автономной области, на сцене была поставлена его первая пьеса «Борьба». В следующем году, наряду со стихами, публикуется пьеса «Работа белых», очерк «Первые гости Ойротии», рассказы «Железный конь». В 1934 году печатаются стихи, очерки, пьесы «Петля», «Враги в капкане» и небольшие заметки о литературе.

Таким образом, с первых шагов своей литературной деятельности Кучияк выступает одновременно во многих жанрах. Поэтому неслучайна разноречивость мнений о начале его творчества. «Кучияк начал свою деятельность с поэмы»,² — пишет А. Л. Коптелов. Литературовед С. С. Суразаков анализирует творчество писателя открывает агитационно-публицистическими стихами, написанными в двадцатые годы.³ Сам же Кучияк утверждает: «Писать я начал с 1932 года. Первая моя творческая работа началась с пьесы».⁴

Эта особенность — с первых шагов интенсивная работа во всех жанрах — характерна для многих писателей литератур народов СССР, особенно младолетних, что, по всей вероятности, обусловлено ускоренным процессом становления и развития этих литератур. Об этом свидетельствует творчество хакасских писателей А. Топанова и В. Кобыкова и поэтов молодой литературы Тувы. В алтайской литературе, кроме Кучияка, это характерно и для творчества М. Мундус-Эдокова — автора стихов, басен, рассказов-миниатюр и пьес.

Первые стихи Павла Кучияка («Женщины-алтайки, слушайте!», «Обращение к комсомолу», «К Красной Армии», и др.) не выделяются из того потока лозунгово-дидактических стихов, которые публиковались в периодической печати двадцатых годов. Не только для Кучияка, но и для многих начинающих авторов этого времени, было характерно стремление «сказать необъяснимое», т. е. изложить историю на-

¹ «Кызыл Ойрот», 1927, 19 октября, № 80 (216); 21 сентября, № 72 (210); 10 сентября, № 69 (207); 1927, 8 октября, № 77, 1928, 2 июня № 22.

² А. Л. Коптелов. «Мои современники». Барнаул, 1963, стр. 55.

³ С. С. Суразаков. «Алтай литература». Горно-Алтайск, 1962, стр. 116—117.

⁴ П. Кучияк. «Моя творческая работа», «Красная Ойротия», 1939, 20 июня, № 65 (2113), стр. 2.

рода в одном произведении, будь это стихи или поэма. Огромное было желание поэтов обобщить пройденный народом путь, сопоставить настоящее с прошлым, чтобы выразить свое отрицание той жизни, которая держала трудящихся во власти зайсано-байского произвола. Именно таковы большие стихотворные произведения П. Чагат-Строева «Ложь бурханистов» и стихотворение М. Мундус-Эдокова о Ленине и «Раньше и теперь».¹

В таком же плане написаны стихи П. Кучияка «Победа Октября», «К десятилетию Ойротии» и «На смерть вождя».² Содержание всех названных произведений сводилось к простому перечислению важнейших поворотов в жизни алтайского народа без конкретных образов и единичных событий, доведенных до большого художественного обобщения. Но тем не менее эти стихи были подступами к крупным поэтическим произведениям, они свидетельствовали о туге поэтов к большим эпическим полотнам, отображающим исторические события в судьбе народа. И как результат этого стремления появились поэмы Чагат-Строева «Мудрый Богатырь» (1926), «Карл-Корум» (1927) и П. Кучияка «Арбачи» (1933).³ Каждая из них по-своему значительна в истории развития художественной литературы алтайцев. Используя художественные приемы алтайских народных сказаний о богатырях, Чагат-Строев в поэме «Мудрый Богатырь» передал историю классово-борьбы русского пролетариата во главе с В. И. Лениным. В «Мудром Богатыре» воплощен образ вождя, остальные же образы собирательны: Рабочий Класс, Крестьянство и Семглавое Чудовище (помещики и капиталисты). Но уже в другой поэме «Карл-Корум» автор избегает прямого заимствования традиционных форм эпических сказаний, их образов и композиционных приемов. Изображение действительности ограничено определенным отрезком времени — периодом гражданской войны в Горном Алтае. Поэма насыщена патристическим пафосом масс, борющихся за установление советской власти, гневным разоблачением злодеяний белогвардейских карл-корумцев, вдохновенно обрисован знаменитый переход через Яломанские белки партизанского отряда под командованием И. И. Долгих и т. д. Но все же это произведение не лишено многословности, а отсутствие конкретности в изображении народной массы и отдельных героев ослабляет единую сюжетную линию поэмы.

Поэма «Арбачи» — первая серьезная работа П. В. Кучияка. Автор не избегал недостатков, типичных для произведений этого периода, однако в алтайской литературе поэма занимает несколько особое место. В ней впервые была сделана попытка показать историческую судьбу народа через конкретный образ.

Равноправие женщины, участие ее в общественно-политической работе — одно из важнейших завоеваний Октябрьской революции, и в первых лет существования советской власти борьба за ее фактическое раскрытие стала одной из актуальных задач. Поэтому в литературе народов СССР тема судьбы женщины, наряду с другими темами, занимает центральное место, как выражение существующих сторон советской действительности. Жизненный путь Сельмы из поэмы азербайджанского поэта Гусейна Джавина «Азер», Сафият из одноименной поэмы Азретя Уртенова — поэта карагачевской литературы, прекрасные женские образы в произведениях Хамзы (узбекская литература), Тукая (тагарская литература), В. Кок-оола и Сагыр-оола (тувинская литература) во

¹ П. А. Чагат-Строев. «Ложь бурханистов». В газ. «Кызыл Ойрот», 1926, 5 июня, № 30 (91); М. Мундус-Эдоков. «Ойрот школа», 1924, стр. 74; М. Мундус-Эдоков. «Озгогыл да эмдикан», в сб. «Таг Чолмон», Улала, 1928, стр. 22.

² Сб. «Совет Ойроттыг билим». Новосибирск, 1935, стр. 9—12; там же, стр. 22—26; там же, стр. 31—33.

³ П. А. Чагат-Строев «Ойгор-Баатыр» Улала, 1926; Чагат-Строев П. А. «Карл-Корум», Улала, 1927; П. Кучияк: «Арбачи», Ойрот-Тура, 1933 г.

многим родственны с образом Арбачи. Реальная основа содержания, типичность образа и изображаемых явлений вызывает живое восприятие поэмы читателями. Вместе с сибирским писателем А. Л. Колгеловым, совершая поездку по области, Кучияк читал свою поэму на колхозных собраниях и полевых бригадах. Среди слушателей он находил женщин, судьба которых, как две капли воды, схожа с судьбой Арбачи. «Я жила у бая в батрачках. Как Арбачи, девочкой пасла овец. Снег упадет, а я все босиком хожу за отарой», — вспоминает одна из колхозных доярок, прослушав поэму.¹

Древние формы кочевого быта, родовые обычаи и воззрения особенно тяжело закабалали алтайских женщин. «Алтайская женщина играет весьма подчиненную роль как в семейной, так и еще более в общественной жизни, — писал один из дореволюционных исследователей Горного Алтая С. П. Швецов — Современный (дореволюционный — З. К.) алтаец смотрит на женщину, на которой лежит все домашнее хозяйство, главным образом как на рабочую силу. Логическим результатом такого взгляда на женщину является отношение к ней не только как к существу, неизмеримо низшему, но и такому, которое наравне с другими низшими существами — домашними животными — может быть предметом собственности, т. е. подлежать продаже и наследованию».² В памяти народа сохранилось немало легенд и преданий о тяжелой доле женщин, которые единственный выход находили в самоубийстве. «Рока Катунь, — гласит одна из распространенных алтайских легенд, — это женщина (катын), бросившаяся со скалы, убегая от преследования бия (госпожина)».

Судьба бедной девушки Арбачи составляет сюжетную основу поэмы Кучияка. Насильно выданная замуж за шестилетнего байского сына, Арбачи становится бессловесной батрачкой в семье богача-эксплуататора. Описывая муки, выпадавшие на ее долю, Кучияк создал реалистические картины дореволюционного быта алтайцев здесь и продажный зайцевский суд, и сила баяв, и опутанная предрассудками беднота.

Широкое использование художественных средств фольклора-зачина («Жила была бедная девушка...»), пословиц и поговорок («Мирные козы от волков не рождаются», «Пучок травы там засыхает, где вырос, девушка там умирает, куда выдана» и др.), афористичность выражений приближают поэму по языку к произведениям устного народного творчества. В общую канву содержания гармонично вплетаются народные песни. Авторские обращения («Ах ты, бедная, бедная Арбачи...»), «Злому коршуну в когти, как малая птичка, ты попалась...») придают поэме эмоциональную выразительность. В поэме отсутствуют величавые эпитеты и сравнения, необычные гиперболы, свойственные для алтайских эпических сказаний, чрезмерное увлечение которыми могло бы свести повествование к сказочности.

Все сказанное выше полностью относится к первой части поэмы. Вторая часть, посвященная жизни Арбачи в годы гражданской войны и установления советской власти, носит возвышенно-риторический характер. Поэт в декларативной форме повествует об Октябрьской революции, о великом Ленине, об образовании автономии в Горном Алтае. Здесь уже нет композиционной четкости произведения, содержание звучит патетично и несколько отвлеченно.

Почти одновременно с поэмой «Арбачи» Кучияк работает над созданием своей первой пьесы. Жанр драматургии — совершенно новый в литературе алтайцев, и на первых порах формирования алтай-

¹ А. Л. Колгелов. «Мои современники». Барнаул, 1963, стр. 56.

² С. П. Швецов «Горный Алтай и его население». Барнаул, 1900, т. 1, вып. 1, стр. 111.

ской художественной литературы, наряду с поэзией, он приобретает широкую популярность. Это объясняется рядом обстоятельств. Поэзии явилась наиболее активным средством выражения эмоциональной стороны жизни раскрепощенного революцией народа, его патриотического пафоса и приобщения к общественно-политической деятельности. К этому важнейшему стимулу, обеспечившему преобладание поэзии в литературе, следует добавить, что она имела образцы в устном народном творчестве — народные песни и эпические сказания, от форм которых оттапливались поэты, создавая свои произведения. Развитие совершенно нового жанра — драматургии — в алтайской литературе обусловлено жизненной необходимостью периода первых лет Советской власти. Через непосредственный показ событий, через «живые картины» легче было донести до широкого круга зрителей, подавляющее большинство которых было безграмотно, идеи революции и советского государства. Пьесы явились действенным орудием в ожесточенной идеологической борьбе старого и нового в сознании и быту людей. В качестве примера, свидетельствующего об огромном воспитательном воздействии пьес на зрителей, можно привести небольшую газетную заметку¹. В селе Бешпелытре все верующие во главе с поном подготовили торжественно отпраздновать день святого Николая. Курсантами совпартиколы в этот день была поставлена спектакль. Публика не вместились в помещение школы, и спектакль был разыгран на улице. В церкви же остались только старики.

Пьесы возникали по требованию самой жизни. Интересные факты о зарождении этого жанра приводятся в статье А. Л. Коптелова, «В Союзаре, Усть-Канского аймака, колхозники обязали учителя, в порядке колхозной дисциплины, написать пьесу».² Подобные случаи не единичны. В содержание пьес участники художественной самодеятельности вносили изменения, дополнения соответственно тем событиям, которые типичны и злободневны в той среде, где намечался показ спектакля. Такой «переработке» подвергается, например, пьеса Ф. Тозыкова «Порог господина высок».³ Пьеса отражает мрачные времена недалекого прошлого. «В Яконуре алтаец Казаков и русский учитель Себрениников дополнили пьесу событиями минувшей осени, провели параллель. Они показали классовую борьбу в долине Яконура. Пьеса ставилась в школах Яконура и Чагыра. Не видело население всех туземных сельских советов. Не только видело, но и «разыгрывало»⁴ — пишет А. Л. Коптелов.

Контрастное противопоставление отшатнувшегося мира прошлого с его дикими обычаями и предрассудками всему новому, что принесла алтайцам советская власть, — такова основная идейная направленность пьес 20-х годов. Несмотря на художественную слабость, эти пьесы, как и агитационно-публицистические стихи, были также ярким выражением чувств и настроений народных масс.

В пьесах Павла Кучияка, написанных в начале 30-х годов («Борьба», «Петля», «Враги в капкане»), нашел отражение период бурных драматических конфликтов, которые выражались не только в классовой борьбе со скрытыми врагами, бывшими баями-белобандитами, пробравшимися в организуемые колхозы. Оставалась бесчисленная масса укорожившихся привычек, обычаев, предрассудков старины, которые цепко держались во взглядах и поступках людей и упорно тормозили все новое, противоречащее законам отжившего мира. Классовая борьба

¹ Алтай спектакль-ойун эткени. «Кызыл-Ойрот» 1928. № 23 (58).

² А. Л. Коптелов «Литература советской Ойротии» — Сибирские огни. 1934. № 6, стр. 106.

³ Ф. Тозыков «Бий эжиги бийик». Улала, 1928.

⁴ А. Л. Коптелов «Формы социализма». Очерки. М., Федерация, 1931. стр. 43—44.

не есть прямое уничтожение врага, это упорная, повседневная борьба со всеми проявлениями пережитков прошлого, борьба людей с собственными взглядами и привычками. Именно к такому пониманию классовой борьбы призывают пьесы П. Кучника.

Героями его пьес являются люди различных социальных групп: колхозники, колеблющиеся середняки-единоличники, раскулаченные баи, бывшие белобандиты. В образах Абаша, Бедей («Борьба», 1932), Тулькенека, Молтыя («Петля», 1934) изображены вчерашние баи и их сообщники, пробравшиеся в сельские советы и правления колхозов. Это не случайный выбор героев. В алтайском обществе была сильна традиция почитания «старшего» в роду (сееке), никто не смел нарушать его волю. А таковыми были зайсаны, баи. В годы становления советской власти бедняки не сразу освободились от традиционных обычаев, порожденных в классовом обществе. При выборах в руководящие органы они по привычке избирали «старшего» и, таким образом, вместо разоблачения давали возможность своим классовым врагам по-прежнему управлять ими, только теперь под прикрытием народной власти. Например, крупный бай Артымай Кульджин вплоть до 1928 года был председателем животноводческого товарищества, председателем ревизионной комиссии Теньгинского сельского Совета.

О том, что в основу пьес легли жизненно достоверные факты, очевидцем которых был сам П. Кучник, свидетельствуют и его воспоминания в книге Ф. Вайскопфа «Будущее в лесах»: «В новом кооперативе сидели люди из Кара-Корума, и сельский Совет был в руках баев... в Чепош приехал представитель партии и искал людей, которые должны основать комитет бедноты и организовать борьбу за изгнание баев из Советов»¹.

Таким образом, налицо актуальность проблем, выдвигаемых в пьесах П. Кучника. Для Кучника было важно показать не столько скрытых врагов и тот ущерб, который они приносят колхозу, сколько образы людей, которые, находясь во власти старых социальных предрассудков, сами не подозревая, попадают в сети врагов и становятся их сообщниками. Так, председатель колхоза Балтырган из пьесы «Петля» — выходец из батраков — не смог под лисьи ужимки и слезливыми фразами счетовода Тулькенека разглядеть в нем бывшего белобандита. Безвольный и заносчивый характер Балтыргана враги используют в своих корыстных целях. В другой пьесе «Враги в камканы» сообщниками бая оказались председатель сельского совета Тошпор и бедняк Коболу, которые еще не совсем поверили в прочность колхозного строя.

Пьесы Кучника, написанные в 1932—1934 гг., страдают общими недостатками, характерными для пьес этого периода: схематичностью, отсутствием гибкого нарастания и разрешения конфликтов, индивидуализацией речи действующих лиц. В отдельных местах поступки героев наивны и малубедительны. Так, например, ничем не оправдано чрезмерное равнодушие секретаря партчейки колхоза Картыса к делам, явно свидетельствующим о вредительской руке врага. Образ положительного героя Шонкора, красного партизана в прошлом, остался контурно намеченным («Петля»).

Кучник уже в то время ощущал все эти недостатки, но преодолеть их не хватало литературного опыта. «Действия мало, агитации много. Сейчас сами увидите»² — признается автор, выступая перед первыми зрителями пьесы — делегатами, съехавшимися в г. Ойрот-Тура (ныне Горно-Алтайск) на празднование десятилетия образования автономной

¹ Ф. Вайскопф. «Будущее в лесах», 1933, стр. 139—140 (на немецком языке).

² Колтелов А. Л. «Улу Байрам», Сибирские огни, 1932, № 7—8, стр. 71.

области. А еще позднее, анализируя свой творческий путь, он отмечает: «Не имея представления о том, как пишется пьеса, свою первую пьесу я изложил схематично, получился голый агитационный материал». Тем не менее пьесы Кучиняка прочно вошли в репертуар кружков самодеятельности, а впоследствии и областного национального театра. В главных ролях своих пьес выступает сам автор.

К началу 30-х годов относятся и первые попытки Павла Кучиняка в прозе. До него в этом жанре выступал с небольшими рассказами М. В. Муидус-Эдоков. Отличаясь выразительной краткостью и четкой идейной направленностью, эти рассказы разоблачают живые учения шаманов, ярликчи—протопродвижников бурханистов («Ярликчи», «Кам») и христианской религии («Поп и учитель»)¹. В областных газетах печатались небольшие рассказы и других авторов. Содержание их было двоякого рода: или это короткие рассказы-сказки о животных (а точнее, это своеобразные басни в прозе) с нравоучительными выводами о различных пороках человеческого характера, или миниатюрные рассказы-диалоги, печатавшиеся под рубрикой «Хорошие рассказы», «Разговор-шутка». Это рассказы-агитки, в них речь идет об уплате налога, о займе, о колхозах, о шаманах, о кино и т. д. И, наконец, была еще одна разновидность прозы — это пересказ содержания легенд и преданий («Кулбай», «Из прошлого Алтая» и др.).

Начальные шаги Кучиняка в жанре прозы не относятся ни к одному типу из перечисленных выше произведений. Его очерк «Первые гости Ойротии»² посвящен пребыванию в Горном Алтае немецких писателей-коммунистов Франца Вайкопфа и Грейде. Автор во вступительном слове поясняет мотивы, побудившие его взяться за перо: «Путешествуя вместе с гостями, увидел то, как они стремятся донести до всех учения Маркса и Ленина, я задумал писать о жизни народа»³.

Очерк Павла Кучиняка важен для нас не только как один из образцов жанра прозы в период формирования художественной литературы алтайцев, но и как исторический документ, запечатлевший огромный интерес трудящихся зарубежных стран к первому в мире социалистическому государству. В конце 20-х и начале 30-х годов Горный Алтай посетили немецкий коммунист Фриц Кюн (1927), руководитель югославского комсомола Янко Мишице (1927), немецкие писатели-коммунисты Вайкопф и Грейде (1932) и французский писатель Андрэ Мальро (1934). «Целью моего путешествия по Алтаю было ознакомление с практикой национального вопроса и работой партии и советских учреждений среди национальных меньшинств»⁴, — говорит Фриц Кюн о причинах поездки по Горному Алтаю. Представители зарубежных стран были поражены огромными переменами, происшедшими в жизни народа, материальное и культурное развитие которого к приходу советской власти было на уровне патриархальщины. О том, к каким выводам они пришли, ознакомившись с жизнью бывшего кочевого народа, красноречиво свидетельствуют их высказывания. «В Онгуде, в школе рабочей молодежи, я разговаривал с одним 19-летним алтайцем, окончившим совпартшколу. Этот товарищ имел такие общеполитические и исторические познания, например, о жизни и деятельности К. Маркса, Ленина и других, что я был поражен. Спросите об этом 19-летнего крестьянского юношу Германии, окончившего семиклассную

¹ П. В. Кучиняк «Моя творческая работа» «Красная Ойротия» 1939, 20 июня № 65 (2113), стр. 2.

² Книга для чтения «Тан Чолмон», М., 1925.

³ До 1948 г. Горно-Алтайская авт. область называлась Ойротской.

⁴ П. Кучиняк «Ойроттың башкы айылчылары» Ойрот-Тура, 1933, стр. 3.

⁵ Фриц Кюн «Ойротские впечатления заграничного коммуниста».

Газ. «Ойротский край», 1927, 7 сент. № 68 (3421), стр. 2.

школу. Для него, пожалуй, эти имена будут неизвестными. А этот молодой алтаец еще несколько лет назад был совершенно безграмотным». ¹ — пишет Фриц Кюн Мысли немецкого коммуниста углубляет французский писатель Андрэ Мальро: «Да, англичане в Индии, французы в Африке на переход кочевников на оседлость затрачивали большие деньги и никаких результатов не добились. Капитализму это дело оказалось не под силу. Очевидно, эту задачу способны решить только социалистические формы труда и социалистическая культура». ²

В своем очерке о поездке немецких коммунистов-писателей по Горному Алтаю Кучияк со стенографической подробностью описывает встречи, собрания трудящихся области. Автор главное внимание сосредотачивает на вопросах, которыми интересуются гости: что было раньше до колхоза, кем был тот или иной товарищ до революции, сколько было церквей, школ, кому принадлежала земля и т. д. Несмотря на излишние повторы, однотипность предложений, чувствуется стремление автора передать увиденное простым языком. Здесь нет декларативных фраз, что наблюдалось в его стихах и в речи действующих лиц пьес. Пусть очерк нуждается в серьезной литературной доработке, но в нем передана искренность автора, его переживания и радость, чувство большой гордости за свой народ. В этом очерке обнаруживаются проблески художественного изображения жизни. Так, например, напряженную тишину, которая наступает при выступлении зарубежного гостя, автор сравнивает с беззвучной чайкой, наполненной водой, или пишет так: «люди сидели, застав дыхание, не шевелясь, как охотники в засаде на козлов» и т. д.

Но уже через год в другом очерке «Воин-разведчик», ³ посвященном одному из современников писателя, который испытал батрацкую долю, прошел огни гражданской войны и участвует в строительстве новой жизни, заметны значительные перемены в языке писателя. Само начало очерка «Наступил рассвет. Воды Аоката, всю ночь ударяясь о камни, как бы обессилев, бегут» — говорит о том, что это не обычное переложение какого-то события разговорным языком, характерное для очерков и рассказов этого периода. Пейзажные зарисовки, тесно переплетающиеся с описанными событиями, чувствами героев, — это совершенно новая манера повествования в алтайской литературе.

В 1933 году в областных газетах и отдельным изданием, ⁴ а в следующем году в переводе на русский язык ⁵ появился первый рассказ Кучияка «Железный конь». Работу над рассказом писатель не прекращает и после его опубликования, и впоследствии это произведение в новом переработанном варианте вошло во все сборники его произведений ⁶. Эта работа наглядно свидетельствует о том, как шаг за шагом крепнет писательское мастерство Кучияка. Основное содержание — судьба молодого алтайца, овладевшего профессией шофера, — осталась в том и другом варианте. В процессе работы над рассказом значительные изменения внесены в его композицию. Введены новые герои — русская девушка Нюся Чистякова, старик Иркут и другие, во взаимоотношениях с которыми глубже раскрывается характер героя. Устранена

¹ Фриц Кюн. «Ойротские впечатления заграничного коммуниста». Газ. «Ойротский край», 1927. 7 сент. № 68 (342), стр. 2.

² Слова А. Мальро приведены из доклада Н. Алексеева на литературной конференции писателей Зап. Сибири «Сибирские огни», 1936. № 3, стр. 106.

³ П. Кучияк. Шинжилеткен јуучыл. «Кызыл Ойрот» 1934. 14 декабря. № 129.

⁴ Кызыл Ойрот. 1933. 27 апр. № 24 (550). Красная Ойротия. 1933. 23 апр. № 44—45 (1037—1038). Пер. Н. Чевалков. «Темир јт». Ойрот-Туря 1933.

⁵ Сибирские огни. 1934. № 3, стр. 139—148. сб. «Молодой Алтай». Новосибирск, 1935.

⁶ П. Кучияк. «В родных долинах». Новосибирск, 1939; Избранные произведения, Горно-Алтайск. 1963 и др.

концовка первого варианта (митинг, речь Кичеемкея), написанная в декларативно-приподнятом стиле, в новом варианте рассказ заканчивается волнующей картиной: Кичеемкей возвращается в родное село на «железном коне» — автомобиле. В построении рассказа нет контрастного сопоставления прошлого и настоящего — этого излюбленного приема в произведениях тех лет. В рассказе отсутствует образ отца Кичеемкея, описание узких горных троп, по которым алтайцы на вьючных лошадях возили купеческие товары из Монголии и т. д. Но тем не менее из разговоров героев, из воспоминаний, из слов народных песен у читателя возникает целостное представление о дореволюционном Алтае. То есть, через мироощущение героев рассказа писатель подводит читателей к восприятию контраста двух эпох. Вот такое углубление идейно-художественных сторон произведения было уже значительным шагом в творчестве Кучиняка.

Начиная с 1933—1934 годов произведения Кучиняка переводят на русский язык, в частности его рассказ «Железный конь», поэму «Арбачи» и ряд стихов. В этом большая заслуга писателей-сибиряков, творческое общение с которыми оказало благотворное влияние на его литературную учебу.

В 1934 году Павел Кучиняк выступает с небольшим сообщением о национальной литературе алтайцев на Первом съезде советских писателей Западной Сибири. В этом же году Павлу Кучиняку была присуждена премия им. А. М. Горького, учрежденная Президиумом Западно-Сибирского крайисполкома в честь сорокалетия юбилея литературно-общественной деятельности великого пролетарского писателя.

Но самым значительным событием этого года, положившим начало нового этапа в творчестве Кучиняка, было его участие в работе Первого Всесоюзного съезда советских писателей. Трудно переоценить значение этого события в жизни писателя. Именно после съезда началась та огромная работа по сбору и публикации произведений фольклора своего народа, которая в творческой биографии писателя составляет большую главу о Кучиняке-фольклористе. «Он открыл перед нами сокровищницу народной мудрости. И если бы он сам даже не написал ни одной строчки, его имя и при этом осталось бы навсегда в истории развития культуры народов Алтая!»¹ Прекрасное знание народного фольклора, богатый жизненный опыт и творческое общение с русскими писателями явились основными факторами, способствовавшими формированию его писательского мастерства. Стихи и поэмы, рассказы и повести, главы из незаконченного автобиографического романа и пьесы Кучиняка, написанные после съезда и посвященные великим переменам в жизни бывших кочевников за годы советской власти, свидетельствуют о возмужании таланта крупного алтайского писателя.

Г. В. КОНДАКОВ

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗЯХ РУССКОЙ И АЛТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУР

Проблема взаимосвязей и идейно-эстетического взаимообогащения литератур народов СССР занимает одно из центральных мест в современном литературоведении. Качественно новые литературные процессы, характерные для нашего времени, обусловлены чрезвычайно быстрым экономическим и культурным развитием каждого народа после Великого Октября, «укреплением взаимного доверия и дружбы между ними», развитием «общих коммунистических черт их духовного облика»,¹ «усилением идейного единства наций и народностей, сближением их культур»²

Взаимосвязи писателей, пишущих на разных языках, взаимодействие и взаимообогащение литератур народов СССР — прекрасное свидетельство того, что культура каждого народа развивается на основе братского равноправия.

Октябрьская революция открыла широкую дорогу для творчества и духовного развития алтайского народа, имевшего в прошлом только зачатки письменности и литературы. В настоящее время в алтайской литературе работает большой отряд поэтов, прозаиков, драматургов, критиков. «Письменная литература алтайцев — детище советского строя, результат неустанных забот партии и правительства о развитии культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию»³.

Большое влияние на быстрое формирование и развитие современной алтайской литературы оказывала и оказывает русская классическая и особенно советская литература, лучшие образцы которой становятся достоянием алтайского народа.

Еще в дореволюционное время на алтайский язык были переведены некоторые басни И. А. Крылова, но только в советский период алтайский народ получил широкую возможность знакомиться с прекрасными созданиями русской литературы на родном языке. За это время были переведены книги А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, А. М. Горького, Н. А. Островского, М. А. Шолохова и многих других русских и советских писателей, ставшие органической частью алтайской культуры.

В свою очередь, алтайские писатели создают все больше книг, которые эстетически обогащают всесоюзного читателя и входят в сокрови-

¹ Материалы XXII съезда КПСС. Госполитиздат, 1961 г., стр. 406.

² Там же, стр. 407.

³ А. Л. Колтегов и С. С. Суразаев. Литература возрожденного народа — В антолог. гии «Алтайская литература» Горно-Алтайск, 1955, стр. 19.

вищину советской многонациональной культуры. Произведения выдающегося народного сказителя Н. У. Улагашева, талантливого писателя П. В. Кучияка получили всесоюзную известность.

К сожалению, проблема взаимосвязей русских и алтайских писателей, проблема взаимодействия и эстетического взаимообогащения русской и алтайской литератур недостаточно разработана. Этого вопроса частично касаются в своих критических работах литературоведы С. С. Суразаков,¹ Т. С. Тухтеев,² М. Д. Бочаров³ и др. Решение же данной проблемы представляет определенную теоретическую и практическую ценность.

Алтайская литература, являясь частью советской многонациональной литературы, имеет много общих черт в своем развитии, характерных для литератур других народов. Такие, например, вопросы, как взаимодействие фольклора и литературы, становление алтайской литературы на пути социалистического реализма, развитие тех или иных литературных жанров, взаимодействие с другими братскими литературами и многие другие проблемы присущи в той или иной степени всем братским литературам. В данной статье будут рассмотрены только некоторые вопросы из истории взаимосвязей русской и алтайской литератур.

Общие положения, касающиеся взаимодействия литератур народов СССР, разрабатывались в исследованиях К. Зелинского,⁴ Г. Ломидзе,⁵ М. Фетисова,⁶ М. Богдановой⁷ и других литературоведов. Но сейчас назрела необходимость рассмотрения конкретных творческих связей между русской и алтайской литературами, в которых находят в той или иной степени выражение основные тенденции, характеризующие развитие нашей многонациональной советской литературы.

Формы взаимодействия, идейно-творческого единения русских и алтайских писателей, формы эстетического взаимообогащения названных литератур могут быть самыми разнообразными. Наиболее плодотворными из них являются следующие: во-первых, взаимные переводы произведений; во-вторых, личные творческие связи и контакты писателей, участие в общих литературных мероприятиях; в-третьих, использование элементов фольклора и этнографии в целях идейно-эстетического обогащения произведения; в-четвертых, литературное влияние, обращение алтайских литераторов к богатому опыту русской литературы, творческое использование его в своей практике и т. д. Разумеется, что перечисленные пути взаимодействия алтайской и русской литератур не исчерпываются названными формами, которые находятся в тесном единстве и разрывать их ни в коем случае не следует. Кроме того, творческая связь между алтайской и русской литературами является процессом двусторонним, поэтому мы должны рассматривать ее как процесс взаимного влияния и эстетического взаимообогащения.

С. С. Суразаков, П. В. Кучияк. Горно-Алтайск, 1957; Его же, «Алтай литература», Горно-Алтайск, 1962 г.; «Сорок лет алтайской советской литературы», — Сб. «В братской семье народов СССР», Горно-Алтайск, 1962.

² Т. С. Тухтеев. Статьи о творчестве М. В. Чевалкова, М. В. Мундус-Эдокова, П. В. Кучияка и др. алтайских писателей в сб. «Алтай литература коренные статьи-лар», Горно-Алтайск, 1962.

³ М. Д. Бочаров. Маяковский и алтай поэзия. — Статья в сб. В. Маяковского «Мен-Советский Союзный гражданин», Горно-Алтайск, 1961.

⁴ К. Зелинский. «Литература народов СССР», М., ГИХЛ, 1957; Его же, «Проблемы стиля в социалистическом реализме», — Сб. «Социалистический реализм в литературах народов СССР», Изд. АН СССР, М., 1962.

⁵ Г. Ломидзе. «О социалистическом содержании и национальной форме литератур народов СССР», М., 1952 г.; «Единство и многообразие», СП, М., 1960; и др.

⁶ М. Фетисов. «Многонациональный характер советской литературы», М., 1959 и др.

⁷ М. Богданова. «Роль русской литературы» — Сб. «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур», Материалы дискуссии 11—15 января 1960 г., М., 1961 г., и др.

До Октябрьской революции у алтайского народа не было литературы в современном понимании, но все-таки уже в XIX веке представителями духовной миссии на Алтае был разработан первый алтайский алфавит. В связи с этим печатаются и первые книги на алтайском языке. Устное же народное творчество алтайцев, имевшее древнейшие традиции и историю, характеризовалось наличием «всех жанров фольклора, богатейшего алтайского героического эпоса, развитой мифологии»¹. Следует отметить, что фольклорные традиции оказывают свое благотворное воздействие на развитие алтайской литературы и по сей день.

Еще в XIX веке возникают зачатки алтайской письменной литературы. Первым ее представителем был писатель Михаил Васильевич Чевалков (1817—1901), автор нравственно-поучительных статей, стихов и басен. Некоторые из его произведений издавались и в дореволюционное время: «Поучительные статьи на алтайском языке»², «Поучительные статьи в стихах и прозе на алтайском языке»³, «Памятное завещание» («Ундылбас керес») и др. В 1958 году в Горно-Алтайске опубликована его книга «Улгерлер ле баснялар» («Стихи и басни»), состоящая из разделов, характеризующих направление литературного творчества писателя: 1) «Стихи и басни» («Улгерлер ле баснялар»), 2) «Поучительные стихи» («Уткаа сөстөр»), 3) «Переводы с русского языка» («Орус тилден көчүргени»). М. В. Чевалков, будучи миссионером-священником, не мог в своих произведениях подняться до значительных социальных обобщений и ограничивался в основном просветительскими и нравственно-поучительными целями.

Но работа первого алтайского писателя для нас интересна в том отношении, что на примере творчества М. В. Чевалкова мы можем говорить об истоках взаимодействия русской и алтайской литератур. В своей творческой деятельности алтайский просветитель опирался на такие источники, как произведения устного народного творчества алтайцев и лучшие образцы русской классической литературы. Хорошее знание русского и алтайского языков позволило ему использовать в полной мере и то и другое.

Произведения выдающегося русского баснописца И. А. Крылова впервые появились на алтайском языке в переводах Чевалкова. Таким образом, И. А. Крылов был первым представителем великой русской литературы, произведения которого стали достоянием алтайского народа. Чевалков перевел такие басни замечательного русского поэта, как «Петух и жемчужное зерно» («Потук баалу жемчуг тапкани») ⁴, «Стрекоза и Муравей» («Апсан ла Чымалы»), «Лебедь, Рак и Щука» («Куу, Чортон, Рак»), «Лисица и Ворона» («Тулкү ле Карга»), «Крестьянин и батрак» («Јалчылу Апышпак»), «Кот и Щука» («Чортон ло Мый») и др.

Работа М. В. Чевалкова над переводами басен И. А. Крылова была плодотворной для дальнейшей его писательской деятельности. Дело в том, что русский писатель оказал большое идейно-художественное влияние на алтайского просветителя. По образцу крыловских басен М. В. Чевалков создает свои оригинальные произведения.

С. Суразаков, отмечая, что М. В. Чевалкову особенно близок был великий русский баснописец И. А. Крылов, обращает внимание и на такую сторону литературной деятельности алтайского просветителя: «Он является первым писателем, открывшим путь литературному твор-

¹ И. А. Баскаков. Алтайский фольклор и литература Горно-Алтайск, 1948 г., стр. 8.

² Казань, 1872.

³ Казань, 1881.

⁴ «Православный благовестник», 1894. № 5, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 21.

⁵ Название басен приводятся в той последовательности, в какой они даны в книге М. В. Чевалкова «Улгерлер ле баснялар».

честву на алтайском языке. Чевалков в своем творчестве учился у алтайской устной поэзии и русской классической литературы. Русская литература обогатила палитру Чевалкова новыми жанрами (басня, дидактическая статья), новыми красками, помогла ему приблизиться к критическому реализму.¹

Назвать М. В. Чевалкова представителем критического реализма было бы неправомерно. Отдельные же элементы критицизма, безусловно, характерны для его творчества, наиболее ярко они проявились в таких его произведениях, как «Звери Алтая» («Алтайдыг эгдары»), «Бедняк Номон и бай Сагыскан» («Окту Номон до бай Сагыскан»), в которых четко выражена социальная направленность. В первой басне М. В. Чевалков убедительно показывает, что алтайский народ делится на два социальных слоя: богатых и бедных. Хотя он и прибегает в этом произведении к эзоповскому языку, но речевые характеристики персонажей сразу же обнаруживают истинные намерения автора. Медведь (айу) у него «зайсан»,² волк (бору), — «темичи»,³ лисица (тулку) — «албанчи»,⁴ и автор не затуманивает их кровавожадных устремлений.

Социальное деление алтайского народа более резко изображено во второй басне. Об этом говорит уже ее название: «Бедняк Номон и бай Сагыскан». Богатый Сагыскан притесняет бедняка Номона, обманывает его, и Номону некому пожаловаться, ибо все: зайсан, темичи, судья — на стороне богатого человека. М. В. Чевалков, сочувственно изображая тяжелое положение простого человека, не мог указать на выход из заколдованного круга несправедливости в силу ограниченности своего мировоззрения.

Но творчество М. В. Чевалкова представляет определенный интерес: во-первых, писатель познакомил алтайский народ с произведениями классиков русской литературы, в частности И. А. Крылова; во-вторых, под влиянием великого русского баснописца он создает свои оригинальные басни, с тематикой, художественным решением, близким басням Крылова. В этом отношении ярким примером является басня М. В. Чевалкова «Бабочка и Пчела» («Коболок до Адару»), которая по своей форме, по своему содержанию близка басне И. А. Крылова «Стрекоза и Муравей».

Характерной особенностью литературной работы первого алтайского писателя является и то, что он был связан с такими крупными учеными, занимавшимися изучением алтайского фольклора, как В. И. Вербицкий («Алтайские народцы», М., 1893), академик В. В. Радлов («Образцы народной литературы тюркских племен Южной Сибири», т. 1, СПб., 1866). Алтайский просветитель помогал ученым собирать произведения устно-поэтического творчества алтайцев. Так, многие легенды, сказки, песни, поговорки и пословицы, опубликованные в «Образцах народной литературы тюркских племен», были переданы В. В. Радлову М. В. Чевалковым. Этот факт ценен тем, что он является первым свидетельством русско-алтайских литературных связей.

Национальная политика царского правительства была направлена на то, чтобы посеять вражду и рознь между народами, чтобы затормозить их культурное и экономическое развитие. Но несмотря на это, передовые представители русской культуры были горячими поборниками дружбы и братства между людьми всех наций. А. С. Пушкин мечтал о том времени, «когда народы, распри позабыв, в единую семью соеди-

¹ «Алтай литература». Горно-Алтайск, 1962, стр. 36.

² Зайсан — князек, старшина.

³ Темичи — феодальный чиновник, подчиняющийся зайсану.

⁴ Албанчи — сборщик податей.

⁵ Алтай литература керегинде статьялар. Горно-Алтайск, 1962, стр. 10.

нится». Идеи дружбы между народами волновали В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова.

По зову сердца многие русские писатели изображали в своих произведениях жизнь алтайского народа. Наиболее яркое отражение эта тема в дореволюционное время нашла в творчестве Н. Наумова, Вл. Бахметьева, Г. Вяткина, В. Шишкова и других. Эти художники слова внесли свой достойный вклад в дело единения русского и алтайского народов.

Русские писатели, создавая произведения о других народах, часто эстетически обогащали свои книги за счет фольклора, этнографии, за счет отдельных элементов культуры изображаемых народов. Это является одной из активных форм эстетического обогащения русской литературы.

В русской литературе накоплен богатый опыт, существуют давние традиции в этом вопросе. Произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, А. М. Горького эстетически обогащались за счет фольклора и отдельных элементов культуры других народов. Это нашло свое решение и в творчестве Н. Наумова, Вл. Бахметьева, Г. Гребенщикова, В. Шишкова.

Хочется кратко охарактеризовать очерк популярного в свое время писателя-народника Николая Ивановича Наумова (1838—1901). О нем Г. В. Плеханов писал в 1897 году: «В семидесятых годах Н. И. Наумов пользовался огромной популярностью в самых передовых слоях нашей народнической интеллигенции. Его произведениями зачитывались¹. Плеханов высоко оценивает и очерк «Горная идиллия», написанный в 1880 году и посвященный Горному Алтаю, отмечая гуманное отношение автора к малым народам.

В своем очерке Н. И. Наумов, чтобы подчеркнуть тяжелое положение алтайского народа, страдавшего в прошлом от набегов джунгаров, задавленного тяжелой нуждой, угнетенного русскими чиновниками, купцами и местными кулаками, использует выразительную песню о прошлом Алтая: «С высоты если смотреть, треуголен ты, царь Алтай! Если смотреть сбоку, девятиуголен ты, царь Алтай! По скату гор если смотреть, как плеть хребет твой, царь Алтай! По осеннему жилищу своему, как бурое сукно, разостлался ты, царь Алтай! Жалко тебя, сердечный ты мой Алтай! Много крови пролилось в тебе!».

Пропадай ты, сосна с мерзлыми сучьями, не доживай до такого разорения! Величия полный, мой Алтай, горе тебе от такого опустошения! Пропадай ты, сосна с сухими ветвями, если будут тебя еще обламывать!.. Хорошо ты был устроен, мой Алтай! Горе тебе от такого опустошения!»².

Но эта песня, полная тоски и печальной любви к родной, разоряемой земле, обращена была не только к тем далеким временам, когда Алтай подвергался набегам соседних, более сильных племен, но и к настоящему для автора времени. Эту связь с современным положением жителей гор Н. И. Наумов усиливает словами: «Много лет прошло с тех пор, как дилкий бард сложил эту песню, выражающую такую жгучую тоску об опустошении и разорении устроенной жизни в горах Алтая, полных царственного величия, а между тем эта песня и теперь применима к нему»³.

Народная песня, введенная Н. И. Наумовым в очерк, сама по себе имеет эстетическую ценность, но когда она используется как сред-

¹ Сб. статей В. Г. Плеханова «Литература и эстетика» т. 2, ГИХЛ, 1958, стр. 319.

² «Алтай в художественной литературе» Барнаул, 1951, стр. 96—97.

³ Там же, стр. 97.

ство усиления идейного содержания, то ее эмоциональное воздействие на читателя возрастает.

Исключительно своеобразно использование алтайского фольклора в очерках Вл. Бахметьева о Горном Алтае, которые публиковались в «Ежемесячном журнале»¹, «Сибирском студенте»² и других изданиях. Основная направленность их — в стремлении найти ключ к сердцу другого народа, понять его мысли и чаяния, найти ответ на вопрос: когда же измученные страданиями жители гор встанут на путь борьбы за свою независимость. Алтай Вл. Бахметьева интересовал не как экзотическая страна, где природа щедро рассыпала свои краски. Нет, на Алтае его волновало положение коренных жителей гор — алтайцев. Среди них он нашел настоящих друзей, а о народе рассказывает, как о друге, стремясь этими произведениями обратить внимание прогрессивной общественности на притеснения, которым подвергались алтайцы со стороны местных и приезжих богатеев.

Писатель-большевик пишет об этом времени: «В горах Алтая побывал я не однажды, ведя там при содействии местной молодежи агитацию против буржуазно-царского строя, превратившего малые народности в «тюрьму народов». Мне представлялось, что наша работа «восточных окраин» (определение алтайцев) может содействовать возникновению национально-освободительного движения... Однако только с установлением советской власти в Ойротской автономной области алтай-кижи стал хозяином своей судьбы, а до этого в горах Алтая происходило то тяжкое, мрачное, что было передано в моих этюдах «На земле», «У последней воды...»³.

Вл. Бахметьев, видя несчастье и горе алтайского народа, стремится найти ту силу, тех людей, которые бы могли возглавить национально-освободительную борьбу в горах Алтая. Только однажды автору удалось увидеть огонь веры и светлое будущее в глазах проводника-алтайца Улаа. «Только раз, только в одном из них увидел я то, что искал. Но это было мимолетно. Будто неожиданная зарница вспыхнула, разорвала полог ночи и на одно мгновение у ног путника осветила черный скалистый провал»⁴.

Писатель в своих произведениях в противоположность Н. И. Наумову рассказывает не только о страданиях и несчастьях алтайского народа, вытесненного к «последней воде» русским «алчным хищником», но и о проблесках национального самосознания, необходимости борьбы, вере в будущее.

В связи с этими идейными задачами алтайский фольклор в очерках Вл. Бахметьева выполняет следующие художественные функции.

Во-первых, он используется как средство характеристики местного действия, как средство создания национального колорита. Обычно в таком случае автор приводит целые предания, легенды, которые в смысле слова и художественном отношении вполне закончены. Вот одна из легенд, сложенная алтайскими певцами и использованная автором в очерке «На Черемуховом ключе», сразу же вводящая читателя в свое образную обстановку, присущую только Горному Алтаю, «Жил давным-давно в верховьях Чарыша князь алтайский. Зовут его просто зайсаном великим. Было время, когда имя его произносилось с восторгом по Чарышу и по Катунь, и у белоглавого престола Алтая, и по всему Джунгарскому царству.

Одну из дочерей вождя джунгарского взял себе в жены князь. Глаза ее — косули горящей, косы ее, как водопад, простертый со скал. Полю-

¹ «Ежемесячный журнал», 1916. №№ 9—10, 11.

² «Сибирский студент», 1916, № 5.

³ Вл. Бахметьев. От зари до зари. — В книге «Советские писатели». М., т. 1, 1959, стр. 119.

⁴ Ежемесячный журнал, 1916. № 11, стр. 78.

бить ее — так на всю уж жизнь! Но безрассуден был в гневе и решимости князь алтайский, не пощадил он красавицу — казнил... Голову ее отцу послал: мстил отцу за измену дочери. Тогда собрал свое войско вождь джунгарский и двинулся на Алтай, и бежал князь к князю Чарыша, и засел у Черемухового ключа, на неприступной вершине горы Юрты, в пещере, и там погиб без воды и пищи со своими людьми».

Во-вторых, алтайский фольклор как бы растворяется в художественный ткань очерков, придавая им особую прелесть и выразительность. Каждая фраза очерков наполнена ароматом благодатной земли гор, она расцвечена словами-самоцветами, ей свойствен лад алтайских легенд и песен. Очерк «Джала» — это сочный, брызжащий свежестью рассказ о юноше-алтайце. Язык очерка характеризуется особым ритмом, интонацией, выразительностью, характерной алтайской поэзии. Джала скачет на своем коне по долине и поет «о своей девушке, у которой глаза, как звезды, и зубы похожи на белых ягнят, лепящихся тесно друг к дружке по скалам»¹.

Вл. Бахметьев щедро использует разнообразные художественные тропы: эпитеты, метафоры, сравнения и т. д. Особенно много в очерках метафор и сравнений, они характерны для алтайской народной речи и поэзии. Эту языковую особенность хорошо понял писатель, и она помогла ему правдиво, реалистически показать быт и жизнь алтайского народа. Большинство его сравнений локально. Вот примеры: «Радугой горели, с разбегу бросаясь в ущелья, водопады, белогривые, прохочущие, в ярости своей похожие на подстреленных медведиц»; «Изгибы бурной Катунь сверкали тысячами скрещенных стальных лезвий» («Алтай»); «Как стая встревоженных птиц, не смея бросить крика, кружились годами алтайцы в своих анлах, не зная спасения» («Тетон»); «...человеческий волея, как черная птица, вцепился в мою душу» («В глухую полночь») и т. д.

Эти художественные особенности алтайских очерков Вл. Бахметьева отмечались многими критиками. Так, Кондратий Урманов, говоря о раннем творчестве Вл. Бахметьева, подчеркивает его близость В. Шишкову. Особое внимание Урманов обращает на язык его ранних произведений: «Язык рассказов Бахметьева простой, неподдельный и в то же время красочный. Зная прекрасно быт и фольклор Сибири, автор как бы живой кровью наполняет свои произведения»².

Алтайские очерки Вл. Бахметьева отличаются не только свежестью и сочностью красок, но и богатым содержанием. Это были не просто путевые заметки, они освещены ярким светом больших мыслей и чувств, связанных с судьбой малого народа.

Если Н. Наумов, Вл. Бахметьев специально не изучали алтайский фольклор, то замечательный советский писатель В. Шишков, неоднократно бывавший в горах голубого Алтая, уже занимался сбором произведений устного народного творчества алтайцев. Эту интересную и увлекательную работу по сбору фольклора он начал под влиянием Г. Н. Потанина, прекрасного знатока быта и нравов алтайского народа. Об этом свидетельствуют письма В. Я. Шишкова, адресованные известному сибирскому ученому. Они раскрывают перед читателем новые страницы из жизни и работы писателя в Горном Алтае.³ Вот как оценивают значение этих писем литературоведы Н. Ф. Бабушкин и Я. Р. Кошелев, подготовившие их к публикации: «Материалы новых, ранее не опубликованных писем, безусловно, обогащают наши представления о жизненном и творческом пути писателя. Эти письма в

¹ Сибирский студент 1916. № 5, стр. 14.

² «Сибирские огни», 1924 г., № 3, стр. 222.

³ «Алтай», 1957. № 10. «Сибирские огни», 1959. № 2 и др.

полном своем виде помогут полнее охарактеризовать общественно-политические и идейно-художественные воззрения В. Я. Шишкова. Кроме того, они имеют значение и для других таких наук, как этнография и фольклористика, ибо сам Шишков выступает в них в качестве талантливого знатока быта, нравов, обычаев и устного творчества не только русского, но и других народов Сибири¹.

В. Шишков в Горный Алтай приезжал в 1910 году² с экспедицией, исследовавшей русло реки Быт от ее истоков до слияния с Катунью. Эта поездка дала богатейший материал писателю по этнографии и фольклору, что нашло отражение в таких его произведениях, как путевой этюд «Любителям красы и природы» (1910), очерк «На Быте» (1914), рассказ «Ванька Хлюк» (1914).

Не менее плодотворны были поездки В. Шишкова по служебным делам на Алтай в 1913 и 1914 годах, связанные с исследованием и улучшением Чуйского тракта, который был в то время главным средством связи России с Монголией. Эта работа дала писателю новый жизненный материал, его записные книжки обогатились новыми фольклорными произведениями алтайцев. В результате поездки были созданы очерки «По Чуйскому тракту» (1913), рассказы «Чуйские были» (1913), повести «Странный кам» (1919), «Алые сутробы» (1925) и др.

Особенно большой интерес представляют очерки «По Чуйскому тракту», печатавшиеся в дореволюционной газете «Сибирская жизнь», на которые многие исследователи творчества В. Шишкова не обращали серьезного внимания, хотя в них много фактов, характеризующих деятельность В. Шишкова с новой стороны, а именно: четыре легенды, четыре песни, записанные писателем в различных районах Горного Алтая.

Некоторые легенды, записанные В. Шишковым, бытуют до сих пор среди алтайского народа. Такова легенда про Теньгинское озеро, опубликованная в очерке «Семицкий перевал — Кеньга»³. Характерно, что в отдельных легендах писатель стремится передать особенности речи рассказчика. В этом отношении интересна легенда о камне: «В теперешние времена, когда белой березы на свете не было, проважал этим местом сильный богатырь. Ему нужно было на Чую попасть, а брода не знал. Поехал без брода, а река глубокая да быстрая: конь чуть не захлебнулся. Однако выплыл, лишь потник, что у коня под седлом, подмочил. Надо потник высушить. Огляделся богатырь кругом — ни одного кустика: ровная степь среди гор, потник повесить для просушки не на что. Залез тогда богатырь на гору, выворотил каменище, да как хватит с горы! Как гвоздь, камень вторгнулся, на сажень камня в землю ушел. Вот этот самый и есть. Так старики рассказывают»⁴.

Выражения и слова: «в теперешние времена», «белой березы на свете не было», «как хватит с горы», «так старики рассказывают» — характеризуют особенности речи проводника, повествовавшего эту легенду. Рассказчик, видя в слушателе интеллигентного человека, указывает даже на назначение потника, предполагая, что слушателю неизвестно это слово. Этот рассказ проводника переключается с легендой о знаменитом алтайском богатыре Сартакпае.

Факты, характеризующие писателя как собирателя алтайского фольклора, позволяют по-новому рассматривать и его произведения, посвященные алтайскому народу. Поэтому неслучайно многие исследователи говорили о сказовом характере «Чуйских былей». Арсенал художественных средств этих рассказов был эстетически обогащен за счет

¹ «Ученые записки», ТГПИ, Томск, 1958, т. 17, стр. 354.

² Впервые В. Шишков на Алтай приезжал в 1909 году. Был на Телецком озере.

³ «Сибирская жизнь», 1913, № 198.

⁴ «Сибирская жизнь», 1913, № 243.

использования алтайского фольклора. В свою очередь «Чуйские были» стали достоянием алтайской культуры, они переведены на алтайский язык¹.

Так, в «Чуйских былях» В. Шишков рассказывает о рождении священной реки Чуи, и это передано в форме легенды. Писатель стремится сохранить ритм, мелодику фразы, отдельные лексические средства, присущие алтайским легендам. Вот эта легенда: «Вся степь во времена минувшие до самых горных маковок была водой залита века веков плескалось здесь озеро голубой волной. И стерегли это озеро каменные вязыли, Чуйские Альпы, богатыри алтайские, плечо в плечо стояли каменной стеной.

Но не удвоили, не усмотрели, обмануло их озеро, ублакала их забуй-волна, уснули крепко. А вода прорвала себе ход, проточила горы и хлынула.

Гул пошел по Алтаю, земли затряслась, осыпались камни. Широко вскинул хлещет, опрокидывает скалы, прохочет и стоит и мчитя вдалека речешным потоком.

Это Чуя, рожденная в снегах, торами плененная, вырвалась на волю и понеслась меж расступившихся в страхе алтайских гор.

А озеро обсохло, и дно его превратилось в песчаную Чуйскую степь.

Так стародавняя быль говорит»².

Животность, высокая образительность, частое использование универсального порядка слов, гиперболизация — все это характерно не только для алтайского, но и русского фольклора, и все это в рассказах образует своеобразный художественный сплав, придающий созданным картинам особый аромат и колорит.

Если Н. Наумов использовал алтайский фольклор с целью углубления в основном идейного содержания своего произведения, то устное народное творчество алтайцев в произведениях В. Шишкова, выполняя те же функции, оказало большое влияние на эстетическую систему образов писателя, что особенно ярко проявилось в «Чуйских былях».

Большой фольклорный и этнографический материал, собранный В. Шишковым во время работы в Горном Алтае, помог ему создать яркие и своеобразные в художественном отношении произведения. Но на переднем плане у него не «этнографические особенности разноплеменного нашего народа», а «человек, его душевные переживания, его страдания и радости»³.

Многие факты обращения крупных русских писателей к изображению жизни алтайского народа в дореволюционный период позволяют нам сделать такой принципиальный вывод: русские художники слова обогащали свои произведения об Алтае за счет этнонационального материала. Например, алтайский фольклор в их произведениях выполняет различные идейно-эстетические функции: служит средством создания национального колорита, средством типизации, помогает раскрывать характер героев и т. д. Кроме того, в это время устанавливаются культурные связи В. Шишкова, Вл. Бахметьева, Г. Вяткина, Г. Гребенщикова и др. с представителями алтайской интеллигенции — художником Г. И. Гуркиным, фольклористом Н. Я. Никифоровым, которые занимались собиранием, литературной обработкой и переводом произведений поэтического творчества алтайцев. Так, Г. И. Гуркин оказал большую помощь В. Шишкову в освоении духовных богатств алтайского народа.

¹ В. Шишков. Чуйда болгов керектер. Горно-Алтайск, 1960.

² В. Шишков. Собрание сочинений. Т. I. ГИХЛ, 1960, стр. 242.

³ Вл. Бахметьев. Вячеслав Шишков. М., 1947, стр. 144—145.

Процесс взаимодействия между русской и алтайской литературами активизируется в годы советской власти. Только Великий Октябрь расчистил путь для перехода алтайского народа от патриархальщины и феодализма к социализму, путь для развития алтайской литературы. В июне 1922 года была образована Горно-Алтайская (Ойротская) автономная область. В 1923 году на алтайском языке начинает выходить газета «Ойротский край» («Ойроттинг жери»). В 1925 году в Улале¹ организуется книжное издательство, выпускающее как переводную, так и оригинальную литературу. В двадцатые годы активно занимаются литературно-творческой работой М. Муидус-Эдоков, П. Чагат-Строев, П. Кучиняк, Ч. Чунижеков и др.

Именно в советский период возникают новые формы взаимосвязей между русской и алтайской литературами. Широко практикуются взаимопереводы, личные контакты между русскими и алтайскими писателями, совместная работа над отдельными произведениями и т. д.

В советское время продолжает писать об алтайском народе В. Шишков, создают произведения на алтайскую тему Вс. Иванов, Г. Пушкарев, В. Итин, И. Ершнин, А. Караваева, Вл. Зазубрин, Е. Пермитин, А. Контелов, Н. Мухачев, М. Шагинян, И. Ефремов, А. Смердов, В. Гжицкий, К. Лисовский, Е. Стюарт, В. Непомнящих, Л. Вороникова, И. Глобин, Н. Дворцов, С. Залыгин, К. Козлов, А. Демченко и многие другие. Все эти писатели использовали в своих произведениях алтайский фольклор.

Говоря о взаимосвязях литератур в советский период, мы хотим остановиться на творчестве двух талантливых писателей — П. Кучиняка (1897—1943) и А. Контелова, ибо их творческий опыт является поучительным во всех отношениях и характерным для этих литератур.

«Только в условиях творческого взаимообогащения оказалось возможным становление в короткие сроки профессионально-развитых, многожанровых литератур у народов и народностей, лишенных в прошлом письменности и воплотивших свои переживания, думы, чаяния исключительно в фольклоре»² Эти слова известного литературоведа М. И. Фетисова можно с полным правом отнести и к алтайской литературе, выдвинувшей из своих рядов талантливого писателя П. В. Кучиняка, произведения которого получили всеобщую известность.

Творчество П. В. Кучиняка богато и разнообразно. Он внес значительный вклад в разработку таких литературных жанров, как лирическое стихотворение, поэма, очерк, рассказ, повесть (писатель начал работу над романом «Адыйок», но написал только несколько глав), драма. П. В. Кучиняк много и кропотливо работал над изучением устного народного творчества алтайцев.

П. В. Кучиняк, говоря об истоках своего творчества, подчеркивал, что его «в литературу ввело устное народное творчество, а на ноги поставили лучшие образцы русской советской литературы»³.

В духе алтайского фольклора написана П. В. Кучиняком совместно со сказителем Табы Юдаковым прекрасная поэма-легенда «Зажглась золотая заря». Легенда была опубликована в антологии «Творчество народов СССР» в 1937 году.

В поэме часто используется прием гиперболизации, характерный для устной поэзии алтайцев, особенно для героических сказаний. Вот образ богатыря, который предстал перед бедным Анчи:

¹ Так раньше назывался Горно-Алтайск.

² П. И. Фетисов. Многонациональный характер советской литературы.—В сб. «Социалистический реализм в литературах народов СССР» Академия наук СССР, М., 1962, стр. 62.

³ А. Л. Контелов. Литература народов Сибири. Новосибирск, 1948, стр. 19.

Его брови—подобие горных хребтов!
Его очи горят ослепительным пламенем!
Мир, казалось, весь встать немедля готов
Под его алым знаменем.
В его правой руке блещет солнечный луч,
В левой — лунный. Он добр и могуч.
Он сказал, и слова, точно гром, промучали
Над горами, лесами, извилами рек...

Несмотря на отдельные сказочные элементы, поэма «Зажглась золотая заря» является реалистическим произведением. Например, страдания Анчи, притесняемого байми, описаны в реалистической манере:

Так остался Анчи без последней короны,
Так остался Анчи без коня.
И, как ствол оголенный, лишенный ветвей,
Через неделю остался Анчи без детей

В связи с этим интересно такое замечание А. Коптелова: «Успех поэмы П. Кучиняка и Т. Юдакова «Зажглась золотая заря» тем и обусловлен, что они, испытывая на себе определенное влияние старого алтайского эпоса, русской классической поэзии и особенно советской поэзии, сумели творчески переплавить все это в горниле своего мастерства и создать монолитное, сильное, волнующее произведение».¹

П. В. Кучиняк не только использовал отдельные фольклорные мотивы в своих стихах, рассказах, но и записывал от певцов и сказителей их произведения и опубликовал несколько книжек: «Алтайские сказки» («Алтай чорчоктор», 1937), «Сказки Алтая» («Алтайдын чорчоктору», 1937), «Темир Сапаа» (1940), «Алтын-Тууди» (1941) и др. Особенно большое влияние в этом отношении оказал на алтайского писателя А. М. Горький, который говорил на Первом съезде писателей, обращаясь к представителям национальных республик и автономных областей: «...начало искусства слова — в фольклоре. Собирайте ваш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его. Он очень много дает материала и вам, и нам, поэтам и прозаикам Союза. Чем лучше мы будем знать прошлое, тем легче, тем более глубоко и радостно поймем великое значение творимого нами настоящего».² Эти слова великого пролетарского писателя были выслушаны П. В. Кучиняком с большим волнением и радостью. Сразу же, вернувшись со съезда, он приступает к сбору фольклора.

Потом П. В. Кучиняк скажет о себе: «Я учился писать у народа».³ Но несмотря на то, что устное народное творчество питало первые всходы письменной литературы, оно все же остается «первой ступенью на большой лестнице новой поэзии».⁴ Имея под ногами твердую национальную почву, опираясь на вековые традиции алтайского фольклора, П. В. Кучиняк только «благодаря глубокому знакомству с русской литературой, стал новатором в алтайской литературе»,⁵ помог ей встать на дорогу социалистического реализма.

Многие исследователи алтайского фольклора отмечали, что устная народная поэзия характеризовалась преобладанием эпического повествования над лирическим. Это замечание справедливо. Но оно не означало, что у алтайцев не было лирических произведений. Еще в XIX ве-

¹ Литература народов Сибири. Новосибирск, 1948, стр. 18.

² Заключительная речь на Первом Всесоюзном съезде советских писателей 1 сентября 1934 года — Сб. «О литературе». Сп. М., 1953, стр. 729.

³ В брошюре С. С. Суразакова «П. В. Кучиняк». Горно-Алтайск, 1957, стр. 17.

⁴ А. Коптелов. Литература народов Сибири, стр. 18.

⁵ С. С. Суразаков, 40 лет алтайской советской литературе. — В сб. «В братской семье народов СССР». Горно-Алтайск, 1962, стр. 70—71.

ке Владимир Зотов в книге «История всемирной литературы в общих очерках, биографиях, характеристиках и образах» (том. I, С-Петербург, 1877, стр. 680) отмечал, что у жителей Алтайских гор есть и лирическая струя в поэзии. Он приводит несколько примеров. Вот один из них:

Как полевой опещетник,
Весной горит мое сердце,
Как птица, пролетающая весной,
Стремится в ней мое сердце,
Как огонь осенью,
Горит мое сердце,
Как птица, пролетающая осенью,
Печально мое сердце.

Но этот распространенный в алтайской лирической поэзии параллелизм порою сковывал поэта, стремящегося говорить о чувствах и мыслях современного человека. Поэтому П. В. Кучияку, чтобы найти новые художественные средства для выражения социалистического содержания, приходилось прибегать к опыту русской классической и советской поэзии, смело вводить новые сравнения, метафоры, эпитеты, переосмысливать традиционные фольклорные образы.

Очень тонкое замечание сделал по этому поводу А. Колтелов: «Однако одних национальных традиций недостаточно для творческого роста. Даже самые надежные часы нуждаются в искрке времени. Первым это почувствовал Павел Кучияк. Свое великолепное стихотворение «Катушь» он начал традиционной песенной строкой: «Если с берега на тебя взгляну...». Эта форма в следующей строфе требовала повторения, примерно такого: «Если с высокой горы на тебя взгляну...». Но вдумчивый поэт, на первых порах многому научившийся у фольклора, удержал себя от традиционного повторения, — он почувствовал, что слепое повторение старому эпоху ограничило бы его, отозвалось бы судорогой в крыле его мысли. И он, избежав старомодности, стал набрасывать широкую картину. Свободный полет мысли помог ему отыскать отличные поэтические образы: «Шум твой — вечные споры с камнями», «Ты приходишь на белое пламя» и т. д.

Павел Васильевич вовремя понял, что его часы нуждаются в сверке с боем курантов Спасской башни Московского Кремля. Быстрому творческому росту поэта способствовало знакомство с русской поэзией. П. В. Кучияк сам отмечал, что слагать стихи его учили не только сказители, но и Пушкин. Мы с полным основанием можем добавить к этому имена других русских классиков и советских поэтов...¹

Исключительно огромное влияние на дальнейшее развитие мировой и советской поэзии оказал талантливый поэт эпохи социализма В. В. Маяковский. Поэты братских литератур: Самед Вургун, Мирзо Турсунзаде, Расул Гамзатов, Павло Тычина и многие другие прекрасные певцы нашего времени — считают Маяковского своим духовным отцом и учителем. Традиции Маяковского живут и в алтайской поэзии.

Большую роль в развитии алтайской поэзии сыграли поэты-сибиряки. Так, П. В. Кучияк был связан дружескими узами со многими сибирскими поэтами, которые переводили произведения своего алтайского друга. Это Илья Мухачев, Александр Смердов, Василий Непомнящих, Елизавета Стюарт, в творчестве которых было много интересного и поучительного для певца Горного Алтая. Дружба с этими поэтами, творческая взаимопомощь, беседы о тайнах поэтического искусства — все

¹ А. Колтелов. Поэты Горного Алтая. — В сб. «Песни голубых долин». Горно-Алтайск, 1963, стр. 25.

ито обогащало П. В. Кучника, помогало ему находить новые краски для яркого изображения великих изменений, происходящих из родной земли.

Следовательно, П. В. Кучник стал новатором и алтайской поэзии не случайно. Это обусловлено тем, что, опираясь на традиции родного фольклора, он умно использовал лучшие достижения советской поэзии в своем творчестве, он смело вводил в свои стихи не только новые темы, но и дерзкие и в то же время самобытные образы, которые как бы рождала сама алтайская действительность, сама жизнь. Поистинному новаторскими для алтайской поэзии можно считать такие стихи поэта, как «Алтай», «Чемал», «Камни поют», «Катушь» и другие. Он создал прекрасные образцы национальных лирических стихотворений.

Много нового, свежего внес П. В. Кучник и в алтайскую драматургию. До него в алтайской литературе существовало несколько пьес, написанных М. В. Мундус-Эдоковым «под благотворным влиянием русской драматургии».¹ Но алтайская драматургия получила свое развитие в творчестве П. В. Кучника, который является автором таких пьес, как «Борьба», «Петля», «Ямы», «Неожиданная встреча», «Враги в капкане» и др. Но особенно значительным драматическим произведением П. В. Кучника является драма «Чейнеш».

П. В. Кучник и в области драматургии стремился найти такую художественную форму, которая бы помогла более глубоко изобразить жизнь и соответствовала бы жизни и психологии алтайского народа. В этих поисках многое дала ему русская и советская драматургия, отличающаяся глубиной постановки социальных проблем, остротой конфликтов. Как раз все эти качества и присущи драме «Чейнеш». Но и ней в то же время создана исключительно самобытная картина периода гражданской войны в Горном Алтае, характеризующаяся глубоким проникновением в жизнь и быт алтайского народа. Алтайские народные песни, народные мелодии придают пьесе неповторимый колорит, делают ее произведением именно алтайского народа.

Когда пьеса П. В. Кучника «Чейнеш» получила высокую оценку на краевом смотре в Барнауле и была рекомендована для показа в Москве, ее автор писал А. Коптелову в письме от 7 июня 1937 года: «Я хочу часть благодарности передать моим новосибирским товарищам-писателям, в первую очередь Вам, ибо мои таланты в первую очередь Вами открыты. Вы мне помогли и очень много дали советов»². Это письмо — прекрасное свидетельство того, что П. В. Кучник хорошо понимал роль и значение в развитии его таланта русских писателей и в частности автора «Великого кочевья».

С полным правом мы можем назвать П. В. Кучника первооткрывателем художественной прозы для своего народа. И в этой области он достиг прекрасных результатов. Такая разносторонность литературных интересов алтайского писателя объяснялась одаренностью и тем, что в Горном Алтае были созданы все предпосылки для создания и развития прозы. П. В. Кучник был знаком с гениальными произведениями русской классики, встречался не раз с выдающимися писателями-современниками, был в курсе всех литературных событий, происходящих в стране Советов.

Лучший знаток творчества П. В. Кучника, А. Коптелов об этой стороне деятельности алтайского беллетриста писал: «Он учился у рус-

¹ С. С. Суразаков. 40 лет алтайской советской литературе — «В братской семье народов СССР». Горно-Алтайск. 1962, стр. 68.

² Личный архив писателя А. Л. Коптелова.

ских классиков. Первыми повестями, прочитанными им, были «Синюший смотритель» и «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. Пушкиным — М. Горький. Из современников: Н. Островский, А. Дев, М. Шолохов.

Культурное влияние шло с запада и севера, от передового русского народа, из Москвы, из Новосибирска и других больших городов, из смежных русских сел. В юности Кучияк учился у русских строителей и пахать землю. Русские люди дали ему грамоту, учили в кве. Русские писатели помогали ему открыть прозу для алтайского рода».¹

П. В. Кучияк был делегатом Первого Всесоюзного съезда писателей, который прошел под знаком единения всех литературных сил СССР. Глубоко в сердце алтайского делегата западали слова великого пролетарского писателя А. М. Горького, потому что они были проникнуты чувством братского уважения к литературам больших и малых народов. Горький говорил: «Я считаю необходимым указать, что советская литература не является только литературой русского языка, это — всесоюзная литература. Так литераторы братских нам республик, отличаясь от нас только языком, живут и работают при свете и под благоприятным влиянием той же идеи, объединяющей весь раздробленный капитализмом мир трудящихся, — ясно, что мы не имеем права игнорировать литературное творчество национальностей, что нас больше. Ценность искусства измеряется не количеством, а качеством. Если у нас в прошлом — гигант Пушкин, откуда еще не знает, что армяне, грузины, украинцы и прочие племена не способны дать величайших мастеров литературы, музыки, живописи, водчества».

Много нового, в высшей степени поучительного узнал П. В. Кучияк на съезде. Здесь он лично познакомился с М. Горьким. Вместе с сибирскими писателями П. В. Кучияк 3 сентября 1934 года побывал на квартире основоположника советской литературы, который на прощание сказал ему: «Пиши историю своего народа».

Характерно, что свои наиболее крупные и совершенные в художественном отношении прозаические произведения алтайский писатель создал именно после первого съезда. Это повесть «Аза-Ялан» (1936—1940), рассказ «Ямы» (1939), автобиографический роман «Адылок», над которым он начал работу в январе 1941 года, но произведение не было закончено. Создание этого романа было заветной мечтой писателя, поэтому «работал он с повышенными требованиями к себе и очень волновался — перед ним стояли такие бессмертные произведения мировой литературы, как «Детство» М. Горького».² Интересно такое признание Кучияка, записанное им в дневнике после прочтения трилогии А. М. Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты»: «Произведения великого писателя открыли мне глаза на секреты художественной прозы. Я многому научился у него».³

Следовательно, сам писатель говорит о тематической зависимости своего романа от автобиографических произведений А. М. Горького.

Эти творения гениального русского художника оказали влияние не только на алтайского писателя. Они послужили толчком для создания автобиографических повестей казахского писателя Сабита Муканова «Мои мектебы», классика таджикской литературы Садрриддина Айни

¹ А. Колтелов. Мои современники. Барнаул, 1963, стр. 66.

² А. М. Горький. Советская литература. Доклад на Первом Всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 г. — В сб. М. Горького «О литературе», М., 1953, стр. 213—214.

³ А. Колтелов. Мои современники. Барнаул, 1963, стр. 69.

⁴ Цитируется из статьи С. С. Суразакова «40 лет алтайской советской литературы» — Сб. «В братской семье народов СССР». Горно-Алтайск, 1962, стр. 70.

Шюла». Но в этих произведениях так же, как и в романе алтайского писателя, нашла отражение та национальная почва, та самобытная жизнь, которая была характерна для казахского и таджикского народов. В рамки биографического жанра, великолепно разработанного М. Горьким, П. В. Кучияк вложил оригинальное содержание, отражающее специфические стороны быта и культуры алтайского народа.

Художественные средства тех глав, которые писателю удалось со-
судить, удивительно свежи, самобытны. «Слова, образы, сравнения он
пал из народной речи и из народного творчества, к которому он
никал всегда, как к материнской груди. Язык его персонажей изоб-
рует фольклорными элементами и народными изречениями, послови-
ми, поговорками», — писал о П. В. Кучияке «сибирский писатель
Кожеников¹ И это действительно так.

Вот несколько примеров²: «Высокий хребет вшился в небо сказоч-
жербиом, разметнул в высоту косматую гриву кедрочей да так и
ыл навсегда».

«В аиле было темно. Мальчик приюндился. Огонь в очаге давно по-
только угли в золе блестяли золотыми бусами».

«Он засматривался на пенистые буруны реки, и ему казалось, что
несет утонувших белых баранов».

«Плечи у него широкие, мускулы на руках тяжелые и крепкие, как
сты на берегах».

Все эти образы, как яркие камни-самоцветы, помогают создать ши-
ую самобытную и выразительную картину. А элементы фольклора
ают картине тонкий колорит.

Под влиянием сказок мальчик Адыюк, главный герой романа,
судет себя богатырем, «таким же высоким, как одинокие старые
». Адыюк становится пастухом. Ему подарили длинный бич,
енный из волокна дикой конюшни. «Он любит свой бич. Если ол-
у, на поляне, размахнется во всю руку да хлестнет бичом по зем-
ак деревья застонут!»

существует мнение, что проза у народов, не имевших в прошлом
ых литературных традиций, развивалась в основном под воздей-
и русской литературы. При этом совершенно не учитываются на-
альные истоки. Подобная точка зрения не соответствует действи-
ости.

. В. Кучияк как прозаик формировался под влиянием русской ли-
ры. Это бесспорно. Но нельзя обрывать со счета и такой источ-
ак устное народное творчество — сказки, легенды. Именно род-
ольклор помог писателю создать яркие, самобытные прозаические
едения.

пользуя специфические художественные средства, писатель со-
интересный образ алтайского мальчика Адыюка, в котором вы-
о то типическое, что было характерно для дореволюционного Гор-
лтая. Адыюк так же, как и Алеша Пешков, юный бунтарь, меч-
й о том, как он вырастет и побьет байского сына Манзу, обижа-
бедных. Ему, как и Алеше Пешкову, ненавистны «свинцовые
ги жизни». Главы, которые были закончены писателем, свиде-
зуют о том, что роман мог бы стать выдающимся явлением в со-
литературе. Творческое использование опыта А. М. Горького
нии автобиографического жанра, широкое использование народ-
ыка и фольклора, тесная связь автора с жизнью родного народа —

литературные очерки Новосибирск, 1949, стр. 171.

Примеры приводятся из романа «Адыюк», опубликованного в кн. «Алтайская
ра» 1955, стр. 219—238.

пот основные качества, которые ярко проявились в этом неоконченном романе основоположника алтайской литературы.

П. В. Кучияк в течение всей своей творческой деятельности был связан узами дружбы с такими русскими писателями, как А. Коптелов, В. Зазубрин, С. Кожвиников, А. Гарф и др. Особенно большую помощь алтайскому писателю оказывал Афанасий Лазаревич Коптелов. Он был первым его советником, первым его переводчиком, составителем и редактором многих сборников, издаваемых на русском языке. Кучияк и Коптелов часто встречались, много путешествовали вместе по Горному Алтаю, делились творческими замыслами. Коптелов помогал алтайскому писателю найти более правильное композиционное решение тем. П. В. Кучияк, в свою очередь, знакомил русского писателя с бытом и нравами, произведениями фольклора родного народа. Эта творческая дружба обогащала писателей взаимно.

Не останавливаясь подробно на характеристике алтайской тематики в творчестве А. Коптелова¹, хочется обратить внимание на такую сторону его деятельности, которая не была свойственна его предшественникам: Н. Наумову, Вл. Бахметьеву, В. Шишкову и др. А. Коптелов не только широко использовал в своих произведениях, как и его предшественники, алтайский фольклор, но главное в том, что с его приходом в литературу русско-алтайские связи приобрели качественно новый характер, становятся литературными.

Новый социалистический строй положил начало новым, невиданным в истории человечества отношениям между писателями разных народов. Литераторам СССР предоставлена счастливая возможность свободно встречаться и обмениваться мнениями, как никогда, широко переводить произведения друг друга и этим самым обогащать свои родные литературы. Дружба и братство — вот тот неиссякаемый источник, который дает силу и крылья писателям нашей страны.

Поистине дружеские, крепнувшие год от года творческие связи сложились между алтайскими и русскими писателями. В течение многих лет литераторам Горного Алтая оказывали и оказывают творческую помощь русские писатели, как Илья Мухачев, Савва Кожвиников, Василий Непомнящих, Евгений Березницкий, Александр Смердов, Елизавета Стюарт, Юрий Гордиенко и многие другие. Но особенно много сделал для развития алтайской литературы Афанасий Коптелов.

Эти творческие связи не случайны. А. Коптелов вместе с сибиряками — делегатами Первого Всесоюзного съезда писателей был в гостях у А. М. Горького, который тогда посоветовал: «Край у вас многоязычный. Вы, сибиряки, должны помогать писателям малых народностей».² И эта завещание великого писателя-интернационалиста для Афанасия Коптелова стало путеводной звездой.

Автор «Великого кочевья» в течение двенадцати лет был в дружеских отношениях с основоположником алтайской литературы П. В. Кучияком, который часто гостил у него в Новосибирске. «Я, в свою очередь, — вспоминает А. Коптелов, — почти ежегодно бывал у него в Горно-Алтайске. Весной, летом, зимой мы бродили по горам Алтая, охотились на косуль, ловили харьусов в быстрых реках. Иногда заседывали лошадей, наполняли переметные сумы сухарями и отправлялись на полтора-два месяца в далекую поездку»³.

В пути (а он часто проходил по опасным тропам), на коротких стоянках — всюду они вели бесконечные разговоры о красоте окружающей природы, об алтайских сказаниях, о жизни и, разумеется, о литературе.

¹ Этот вопрос более подробно рассмотрен в нашей брошюре «Певец Горного Алтая». Горно-Алтайск, 1963.

² А. Коптелов. Встречи. Новосибирск, 1952, стр. 22.

³ А. Коптелов. Мои современники. Барнаул, 1963, стр. 23.

В дороге рождались замыслы новых произведений, и эти только что рожденные мысли и чувства они горячо поверяли друг другу. Эти продолжительные поездки обогащали писателей взаимно.

В 1948 году А. Коптелов выступает с публичной лекцией «Литература народов Сибири», в которой дается подробный анализ состояния современных литератур алтайского, бурятского, тувинского, хакасского и якутского народов.

Писатель подчеркивает на примере творчества П. В. Кучника и других литераторов три тенденции в развитии литератур народов Сибири, в том числе и алтайской: во-первых, связь младописемных литератур с устным народным творчеством, во-вторых, влияние на них русской классической и особенно советской литературы, в-третьих, влияние самой жизни, национальной почвы, являющейся одним из главных источников любого искусства. Эти положения А. Коптелова свидетельствуют о глубине его проникновения в литературные процессы народов Сибири.

Велико влияние русской литературы на развитие братских литератур не только Сибири, но и всей страны. Интересное высказывание П. В. Кучика о А. С. Пушкине приводится в этом докладе А. Коптелова:

Странны и повести писать
Пушкин нас учил.

А. Коптелов подчеркивает, что «прямат влияниа остается не за классической, а за современной советской художественной литературой русского народа, являющейся прекрасным примером для литераторов всего мира. Работая над первыми рассказами и повестями о колхозах, писатели Горного Алтая, Якутии, Бурят-Монголии видели образцы блестящего разрешения этой важнейшей темы в романах М. Шолохова, Ф. Панферова и других русских советских писателей»¹.

Характерно, что уже в сожженные годы А. Коптелов делает попытку решить проблему эстетического взаимообогащения братских литератур, соотношения национальной формы и социалистического содержания в произведении искусства. Главный тезис его в решении последней проблемы таков: «Национальная форма должна соответствовать социалистическому содержанию»². Но писатель в то же время на примере алтайской литературы указывает на опасность «консервации старой национальной формы и приспособления ее к передаче идей социалистического общества, к изображению событий нашего времени»³. Он призывает своих товарищей по оружию использовать из традиционной национальной формы не архаичские элементы, а прогрессивные, — «все передовое, близкое духу нашего времени»⁴.

А. Коптелов был связан узами дружбы не только с П. В. Кучиком. Много сделал писатель для популяризации и творчества выдающегося народного сказителя Николая Улагашевича Улагашева, произведения которого пользуются заслуженной известностью далеко за пределами Горного Алтая. И в этом немалая заслуга автора «Великого кочевья».

В течение более трех десятилетий писатель внимательно следит за развитием алтайской литературы, периодически выступает со статьями, рецензиями на новые книги алтайских литераторов, указывая не только на положительное, но и на недостатки в творчестве писателей края, организует переводы новых книг, участвует в работе научных конференций по вопросам развития алтайского языка и литературы, без его участия почти не проходит ни одного совещания писателей Горного Ал-

¹ А. Л. Коптелов. Литература народов Сибири. Стенограмма публичной лекции. Новосибирск, 1948, стр. 19.

² Там же, стр. 36.

³ Там же, стр. 37.

⁴ Там же.

тая. Поистине огромная и благородная работа А. Коптелова по оказанию помощи алтайским писателям. Писатель стремился всегда отметить главное в развитии алтайской литературы. Выступая на научной конференции по вопросам развития алтайского языка и литературы в 1951 году в Горно-Алтайске, он говорил: «Тема дружбы народов должна стать основной для писателей Горного Алтая. К разработке этой темы, к правдивому изображению жизни мы все должны готовить себя упорной работой...»¹

И сейчас писатель тесно связан с алтайскими литераторами.

В 1963 году в Барнауле А. Коптеловым издана книга воспоминаний, очерков и статей о писателях-сибиряках «Мои современники». В нее вошли и статьи, посвященные анализу современной алтайской литературы. Автор знакомит нас с творчеством таких «хороших и разных» поэтов и прозаиков, как Чалчык Чунжееков, Иван Кочеев, Сайын Сурабаков, Иван Шодоев, Аржан Адаров, Лазарь Кожышев, Эркемен Палкин, Александра Саруева и др. Писатели Горного Алтая глубоко благодарны А. Коптелову за то, что он открыл в голубых долинах алтайских гор родник истинной поэзии и познакомил с ним читателей всей нашей страны.

А. Коптелов большой знаток алтайского фольклора, произведениям которого он посвятил десятки статей. Он является переводчиком, составителем, редактором многих сборников алтайских сказок и героических сказаний. Ни один ученый, взявшийся исследовать устную поэзию алтайского народа, не может не учесть высказываний, многолетних наблюдений писателя как фольклориста.

Крепкая связь с жизнью Горного Алтая, глубокое знание быта и культуры алтайского народа — все это позволило создать яркие произведения об алтайской земле, за что его по праву называют певцом Горного Алтая.

Многие очерки, статьи, рассказы, роман «Великое кочевье», главы из нового романа «Большой зачин» переведены на алтайский язык и стали достоянием алтайской культуры. Это один из многочисленных примеров стихического взаимообогащения братских литератур нашей страны.

Взаимоотношения, сложившиеся между талантливым русским писателем и алтайскими литераторами, поучительны и в то же время типичны для нашего времени, когда каждому народу предоставлен широкий простор для творчества, для духовного развития и совершенствования на пути к высоким вершинам человеческой культуры.

Основой взаимоотношений А. Коптелова с алтайскими писателями является дружба. Сам писатель так говорит об этом в предисловии к книге Аржана Адарова «Подснежник» (Барнаул, 1963): «В прежнее время между сердцами русских и алтайцев, за исключением самых передовых и прогрессивных людей, стояла дремучая тайга. Даже соседи мало знали друг друга. И нелегко было пробиться сквозь эту тайгу. Да и семена дружбы проросли не сразу.

Но вот уже давно прорублены от сердца к сердцу широкие светлые просеки. Они радуют и волнуют. Они проложены самим народом. И не зарастут никогда. А дерево дружбы, семечко которого было посеяно в дни боев за власть Советов на Алтае, подымает, как могучий кедр, свою богатую крону все выше и выше.

Братская дружба — наша величайшая ценность. Это — сама жизнь»².

¹ Сб. «Вопросы развития алтайского языка и литературы». Горно-Алтайск, 1954, стр. 98.

² А. Коптелов. На просеке дружбы. Предисловие к книге стихов А. Адарова «Подснежник». Барнаул, 1963, стр. 7.

И в настоящее время многие советские писатели посвящают свои книги Горному Алтаю, изображают представителей алтайского народа, ярко показывают дружбу между народами. К таким произведениям надо отнести романы «Чуйские зори» А. Демченко, «Дороги в горах» Н. Дворцова, «Тропы Алтая» С. Залыгина и произведения многих других писателей.

Фактический материал, который накоплен в русской и алтайской литературах и который нашел отражение в данной статье, позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, благотворное влияние русской литературы на творчество отдельных алтайских писателей уже проявлялось до Великого Октября. Но по-настоящему дружеские творческие связи между русскими и алтайскими литераторами проявились в годы строительства социализма и коммунизма в нашей стране. Процесс же эстетического обогащения произведений русской литературы за счет алтайского фольклора характерен и для дореволюционных и современных писателей.

Во-вторых, изображение жизни алтайского народа в произведениях русских писателей и наоборот, художественный показ русского народа и произведениях алтайских писателей следует рассматривать как важнейшую часть актуальнейшего вопроса о заимчивостях взаимосвязей и взаимообогащения литератур народов СССР. Все это в конечном итоге является выражением братской дружбы народов нашей страны.

В-третьих, используя богатейший опыт русской литературы и литератур народов СССР, опираясь на прогрессивные фольклорные традиции, алтайская литература не потеряла своих специфических национальных качеств, своего своеобразия и самобытности, но она претерпела ряд качественных изменений и заняла свое полноправное место в Советской литературе, «в которой, несмотря на различие образующихся ее национальных потоков, нет контрастности, быющей в глаза неравномерности»¹, потому что уровень развития литератур даже малых народов в нашей стране высок. Это — прекрасные плоды ленинской национальной политики.

¹ Г. Ломидзе. В поисках нового. М., 1963, стр. 68.

ИЗ ОПЫТА ОБЛАСТНОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ГОРНОГО АЛТАЯ ПО РАЗВИТИЮ НАРОДНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В 1946—1964 ГОДАХ

Коммунистическая партия Советского Союза на XXII съезде разработала величественную программу строительства коммунизма. Для претворения в жизнь ее предначертаний наряду с созданием материально-технической базы коммунизма необходимо выработать высокую сознательность и активность каждого члена советского общества. В. И. Ленин еще в 1919 г. указывал, что «нельзя построить коммунизм без запаса знаний, техники, культуры».¹ В воспитании образованных и сознательных строителей коммунистического общества важнейшая роль принадлежит школе. Подчеркивая ее значение, В. И. Ленин писал, что в период подготовки условий, делающих возможным полное осуществление коммунизма, «школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс и целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм».² Руководствуясь ленинским учением, Коммунистическая партия и Советское правительство на различных этапах социалистического строительства определяли и конкретизировали задачи школ, соответствующие потребностям общественного развития. В послевоенный период на основе решений XIX, XX, XXI, XXII съездов КПСС во всех уголках Советского Союза стало осуществляться всеобщее политехническое обучение, перестройка сложившейся ранее системы народного образования. Народное образование тесно связывается с жизнью, с задачами коммунистического строительства.

Целью данной статьи является показать некоторые моменты из опыта партийной организации Горно-Алтайской автономной области по развитию народного образования, созданию условий для всеобщего политехнического обучения, приближению школы к жизни, усилению объективного процесса сближения русских и алтайских школ в 1946—1964 гг. В статье также подчеркиваются причины неудачи профессионального обучения.

После окончания Великой Отечественной войны областная партийная организация Горного Алтая наряду с восстановлением народного хозяйства большое место в своей деятельности отводит дальнейшему

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., Т. 39, стр. 314.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., Т. 38, стр. 431.

развитию народного образования. На нем тяжело сказалась война. Здесь за 1941—1945 гг. число учащихся в школах всеобщего обучения сократилось на 11047 человек, в том числе на 4551 человек учащихся алтайцев¹. Ушли на фронт многие талантливые педагоги. В преподавании некоторых дисциплин наблюдался формализм. Средняя успеваемость школ в 1943-44 учебном году составляла 73%. Ущерб, нанесенный войной народному образованию Горного Алтая, в основном был ликвидирован к 1950 г. Уже в 1949-50 учебном году по сравнению с 1942-43 учебным годом количество детей, не охваченных всеобщим обучением, сократилось с 3289 до 96 человек². Только за два года (1948—1950) открылось 17 новых школ. В них пришло дополнительно 5000 учащихся.

В последующий период важное значение в работе партийных и советских органов приобретают вопросы политехнического обучения, приближения школы к жизни, практике социалистического и коммунистического строительства.

Известное положительное значение в этом отношении имели решения XIX съезда КПСС (1952 г.) и постановление Совета Министров СССР от 16 февраля 1952 г. «О мерах по улучшению преподавания биологии и работы на пришкольно-опытных участках и семилетних и средних школах». XIX съезд партии дал директиву «...принести мероприятия, необходимые для перехода к всеобщему политехническому обучению»³. Политехническое обучение знакомит учащихся в теории и на практике с основными отраслями производства. В. И. Ленин отмечал, что «политехнический принцип» не требует обучения всему, но требует обучения основам современной индустрии вообще⁴. Опираясь на решения Коммунистической партии и Советского правительства, указания В. И. Ленина, 18-я Горно-Алтайская областная партийная конференция в январе 1954 года потребовала от всех районных и первичных партийных организаций оказать практическую помощь школам в осуществлении перехода к политехническому образованию, налаживании связи школы с колхозно-совхозным производством, привитии учащимся любви к сельскохозяйственному труду. За 3 года (1953—1955 гг.) бюро Горно-Алтайского обкома КПСС на своих заседаниях обсудило 31 вопрос, относящийся к работе школ, органов народного образования, учительских партийных организаций. Под руководством областного и районных комитетов партии учителя Горного Алтая добились в эти годы создания почти во всех семилетних и средних школах пришкольно-опытных участков. Лучшим из них считался участок Шебалинской средней школы. Здесь учащиеся под руководством преподавателей П. Я. Моргун, А. Г. Богданова, Л. И. Челтушевой, М. П. Ждановой заложили хороший сад: 200 яблонь, 70 кустов вишни, 200 кустов смородины, 300 — крыжовника, 500 кустов малины, 75 кустов черноплодной рябины. На 300 кв. метрах высадили крупноплодную землянику. Кроме этого, создали овощной участок, пасеку, уголок живой природы. Благодаря экспериментальным работам на пришкольно-опытном участке повысился уровень знаний детей. На экзаменах по биологии в 1953 году 90% учащихся у преподавателей А. Г. Богданова, Л. И. Челтушевой получили оценки «5»⁵. Шебалинская средняя школа ежегодно в 1953—1955 годах являлась участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Глав-

¹ Партийный архив Горно-Алтайского обкома КПСС (ПАГАО КПСС), ф. 1, оп. 3, л. 27, л. 94.

² ПАГАО КПСС, ф. 1, оп. 2, д. 5, л. 96, оп. 6, д. 321, л. 53.

³ КПСС в резолюциях и решениях. Ч. III, изд. 7-е, стр. 574—575.

⁴ Записки В. И. Ленина по докладу А. В. Луначарского на III сессии ВЦИК 7-го созыва — «Народное образование», 1968, № 4, стр. 22.

⁵ ПАГАО, ф. 1, оп. 8, д. 130, л. 370.

выставком наградила ее и преподавателя П. Я. Моргуна ценными подарками, а 4 книжточек — серебряными медалями¹.

Хорошая постановка работы на пришкольно-опытных участках наблюдалась в Аюуниской, Бело-Ануйской, Маймышской, Мультинской семилетних школах. Даже в условиях высокогорной местности учительница села Курай Кош-Арачского аймака Жукова на диво населению, утверждавшему, что в их местности нельзя заниматься овощеводством, вырастила огурцы, редис, капусту и другие овощные культуры. В 1953 году здесь заложен пришкольный участок².

Активизировалась работа юных натуралистов. Центром ее стала Горно-Алтайская станция юннатов, при которой ежегодно вели олимпиадскую работу свыше 120 учащихся в кружках овощеводов, цветоводов, кролиководов. Станция наладила связь со школами области. В их адрес только в феврале 1952 года выслано около 100 посылок семян различных растений³.

Юннатские кружки возникают повсеместно. Юннаты Турчакской средней и Терехтинской школ в зимних условиях в теплицах выращивали лук, редис, огурцы⁴. Юные натуралисты с Маймы к весне 1954 года изготовили 1500 торфоперегнойных горшочков и передали их колхозу «Новый путь». Витя Манышев и Митя Сергеев, юннаты Аскатского детского дома, от 1 кг семенного картофеля получили урожай 100 кг. В 1954/55 учебном году в юннатских кружках участвовали 1989 школьников⁵.

Улучшилось преподавание химии, физики, математики. Кабинеты по этим дисциплинам пополнились приборами и оборудованием. Простейшие из них изготовлялись силами учащихся. Так, в 1953/54 учебном году учащиеся Чемальской средней школы изготовили 40 приборов для физического кабинета⁶.

Повысился уровень содержания уроков. Преподаватели С. И. Пагур (школа № 6), Г. И. Сукач (облашкокола), Е. Г. Орлова и многие другие в ходе урока применяли разнообразные экспериментальные работы, развивали у детей любознательность, практические навыки. В селе Чон учащиеся, применяя на практике полученные по физике знания, самостоятельно делали электропрямку. В целях ознакомления школьников с новейшей техникой широкий размах получали экскурсии на промышленные предприятия, колхозы, совхозы. Только в 1953/54 учебном году по физике в школе № 6 г. Горно-Алтайска организовано 25 таких экскурсий⁷.

Однако в годы 5-й пятилетки в Горном Алтае многие школы не имели помещений для практикумов по труду, машиноведению. Не хватало квалифицированных кадров для преподавания этих предметов. В 1955 году из всех учителей труда, машиноведения только один имел незаконченное высшее образование, 80 — среднее и 6 человек — незаконченное среднее образование⁸. Наблюдался отрыв школы от жизни, значительная часть выпускников средних школ шла работать в промышленность, сельское хозяйство, не имея трудовых навыков. Современная техника, электрификация, механизация, химизация производства, автоматика требуют от рабочих высокой квалификации, ориентировки в различных областях науки и техники. Известный отрыв школы от жизни создавал противоречие между требованиями технико-экономического

¹ ПАГАО КПСС, ф. 1, оп. 8, д. 130, л. 70.

² ПАГАО КПСС, ф. 1, оп. 8, л. 41, 42.

³ ПАГАО КПСС, ф. 1, оп. 6, д. 1045, л. 229.

⁴ «Звезда Алтая», 22 апреля, 7 мая 1954 г.

⁵ ПАГАО КПСС, ф. 1, оп. 8, д. 103, лл. 41, 51.

⁶ ПАГАО КПСС, ф. 1, оп. 8, л. 103, л. 36.

⁷ ПАГАО КПСС, ф. 1, оп. 8, д. 103, л. 36.

⁸ ПАГАО КПСС, ф. 1, оп. 8, д. 310, л. 27.

развития советского общества и состоянием школьной подготовки молодого поколения. Разрешить это противоречие, ликвидировать его могла лишь перестройка школы на основе соединения обучения с общественно полезным и производительным трудом.

Коренная перестройка работы школ, приближение их к жизни началась на основе решений XX, XXI, XXII съездов КПСС.

После XX съезда в декабре 1958 года Верховный Совет СССР принял Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране». XXI съезд в 1959 году провозгласил вступление нашей страны в период развернутого строительства коммунизма. Начался завершающий этап культурной революции, когда «обеспечивается создание всех необходимых идеологических и культурных условий для победы коммунизма».¹

Программа КПСС следующим образом определила задачу советской школы в период развернутого строительства коммунизма: «Среднее образование должно обеспечивать прочное знание основ наук, усвоение принципов коммунистического мировоззрения, трудовую и политехническую подготовку в соответствии с возрастающим уровнем развития науки и техники, с учетом потребностей общества, способностей и желаний учащихся, а также нравственное, эстетическое и физическое воспитание здорового подрастающего поколения».²

Горно-Алтайский обком КПСС, райкомы партии организовали широкую пропаганду постановлений партии и Советского правительства по народному образованию среди трудящихся. Мероприятия по приближению школ к жизни и перестройке школьного обучения в Горном Алтае были выработаны сначала на съезде учителей (1958 год), а затем на совещании работников народного образования и профсоюзного актива (1959 год), созванных по решению областного комитета партии и проходивших под его непосредственным руководством. Не было ни одного принципиального вопроса, которым бы не занимались партийные органы. Бюро Горно-Алтайского областного комитета партии в 1956—1963 годах в среднем ежегодно рассматривало на своих заседаниях в 1,8 раза больше вопросов по народному образованию, чем каждый год обсуждалось в 1935—1955 гг.³ Только в 1962/63 учебном году на заседаниях бюро Горно-Алтайского обкома КПСС обсуждались вопросы: «О состоянии выполнения закона о всеобщем», «О состоянии преподавания обществознания в средних школах и средних специальных учебных заведениях», «О работе по обучению неграмотных в области», «Об улучшении производственного обучения учащихся в средних 11-летних школах», «О состоянии школьного строительства в области», «Об организации отдыха и оздоровительных мероприятий пионеров и учащихся старшего школьного возраста», «О состоянии и мерах улучшения эстетического воспитания учащихся школ области». Кроме того, вопросы народного образования широко обсуждались на областном партийном активе 22 марта 1962 года и на пленуме областного комитета партии 5 июля 1963 года. В решениях Обкома КПСС намечались конкретные меры и формы улучшения учебно-воспитательной работы, связи ее с жизнью.

Районные и городской комитеты партии систематически контролировали учебно-воспитательную работу отдельных школ, оказывали им практическую помощь. Только Горно-Алтайским горкомом партии на бюро в 1959 году были разработаны конкретные меры по вопросам: «О состоянии воспитательной работы в школе № 12», «Об организации учебно-производственной практики в областной национальной школе».

¹ XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. III. М. 1962, стр. 325.

² XXI съезд КПСС. Стенографический отчет, т. III. М. 1962, стр. 321.

³ Текущая жизнь Горно-Алтайского ОК КПСС. Перечень вопросов, рассмотренных на бюро в 1953—1963 гг.

в 1960 году — «Об опыте работы средней общеобразовательной политехнической школы № 13 по выполнению закона «Об укреплении связи школы с жизнью», «Об итогах работы средней школы рабочей молодежи и Майминской вечерней школы за I полугодие», «О состоянии воспитательной работы среди учащихся города во внеурочное время».

Школьные первичные партийные организации повседневно руководили учебно-воспитательным процессом, заслушивали на собраниях отчеты классных руководителей, старост, секретарей комсомольских групп, контролировали идейно-теоретический уровень уроков, руководили производственной практикой. Так, секретарь партийного бюро областной Горно-Алтайской национальной школы Л. С. Пустогачева в 1962/63 учебном году посетила 7 уроков учителей-предметников, ежемесячно выезжала в с. Майму на производственную практику учащихся старших классов; члены партийного бюро — тт А. А. Головенкин, А. А. Власов, М. П. Востыгина посетили каждый не менее 3—5 уроков. Большое значение в улучшении учебы, дисциплины в каждом классе имели решения партийных собраний областной национальной школы «О состоянии и мерах улучшения производственного обучения», «Об учебе и дисциплине учащихся 8 «б» класса», «О комсомольской и пионерской работе» и другие.¹

Активизировалась деятельность всех школьных партийных организаций области. Выросла их численность и авторитет. Если на 1 января 1946 года в Горном Алтае работали 12 школьных партийных организаций с количеством коммунистов 112 человек², то к началу 1964 года партийные организации имелись в 30 средних и семилетних школах. На благородском поприще народного просвещения трудилось 528 членов и кандидатов партии³. Каждый четвертый учитель области являлся коммунистом.

Партийные организации наладили прочные связи педагогических коллективов школ с коллективами предприятий колхозов, совхозов, широко практикуя такие мероприятия, как совместные партсобрания, обсуждение школьных вопросов на заседаниях парткомов совхозов, промышленных предприятий с присутствием коммунистов школ, чтение лекций для рабочих, колхозников, проведение собраний родителей-коммунистов и т. д. Например, парторганизация Шебалинской средней школы провела за 1961/62 учебный год семь совместных партийных собраний на фермах совхоза⁴. Усилилась пропаганда педагогических знаний. Если в 1956 году по линии областного отделения общества «Знание» учителями области было прочитано по советской педагогике 107 лекций⁵, то в 1960—648, 1963—1502, в 1964—1541 лекция, т. е. количество прочитанных лекций о воспитании детей в 1964 году по сравнению с 1956 годом увеличилось в 14 раз⁶.

Для введения всеобщего политехнического обучения, осуществления тесной связи школ с жизнью необходимы хорошо налаженная материальная база школ, квалифицированные педагогические кадры. Решая эти задачи, партийные, советские органы Горного Алтая добиваются ускорения темпов строительных работ, увеличения ассигнований школ.

¹ Текущий архив партийной организации Горно-Алтайской областной национальной школы за 1963 г. Протоколы собраний.

² ПАГАО КПСС, ф. 1, оп. 2, д. 538, л. 1.

³ Текущий архив Горно-Алтайского обкома КПСС. Статистический отчет о составе коммунистов на 1 января 1964 г.

⁴ Текущий архив Горно-Алтайского облОНО. Отчет с работе школ области за 1961/62 учебный год.

⁵ Государственный архив Горно-Алтайской автономной области (ГАГААО), ф. 324, оп. 1, д. 49, л. 13.

⁶ Текущий архив Горно-Алтайского областного общества «Знание». Отчеты по лекционной пропаганде за 1960—1964 гг.

Так, ассигнования на нужды народного образования выросли с 2786,5 тысяч рублей в 1946 году¹, до 7023,6 тысяч в 1964 году² (в новых деньгах). Приобрело широкий размах школьное строительство. Возведены здания школ, учебные мастерские, дома для учителей. За 5 лет (1957—1962 гг.) введено в действие 53 различных школьных объекта,³ а за 1963—1963 гг. количество ученических мест в области увеличилось на 13 тысяч, это на 5725 мест больше, чем во всех построенных школах сельской местности Горного Алтая за 18 предвоенных лет.⁴ В июле 1963 года в стадии строительства находилось 27 зданий на 7260 ученических мест, 6 мастерских.⁵

Первичные партийные организации, сельские и поселковые Советы организовали шефство над школами со стороны колхозов, совхозов, МТС и РТС, промышленных предприятий. Шефы оказали большую помощь в строительстве учебных мастерских, кабинетов машиноведения, оснащении их техникой. Так, ими в распоряжение школ области передано в 1956 году 18 автомашин, 16 тракторов, 25 различных сельскохозяйственных машин — всего на 500 тысяч рублей,⁶ в 1957 году — различного оборудования на 350 тысяч рублей. В 1957—1959 годах для учебных целей школам выделили Шебалинский оленесовхоз — трактор ДТ-54, автомобиль ЗИС-5, токарный, сверлильный станки, комбайн, всего на сумму 73051 рублей.⁷ Акташское рудоуправление — разного оборудования на 20 000 рублей⁸, Усть-Кокшанская МТС — станки, 2 трактора, Ябоганский совхоз — автомашину и так далее.⁹

В работу по созданию и укреплению материальной базы школ включились ученические комсомольские организации, учащиеся. Их силами в 1958/59 учебном году построены учебная мастерская Шебалинской средней школы, вырыт котлован, заложен фундамент, возведены стены котельной для областной национальной школы, изготовлены гимнастические скамейки, ящики для цветов, клетки для кроликов, ручной инвентарь для работы на опытном поле¹⁰. В результате напряженного труда материально-техническая база школ области значительно укрепилась. К началу 1963/64 учебного года 83 восьмилетние и средние школы имели 83 мастерских по дереву и металлу на 1478 рабочих мест, 118 кабинетов физики, химии, электротехники, машиноведения, биологии, 173 токарных, фрезерных, строгальных станков, десятки различных сельскохозяйственных машин, 283 швейные машины, 71 опытный учебный участок и 25 земельных участков в колхозах и совхозах. Учебно-опытные участки имелись и в 67 начальных школах¹¹. Появилась экономическая возможность осуществлять «техническое обучение, которое знакомит с основными принципами всех процессов производства и в то же время дает ребенку или подростку навыки обращения с простейшими орудиями всех производств»¹².

¹ Центральный партийный архив института марксизма—ленинизма. Ф 17, оп. 50, л. 55, л. 104.

² «Звезда Алтая», 20 декабря 1963 г.

³ Подсчитано по делам текущих архивов Горно-Алтайского обкома КПСС и Горно-Алтайского облОНО. Материалы 23-й Горно-Алтайской областной партийной конференции 1961 г. л. 140. Протокол пленума Горно-Алтайского обкома КПСС за 5 июля 1963 г. л. 10. Отчеты Горно-Алтайского облОНО за 1958—1962 учебные годы.

⁴ Горно-Алтайское областное статистическое управление (ГАОСУ). Сведения за 26 апреля 1960 г.

⁵ Текущий архив Горно-Алтайского облОНО. отчет за 1962/63 учебный год.

⁶ ПАГАО КПСС, ф. 1, оп. 8, л. 310, л. 24.

⁷ ПАГАО КПСС, ф. 1, оп. 11, л. 108, л. 15.

⁸ Текущий архив Горно-Алтайского облОНО. Отчет за 1958/59 учебный год, л. 7.

⁹ ПАГАО КПСС, ф. 1, оп. 12, л. 41, л. 21.

¹⁰ Текущий архив Горно-Алтайского облОНО. Отчет за 1958/59 учебный год, л. 7, 25.

¹¹ Подсчитано по данным ГАОСУ, Формы ОШ-1, РИК-76а за 1963 г.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, соч. т. 16, стр. 198—199, 2-е изд.

Осуществление всеобщего политехнического обучения стало возможным в результате разрешения проблемы подготовки педагогических кадров. С 1953 по 1963 год количество учителей в области возросло с 1341 чел. до 2058 чел. Педагогов с высшим образованием стало больше в 5,8 раза.¹

Рост общеобразовательной и специальной подготовки учителей особенно заметен в сравнении с периодом 30-х годов. В 1932 году в школах Горного Алтая работало 426 учителей, из которых 38% имели среднее, 61,6% незаконченное среднее и начальное, единицы — специальное педагогическое образование. На всю область имелись один учитель с высшим и один с незаконченным высшим образованием.² В 1962/63 учебном году в области трудилось учителей в 4,8 раза больше, чем в 1932 году. Из них 82,4% имели специальное педагогическое и 42,2% высшее и незаконченное высшее образование. В 546 раз увеличилось количество учителей с высшим и в 324 раза с незаконченным высшим образованием.³

Неизмеримо возросла квалификация национальных кадров. В 1930 году 70% учителей-алтайцев имели низшее (3—4 класса), 30% незаконченное среднее и среднее образование.⁴ В 1963 году учителя коренной национальности, за исключением 2—3 десятков человек, имели специальное педагогическое, а 30% из них высшее и незаконченное высшее образование.

На благородном поприще народного просвещения в Горном Алтае к концу 1964 года трудилось 102 человека отличников народного просвещения, 5 заслуженных учителей РСФСР. Подлинными мастерами педагогического труда зарекомендовали себя заслуженные учителя РСФСР гг. С. Н. Шабуракова, Н. П. Тукеев, Л. И. Текушева, М. И. Мартынюк, Т. Д. Кайгородова, В. К. Плавас, отличники народного просвещения Е. М. Кутейникова, Е. С. Агеева, В. И. Шаркова, Е. Л. Укеевцева, Т. И. Анаева и многие другие.

Большую роль в подготовке учительских кадров для области сыграли Горно-Алтайское педагогическое училище, Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина, Горно-Алтайский государственный учительский, затем педагогический институты и другие учебные заведения страны.

Горно-Алтайское педагогическое училище заслуженно называют кузницей национальных кадров. С 1932 года по 1961 год включительно из его стен выпущено 1917 учителей начальных классов. Из них 501 человек алтайцев и казахов.⁵

Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина сделал четыре выпуска учителей по отделению алтайского языка и литературы⁶. Коллектив института, особенно профессор Л. П. Потапов, Н. А. Баскаков со студентами алтайского отделения проделали большую работу по сбору архивных материалов из истории Горного Алтая, фольклора алтайского народа, привили многим из них любовь к научно-исследовательской работе. Воспитанниками Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина

¹ Народное хозяйство Горно-Алтайской автономной области. Статистический сборник. 1957 г., стр. 42. Текущий архив Горно-Алтайского облОНО. Отчет за 1962/63 учебный год.

² ПАГАО КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 101, л. 70.

³ ПАГАО КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 101, л. 71. Текущий архив Горно-Алтайского облОНО. Подсчитано по материалам 9-й областной партийной конференции, 1934 г., отчету облОНО за 1962/63 учебный год.

⁴ «Ойротский край», 10 июля 1930 г.

⁵ ПАГАО КПСС, ф. 1, оп. 6, д. 1048, л. 47. Текущий архив Горно-Алтайского педучилища. Подсчитано по книге регистрации выдачи аттестатов.

⁶ Л. П. Потапов, Краткий очерк культуры и быта алтайцев. Облнцнцдат, 1958, стр. 52.

являются ныне кандидаты наук сестры Т. М. и Е. М. Тоцаковиц, П. Е. Тадьев, С. С. Суразаков, Н. Н. Суразакова, С. С. Каташ.

Три выпуска Горно-Алтайского учительского института (действовал с 1949 по 1953 год), семь выпусков Горно-Алтайского государственного педагогического института (действует с 1953 года) вместе с выпускниками-зочниками дали в основном Алтайскому краю и Горно-Алтайской автономной области 1750 специалистов, из них 213 алтайцев¹. Только за 1960—1963 годы Горно-Алтайский пединститут направил в Кош-Агач, Онгудай, Турачак, Улаган, Усть-Кан и Усть-Коксу 150 учителей².

Партийные органы уделяли большое внимание повышению деловой квалификации учительских кадров. На основании постановления бюро Горно-Алтайского обкома КПСС от 30 сентября 1959 года «О состоянии и мерах улучшения работы с учительскими кадрами в свете закона Верховного Совета СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования» в области проведена целая серия семинаров: директоров и заведующих учебной частью школ, заведующих интернатами, преподавателей истории, географии, биологии, физкультуры, секретарей школьных партийных и комсомольских организаций, старших пионервожатых и т. д. Работники школ обменялись опытом работы по коммунистическому воспитанию подрастающего поколения, наметили меры по ликвидации элементов догматизма и зубрежки в обучении. Так, на областном семинаре учителей-биологов в апреле 1962 года обсуждались следующие вопросы: 1) XXII съезд КПСС о задачах народного образования, 2) Методика полевого опыта и тематика опытнических работ, 3) Применение передовых приемов агротехники в постановке опытнической работы, 4) Агротехника сахарной свеклы³.

Учеба, передача передового опыта осуществлялась также непосредственно в школах.

Первичные партийные организации, коммунисты школ организовали глубокое изучение произведений Маркса, Энгельса, Ленина, постановлений партии и правительства, материалов XX—XXII съездов КПСС среди учителей. В 1959—1964 годах различными формами политической учебы охватываются учителя почти всех школ области. Особенно популярным среди работников школ, преподавателей учебных заведений стало изучение проблем коммунистического воспитания, марксистско-ленинской этики и эстетики. По этому профилю знаний в сети политического просвещения областной партийной организации в 1956—1964 годах количество кружков и семинаров увеличилось с 14 до 58, слушателей в них почти в 3 раза⁴.

В школах работали кружки по основам марксизма-ленинизма, научного коммунизма, диалектическому и историческому материализму. Изучение марксистско-ленинской теории вызывало большой интерес. Так, в семинаре по основам марксизма-ленинизма в Горно-Алтайской школе № 6, которым руководила К. Г. Навменкова, наряду с живой беседой возникали интересные творческие дискуссии, заслушивались и обсуждались доклады. Своеобразной школой повышения педагогического мастерства являлся семинар по коммунистическому воспитанию в об-

¹ Текущий архив Горно-Алтайского государственного педагогического института. Подсчитано по книге регистрации выдачи дипломов с 1951 по 1962 гг.

² Текущий архив Горно-Алтайского обкома КПСС. Материалы пленума от 5 июля 1963 г.

³ Текущий архив Горно-Алтайского обкома КПСС. Отчет о работе за 1961/62 учебный год, л. 20.

⁴ ПАГАО КПСС, ф. 1, оп. 2, л. 2619, лл. 13, 34; Текущий архив Горно-Алтайского обкома КПСС за 1964 г. Подсчитано по материалам сети партийного просвещения за соответствующие годы.

ластной национальной школе. Возглавляла его преподаватель истории Е. С. Агеева. В нем повышали идейно-политический уровень 24 учителя. В ходе занятий наряду с важнейшими теоретическими положениями затрагивались вопросы непосредственной практики. Так, 24 февраля 1964 года, при разборе темы «Роль учителя в воспитании подрастающего поколения» выступило 14 человек. Они раскрыли важнейшие теоретические положения ряда работ В. И. Ленина, решений XXII съезда КПСС, статей М. И. Калинина, Н. К. Крупской и А. С. Макаренки. Старший преподаватель химии Г. И. Сукач, завуч школы Е. П. Кандаракова и ряд других останавливались на положительном опыте учителей национальной школы в организации трудового обучения учащихся, связи всей работы учителей с жизнью.

Большой отряд учителей области из года в год на общественных началах руководит политическими кружками, школами, семинарами, трудится в качестве консультантов, лекторов. Так, в 1963 году по сравнению с 1956 годом количество учителей, работающих в системе партийного просвещения, возросло в 1,4 раза¹. Только за четыре года (1960—1964) число работников школ, членов общества «Знание» увеличилось с 347 до 776 человек².

Знание трудов Маркса, Энгельса, Ленина, великие перспективы строительства коммунизма опосредовали повышению идейно-теоретического уровня преподавания основ различных наук, помогали преподавателям стать истинными знатоками своего дела. Все больше и больше появлялось учителей, работающих без второгодников. В 1952 году их было 45, через 9 лет — 122, а в 1963 году — 322 человека³.

Создание квалифицированной армии работников народного просвещения, руководствующейся в своей деятельности марксистско-ленинской теорией, наряду с укреплением материальной базы школ, позволило успешно решать задачу осуществления всеобщего политехнического обучения, укрепления связи школы с жизнью, строительством коммунизма.

Перевод школ на новый учебный план в Горном Алтае начался с 1957/58 учебного года. Он осуществлялся постепенно, по мере создания материальных условий. В программу был введен икий курс «Основы производства» и факультативные практические курсы. Первыми в области по новому плану стали работать пять средних школ: сельские — Шебалинская, Турачакская, Чемальская; городские — № 12, 13⁴. В 1958/59 учебном году по новому плану работали уже 10 средних⁵, в 1961/62 учебном году — 33⁶, в 1962/63 году — 66 восьмилетних и 15 средних с производственным обучением школ. С 1-го сентября 1963 г. на производственное обучение переведены Улаганская и Акташская десятилетки⁷.

Реорганизация народного образования выдвинула в центр внимания партийных органов, учительских коллективов трудовое воспитание учащихся. Это и понятно. Ведь трудолюбие является одной из черт коммунистической нравственности. В Программе КПСС говорится «В центр

¹ ПАГАО КПСС, ф. 1, оп. 2, д. 2500, л. 148. Текущий архив Горно-Алтайского обкома КПСС. Подсчитано по отчетам работы сети партийного просвещения за соответствующие годы.

² Текущий архив Горно-Алтайского областного общества «Знание». Отчеты о составе членов общества за 1960—1964 гг.

³ ПАГАО КПСС, ф. 1, оп. 8, д. 16, л. 1; Текущий архив Горно-Алтайского обл. ОНО. Отчеты за 1961—1963 учебные годы.

⁴ ПАГАО КПСС, ф. 1, оп. 12, л. 41, лл. 24, 25.

⁵ Текущий архив Горно-Алтайского обл. ОНО. Отчет за 1958/59 учебный год, л. 24.

⁶ Текущий архив Горно-Алтайского обкома КПСС. Материалы 23-й областной партийной конференции, 1961 г., л. 140.

⁷ Текущий архив Горно-Алтайского обл. ОНО. Отчет за 1961—1963 учебные годы.

воспитательной работы партия ставит развитие коммунистического отношения к труду у всех членов общества»¹. Труд является основным условием человеческой жизни, источником общественного богатства. В труде — бессмертие человечества. Коммунизм и труд не отделямы друг от друга. «Нельзя себе представить идеала будущего общества, — писал В. И. Ленин, — без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения»². Трудовая деятельность воздействует на формирование человеческой личности. Фридрих Энгельс писал, что труд создал самого человека. С одной стороны, труд требует разносторонних знаний и побуждает людей к общественно полезной деятельности, знаниям, повышению культурно-технического уровня, с другой — только в процессе труда проявляются способности, таланты человека, формируются его нравственные качества, эстетические понятия. Без личного труда человек неизбежно опускается, жизнь его теряет цель и смысл. Июньский пленум ЦК КПСС (1963 г.) подчеркнул, что воспитание любви и уважения к труду на благо общества, трудовая закалка людей — сердцевина, становой хребет идеологической работы.

При повседневной помощи и внимании партийных организаций к трудовому воспитанию подрастающего поколения, в школах области сложились такие пути приобщения учащихся к общественно полезному труду: для учащихся 5—7 классов и частично начальных классов — работа в школьных учебных мастерских и учебно-опытных участках; для учащихся старших классов — наряду с теоретическим курсом по основам производства практикумы по машиноведению, электротехнике, основам сельского хозяйства как в школьных специальных кабинетах и мастерских, опытных участках, так и в промышленных предприятиях, совхозах и колхозах, летняя производственная практика, специализированные классы.

Одной из важных форм соединения обучения с производительным трудом является работа ученических бригад и звеньев учащихся в колхозах, совхозах, промышленных предприятиях, опытных участках. В этой области школьники Горного Алтая накопили богатый опыт. По решению бюро Горно-Алтайского обкома КПСС ежегодно на областных слетах они подводили итоги своей работы. В 1964 году состоялся их 6-й областной слет. Количество учащихся, работающих в бригадах, каждый год возрастает. Так, в 1958 году в 37 ученических бригадах работало 812 учащихся³, в 1959 году в 30 бригадах и 170 звеньях — 1631 человек⁴, в 1962 году — в 33 бригадах и 99 звеньях — 4165, а в 1964 году — 6108 человек учащихся⁵. Полезная деятельность бригад получила всеобщее признание. Они оказали серьезную помощь колхозам и совхозам, дали учащимся навыки производительного труда. В 1960 году школьники полеводческих бригад заготовили для общественного животноводства 66910 центнеров грубых и 7608 центнеров сочных кормов, а весной 1961 года посеяли и осенью убрали 291 гектар картофеля, сахарной свеклы, бобов, кукурузы⁶. Члены животноводческих ученических бригад работали на фермах колхозов, совхозов, выращивали цыплят, кроликов, организовывали шефство над молодняком. Так, в 1958/59 учебном году 45 учащихся Вьюргинской средней школы под руководством директора тов. Крутько и в зимний, и в летний периоды организовали кормление, поение, дойку 100 коров, заготовили для них 1450

¹ XXII съезд КПСС. Стенографический отчет, т. III, М., 1962, стр. 317.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 485.

³ ПАГАО КПСС, ф. 1, оп. 12, л. 12, л. 87.

⁴ Текущий архив Горно-Алтайского обл.ОНО. Отчет за 1959/60 учебный год, л. 8.

⁵ ГАОСУ. Сведения об общественно полезном производственном труде учащихся VII—XI классов на начало 1962—1964 учебных годов.

⁶ Текущий архив Горно-Алтайского обл.ОНО. Отчет за 1959/60 учебный год, л. 8.

центнеров грубых и 1500 центнеров сочных кормов, утеплили скотный двор, провели к нему установку автопоильника на расстоянии 1 км. Опыт работы Бийергинской школьной животноводческой фермы подробно описан П. Костенковым и Г. Крутько.¹ В 1960 году кропотливым трудом членов 9 школьных животноводческих бригад выращено для колхозов и совхозов свыше 1000 кроликов и 42717 цыплят. Руками юных строителей подготовлено 858 погонных метров строевого леса к кладке стен, отремонтировано 840 парт, покрашено свыше 1000 кв. метров панелей.²

Широкую популярность завоевали летние лагеря труда и отдыха школьников. В 1963 году с помощью колхозов и совхозов они были созданы при Чергинской, Эликманарской, Мультинской, Усть-Канской, Ябоганской, Майминской школах.³ В лагерях производственная практика, общественно полезный труд сочетались с широкими оздоровительными и воспитательными мероприятиями. Спорт, художественная самодеятельность, книги, музыка, живопись, находились в распоряжении детей. Отдыхая и трудясь, Чергинские школьники наладили художественную самодеятельность, беседы, политинформации не только в лагере, но и выступали с концертами перед рабочими совхоза.

За хорошую работу в ученических бригадах и помощь сельскому хозяйству в 1959—1963 годах сотни школьников Горного Алтая награждены грамотами обкома партии, облисполкома, обкома комсомола, а ряд школ дипломами Министерства просвещения, Министерства сельского хозяйства РСФСР и ЦК ВЛКСМ. Только в 1963 году этими дипломами награждены Усть-Канская, Чергинская, Шебалинская средние школы.

Однако следует отметить, что отдельные работники народного образования смысл перестройки школы видели только в количественных показателях производительного труда учащихся. Между тем общественно полезный труд имеет громадное воспитательное значение. Результатами трудового воспитания должно быть умение вести школьное хозяйство, осуществление любого вида работы на основе достижений науки и техники, умелое сочетание труда умственного и физического, проверка и применение на практике полученных теоретических знаний. В этом отношении характерен опыт ученической бригады Эликманарской средней школы, в которой работало в 1962/63 учебном году 30 школьников, из них 14 трактористов-слесарей и 16 полеводов-механизаторов. Бригаду возглавлял Сергей Томишев, избранный общим собранием ее членов. Звеном прицепщиков руководил Сергей Тирин, ремонтников—Голя Саиридов, опытников—Гали Рогова. Готовясь к севу, учащиеся вывезли на поля колхоза «Герой труда» 600 тонн местных удобрений. Вместо 20 тонн по норме, ежедневно вывозили 30—35 тонн, отремонтировали 8 плугов. Саша Шибанев и Володя Кречетов привели в годное для работы состояние дуцильник.

Под руководством школьной партийной организации члены бригады организовали несколько встреч с передовиками колхозного производства, учились у них ведению хозяйства. Затем своими силами готовили семена к посеву, очищали и протравливали их. Во время посевной кампании самостоятельно устанавливали норму высева. Работали с большим энтузиазмом. Еженедельно в стенной печати подводили итоги. Вместе с колхозниками они в общей сложности обрабатывали, посеяли и

¹ ГАГААО, ф. 55, оп. 6, д. 21, л. 19.

² П. Костенков, Г. Крутько, Школьная животноводческая ферма Горно-Алтайское книжное издательство, 1959.

³ Текущий архив Горно-Алтайского облОНО. Отчет за 1959/60 учебный год, л. 9.

⁴ Текущий архив Горно-Алтайского обкома КПСС. Материалы пленума от 5 июля 1963 г., л. 26.

организовали уход за посевами кукурузы, ячмени, пшеницы, гороха, овощей на площади 465 гектаров. Подкормка, прополка посевов прошла организованно. В результате бригада собрала урожай зерновых на опытном поле 20 центнеров с гектара. Такого урожая в колхозе не видывали. Кроме основных полевых работ по уходу за посевами, опытничеством, коллектив школьной бригады заготовил для колхозного животноводства 1500 тонн силоса, высадил более 5000 корней плодовых и декоративных растений, обработал колхозный сад площадью в 10 гектаров, оборудовал кабинет машиноведения, летний школьный лагерь труда и отдыха, построил теплицу и спортивную площадку. Комсомольцы на полевых станах для колхозников поставили 16 концертов, прочитали 9 докладов, организовали библиотеку-передвижку. Обязательства были выполнены. Цель достигнута. Учащиеся испытывали большое удовлетворение от результатов своего труда. Об итогах работы за год школьники доложили на заседании правления колхоза «Герой труда» и сделали полезные рекомендации членам правления.

В некоторых школах экспериментальные работы на пришкольных участках велись по заданию опытно-показательных хозяйств, научно-исследовательских учреждений. В течение ряда лет по заданию Горно-Алтайской комплексной почвенной лаборатории института биологии Сибирского отделения Академии наук СССР ставили опыты учащиеся Шебалинской, Чергинской и других школ на учебно-опытных участках и полях колхозов, совхозов. Шебалинские ребята доказали, что предпосевная обработка семян сахарной свеклы марганцем дала урожай в 1961 г. — 310, в 1962 — 434 центнеров с гектара, а семена, высеванные без обработки, дали урожай 210—240 центнеров¹.

Положительное значение имело опытничество в Чемальской, Турачакской, Усть-Канской, Майминской средних и Ябоганской восьмилетней школах.

Серьезный труд в ученических бригадах, ясно осознанная цель, стремление вести хозяйство на научной основе с применением современной агротехники помогали учащимся проверить на практике основы знаний, полученные в школе, прививали коммунистическое отношение к труду, развивали чувство коллективизма, бережливое отношение к социалистической собственности, любовь к общественно полезному труду вообще и сельскохозяйственному, в частности. В. И. Ленин учил, что «воспитание коммунистической молодежи должно состоять не в том, что ей подносят всякие усладительные речи и правила о нравственности. Не в этом состоит воспитание... Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами»².

В результате перестройки народного образования труд, и умственный, и физический, прочно вошли в жизнь школ. Юноши и девушки, получившие аттестат зрелости, охотнее шли работать в колхозы, совхозы. Так, в 1956 году выпускники Турачакской средней школы вместе с классным руководителем А. И. Третьяковой выехали в совхоз «Краснодарский» Алтайского края. За хорошую работу и замечательный почин каждый из них награжден орденом «Знак почета», а тов. А. И. Третьякова — орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За освоение целинных земель». Вслед за ними выпускники Нижне-Уймонской, Кебезинской, последующий выпуск Турачакской школ в полном составе стали работать в колхозах и совхозах³. В 1962 г. — 434, а в 1963 г. — 270 человек молодых энтузиастов области пришли на

¹ Текущий архив Горно-Алтайской станции юных натуралистов. Материалы 5-го областного слета членов ученических бригад. Рапорт Шебалинской средней школы.

² В. И. Ленин. Поли. собр. соч. т. 41, стр. 313, 317.

³ ПАГАО КПСС, ф. 1, оп. д. 108, л. 17, 16.

животноводческие фермы, стали чабанами, доярками. Многие из них до этого работали в учебных бригадах¹.

Участвуя в производительном труде, большинство школьников успешно овладевали основами наук. Улучшилась их успеваемость и дисциплина. Если в 1951/52 учебном году успеваемость в области по результатам весенних экзаменов составляла 80,4, а в 1954/55 учебном году — 82,7%, то в 1962/63 учебном году она поднялась до 91,3%. После проверки знаний учащихся, оставленных на осень, успеваемость выражалась в 1960/61 г. — 94, в 1961/62 — 94,3, а в 1962/63 учебном году — 95,8%².

Вместе с тем, в школах Горного Алтая очень медленно снижалось количество второгодников. В 1952 г. их насчитывалось 1629, в 1961 — 1633, в 1963 — 1386 человек³. Наличие значительного количества второгодников свидетельствовало о необходимости совершенствования методов обучения, творческого подхода к каждому уроку.

Наряду с положительными результатами приближения обучения к жизни, в осуществлении закона о школе допущены существенные недостатки. Практическая деятельность показала, что сроки обучения в средней школе слишком растянуты. Есть полная возможность при новом содержании обучения среднее образование осуществлять в течение десяти лет. Учитывая это, ЦК КПСС и Совет Министров СССР в августе 1964 г. приняли постановление «Об изменении срока обучения в средних общеобразовательных трудовых политехнических школах с производственным обучением» до 10 лет. В неоправданном растягивании сроков обучения, несомненно, проявился субъективизм, при котором предпочтение отдавалось профессионализации в ущерб качеству общеобразовательной и политехнической подготовки учащихся. Трудовое обучение стало отождествляться с профессиональным и приобретать ремесленнический характер. Оно не обеспечивало в полной мере политехнических знаний о современной технике и производстве, слабо развивало творческое техническое мышление.

Классики марксизма-ленинизма, выдвигая идею слияния обучения с производительным трудом, имели в виду не ремесленническую профессиональную подготовку учащихся, а их общее политехническое развитие, которое дает возможность выпускникам средних школ быстрее и легче овладеть любой производственной профессией или специальностью. Более того, их идея всем своим острием была направлена против преждевременной профессионализации. В 1921 году, когда молодая советская страна переживала большие хозяйственные трудности и вынуждена была идти на слияние школ 2-й ступени с профтехшколами, В. И. Ленин требовал «дабы не было превращения в ремесленничество, надо установить следующие точные правила»: 1) избегать ранней специализации; разработать инструкцию об этом; 2) расширить во всех профтехшколах общеобразовательные предметы; 3) безусловным заданием поставить немедленный переход к политехническому образованию или, вернее, немедленное осуществление ряда доступных сейчас же шагов к политехническому образованию»⁴. В. И. Ленин подчеркивал, что из-за нищеты и разорения страны «мы вынуждены временно понизить возраст (перехода от общего политехнического к профессиональ-

¹ «Звезда Алтая», 9 октября 1963 г. Текущий архив Горно-Алтайского обкома КПСС. Материалы пленума от 5 июня 1963 г., л. 21.

² ПАГАО КПСС, ф. 1, оп. 8, л. 130, л. 70 Текущий архив Горно-Алтайского обл.ОНО. Отчет за 1962/63 учебный год.

³ ГАОСУ. Сведения об учащихся-второгодниках на конец 1962/63 учебного года: ПАГАО КПСС, ф. 1, оп. 12, л. 12, л. 88.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 228, 229.

но-политехническому образованию) с 17-ти лет до 15»¹. Ленинские указания предостерегают от недооценки общего политехнического образования и подмены его профессиональным. Ремесленничество порой приводило к тому, что у учащихся слабо развивались умения и способности к выполнению таких операций, как расчет, планирование, наладка, управление, контроль за работой механизмов, установление причин неполадок и неисправностей и их устранение, монтаж, рационализация, конструирование, изобретательство, а также навыки участия в политической, культурной, общественной жизни. Эти знания школьники должны были получать в процессе изучения основ наук и в системе трудового воспитания.

Работа по производственному обучению имела ряд недостатков организационного характера. Руководители колхозов, совхозов, промышленных предприятий, где проходила производственная практика, не всегда допускали школьников к машинам, доверяли им выполнять операции, связанные только с ручным трудом. Наблюдалась слабая техническая оснащенность производственного обучения в школах. О том, что стремление подрастающего поколения Горного Алтая к знаниям новейших достижений науки и техники полностью не удовлетворялось в результате школьного и производственного обучения, свидетельствовали прения на областных слетах членов ученических бригад. Выступая на 5-м слете (1963), комсомолец Чергинской средней школы Саша Осокин так выразил эту мысль: «В прошлом году нам ввели для изучения новый предмет — сельскохозяйственное машиноведение. Весной мы проходили практику в маралосовхозе. Я работал помощником прицепщика. Здесь и научился водить трактор. А вот в школе у нас даже нет самого старенького трактора. А так бы все ребята научились водить. И пришкольный участок обрабатывали бы машиной. А то лопатой да санкой. Разве это техника?»²

Выбор будущей профессии учащимися не простая проблема. Не у всех школьников склонности к той или иной профессии, специальности проявляются одинаково. У одних они проявляются в школе и имеют устойчивый характер. У других — позднее, уже в практической жизни. По этой и ряду других причин очень мало выпускников средних школ шло работать на производство по полученной в школе специальности. Так, в 1963 г. в Горно-Алтайской автономной области окончила среднюю школу 296 юношей и девушек. Из них только 18 человек, или 6% ко всем окончившим, поступило работать на производство по приобретенной в школе специальности, 79 человек, или 26%, поступили на работу, совершенно не сходную с полученной в школе специальностью, 173 человека, или 58%, стали продолжать обучение в вузах или средних специальных учебных заведениях³. Профессиональное обучение не оправдало себя.

Практика подтвердила, что при ограниченном количестве часов, отводимых на производственное обучение в десятилетней школе, нельзя обеспечить полноценную профессиональную подготовку учащихся на уровне требований современного производства. Разумнее было использовать эти часы на политехническое обучение, изучение курса «основ производства» и участие школьников в производительном труде. Для учащихся, желающих овладеть конкретной специальностью, можно было ввести факультативные занятия, используя для этого школьные учебно-производственные мастерские, опытные участки и лаборатории, учебные места на предприятиях, в колхозах и совхозах, препо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 323.

² «Звезда Алтая», 9 октября 1963 г.

³ ГАОСУ. Подсчитано по отчету о трудоустройстве и дальнейшем обучении молодежи, окончившей средние общеобразовательные школы в 1963 г. Форма ГМ.

давателей-специалистов, которые могли обеспечить преподавание общетехнических дисциплин, курса «основ производства» и факультативных предметов. Требовали дальнейшего развития такие удачные формы организации производительного труда школьников старших классов, как ученические бригады в колхозах и совхозах, на стройках и промышленных предприятиях, сельскохозяйственное опытничество, летние школьные лагеря труда и отдыха. При этом возникала необходимость совершенствования работы ученических бригад. Практика показала, что в сельском хозяйстве за ними не нужно закреплять слишком большие земельные участки в 300—600 гектаров. При недостаточной обеспеченности сельскохозяйственной техникой это вызывало перегрузку учащихся однообразным физическим трудом, который давал ограниченное образовательно-воспитательное воздействие. Обычно в таких случаях работу по обслуживанию машин и механизмов выполняли взрослые механизаторы, а школьники использовались на неквалифицированных ручных работах. Нельзя было впадать и в другую крайность — организовывать работу бригады на небольшом земельном участке, так как колхоз не давал согласия закреплять на таком участке технику. Он выполнял здесь предпосевную обработку почвы, в срок проводил сев, а труд учащихся опять таки сводился к ручным работам. В ряде школ ученические бригады создавались лишь на время производственной практики. Между тем они могли действовать на протяжении всего учебного года, как форма трудового воспитания. Особенно это относится к тем бригадам, которые работали в области животноводства, строительства.

Опыт развития народного образования в Горном Алтае в последние годы, как и всюду в стране, показал, что нуждаются в сокращении учебные программы в 5—8 классах по различным предметам. Из них можно исключить много устаревшего и второстепенного материала. Разгрузить программы старших классов поможет практическое применение ценных исследований АПН РСФСР о переходе на трехлетнее обучение в начальной школе. Экспериментальная работа ученых в ста школах республики показала, что при наличии достаточно подготовленных педагогов и хорошо организованного учебно-воспитательного процесса, учащиеся начальных школ без особого напряжения осваивают четырехлетнюю программу обучения за три года. Трехлетнее обучение в начальной школе дает возможность начать систематическое изучение основ наук с 4-го класса, значительно повысить уровень среднего образования.

Приближение обучения к жизни, потребность перехода на односменные занятия, увеличение контингента учащихся в школах Горно-Алтайской автономной области требовали усиления школьного строительства. Несмотря на относительно высокие темпы строительных работ в последние годы, к началу 1963/64 учебного года только 33,4% школ области вели занятия в одну, а 66,6% — в две смены. Спортивные залы работали в 30 школах. Только в 28 школах действовали 34 группы продленного дня¹. Чувствовался недостаток помещений для специализированных кабинетов. Все это ограничивало возможности учебной работы, а также общественного и внеклассного воспитания детей.

Перестройка народного образования, практика коммунистического строительства привели к дальнейшему сближению в Горном Алтае русских и алтайских школ. Между ними больше общего, чем национально-особенного. Общее у них, прежде всего, то, что связано с утверждением и развитием социализма, строительством материально-техни-

¹ ГАОСУ. Подучитано по сведениям о площади классных комнат, количестве кабинетов, односменных и двухсменных занятиях в школах Горно-Алтайской автономной области на начало 1963/64 учебного года в разрезе районов.

ческой базы коммунизма, что является завоеванием всех народов нашего многонационального государства. Социалистические производственные отношения, дружба народов, руководящая роль Коммунистической партии, безраздельное господство марксистско-ленинской идеологии, единая цель — построить коммунизм, укрепить общественную социалистическую собственность, один и те же науки, изучаемые учащимися, один и те же правила поведения и принципы коммунистического воспитания — вот то общее, что объединяет русские, алтайские школы со школами других народов Советского Союза. Главное различие выражается прежде всего в языке, который наряду с другими элементами определяет форму национальной культуры. Победа социализма и всенародная борьба за создание материально-технической базы коммунизма создали благоприятную почву для взаимовлияния и взаимообогащения языков. Русский язык становится вторым родным языком алтайцев. Неслучайно по итогам переписи населения СССР в 1959 году 11,5% алтайцев¹ назвали русский язык своим родным языком. К изучению русского языка в школах проявляется не меньший интерес, чем к родному языку. Об этом свидетельствовали показатели успеваемости школьников по русскому и родному языкам за последние годы. В этом отношении особенно характерны Горно-Алтайская областная национальная и Шибалинская средняя школы, где обучались дети из многих начальных малокомплектных алтайских школ.

Средняя годовая успеваемость по языкам

	русскому 100	алтайскому 95
В 1963 г. в 5 классах обмещшколы ²		
В 1964 г. в 5, 6, 7, 8, 9 классах Шибалинской средней школы ³	98,3	98,4
В 1965/66 учебном году во всех классах обмещшколы ⁴	98,6	98,8
В 1962/63 учебном году ⁵	98,6	99,2

Практика некоторых школ свидетельствует и о другом. В тех национальных школах, особенно начальных, где учителя недостаточно грамотны по русскому и родному языкам, учащиеся, как правило, имели низкую успеваемость. Так, в 1954/55 учебном году, несмотря на огромное желание изучать русский и родной языки, учащиеся, пришедшие в 5-е классы Онгудайского аймака, дали годовую успеваемость по русскому языку — 79,8%, по родному — 67,8%⁶. Во многих национальных школах Горного Алтая обучение по желанию родителей фактически уже ведется на русском языке. Так, в 1963/64 учебном году из 79 алтайских, казахских, смешанных школ, обучение на алтайском языке велось в 36 начальных и одной восьмилетней, на казахском — в одной начальной школах, что составило 45,1% к общему числу нерусских школ. Из 8381 человека алтайских и казахских школьников училось на родном языке 4659 человек, или 55,5%, на русском — 45,5%⁷. До 1951 года коренизация учебного процесса в нерусских школах осуществлялась с 1-го по 7-й класс, а с 1951 года по 5-й класс включительно. В последние годы со стороны общественности и родителей высказывались предложения двойного рода: с одной стороны — обучать детей на

¹ ГАОСУ. Материалы переписи населения Горно-Алтайской автономной области, 1959.

² ГАГААО, ф. 55, оп. 6, д. 146, лл. 31, 37.

³ ГАГААО, ф. 55, оп. 6, д. 147, лл. 8, 10, 11.

⁴ ГАГААО, ф. 55, оп. 10, д. 168, лл. 5, 1.

⁵ Текущий архив Горно-Алтайской областной национальной школы. Отчет за 1962/63 учебный год.

⁶ ГАГААО, ф. 55, оп. 6, д. 152, л. 2.

⁷ Подсчитано по данным ГАСОУ. Сведения о распределении школ и учащихся по языку обучения на начало 1963/64 учебного года.

родном языке до 4-го класса, а с другой, — вести обучение по просьбе родителей в ряде школ на русском языке, начиная с 1-го класса. В нашей стране предоставлена каждому гражданину СССР полная свобода «голосить, исключать и обучать своих детей на любом языке, не допуская никаких привилегий, ограничений или принуждений в употреблении тех или иных языков»¹. По желанию родителей только за 2 года (1962—1963) перешли полностью на русский язык обучения 9 национальных школ и в 3-х алтайских школах — первые, вторые классы².

Добровольное стремление родителей учить детей на русском языке имеет положительное значение, так как оно способствует взаимному обмену опытом и еще большему приобщению алтайской народности к достижениям всех народов СССР и мировой культуре. Русский язык «фактически стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР», — говорится в Программе КПСС.

Поскольку в период развернутого строительства коммунизма в Горном Алтае приобрели актуальное значение вопросы двуязычия, дальнейшего развития алтайского литературного языка, методики преподавания русского и родного языков в национальных школах — эти вопросы стояли в центре внимания 3-й Горно-Алтайской научно-практической конференции (июнь 1964 г.), наметившей пути их решения. Значительное внимание участники конференции отводили вопросу желания родителей учить детей на русском языке. В решениях конференции подчеркивалось, что для успешного обучения учащихся алтайцев на русском языке роль родного языка, как первого помощника, должна возрастать. В школе ребенок может сознательно усваивать знания, особенно в первоначальный период обучения, только тогда, когда эти знания сообщаются ему на родном языке, что «Алтайский язык и впредь должен изучаться и развиваться, как национальный язык алтайского народа»³.

Вместе с тем, участники конференции большое внимание уделили совершенствованию преподавания русского языка в национальной школе и желанию родителей учить детей на русском языке. Конференция подтвердила, что этот вопрос должен решаться постепенно с учетом состава населения, степени подготовленности детей к обучению на русском языке. Важнейшее значение в этом отношении имеет усовершенствование учебных планов, программ, методики преподавания, учебников, переподготовка и подготовка, правильная расстановка педагогических кадров, особенно языковедов, прекрасно владеющих русским и алтайским языками.

Решение данной проблемы зависит и от дальнейшего укрепления учебно-материальной базы национальных школ, от полного обеспечения их требующимся оборудованием, учебными и наглядными пособиями, кинопроекционной аппаратурой и другими техническими средствами. В этой связи следует отметить, что в целом во всех школах Горного Алтая очень медленно происходило применение в учебно-воспитательной работе кино, диафильмов, диапозитивов, магнитофонов и т. д. На начало 1963/64 учебного года в 251 школе области насчитывалось 34 звуковых киноустановок, 31 радиоприемник, 3 телевизора. В большинстве национальных школ этих средств не имелось. Такая база была недостаточной для широкой кинофикации процесса обучения. Между тем, она должна занять большое место, особенно в школах, начинающих учебно-воспитательный процесс впервые на русском языке.

Огромная тяга алтайского народа, школьников к изучению русского языка, к обучению на русском языке есть проявление общей зако-

¹ XXII съезд КПСС. Стенографический отчет, т. III, М., 1962, стр. 314.

² «Звезда Алтая», 24 июня 1964 г.

³ Там же.

номерности развития и сближения национальных культур в период разветвленного строительства коммунизма.

Таким образом, после окончания Великой Отечественной войны, руководствуясь решениями XIX, XX, XXI, XXII съездов КПСС, Горно-Алтайская областная партийная организация добилась немалых успехов в развитии народного образования, в приближении школ к жизни, к практике коммунистического строительства. За 1946—1954 годы значительно укрепилась учебно-производственная база школ, найдены удачные формы приобщения учащихся к производительному и общественно полезному труду, осуществлена подготовка и переподготовка педагогических кадров. Опыт Горно-Алтайских школ является убедительным доказательством правильности и жизненной необходимости укрепления связи школ с жизнью. Выпускники школ значительно лучше подготовивались к жизни, охотнее шли работать в сферу материального производства.

Содержание школьного обучения продолжает совершенствоваться. Опираясь на накопленный опыт и преодолевая недостатки в трудовой подготовке учащихся, партийные организации, работники народного образования ищут новые формы обучения и коммунистического воспитания подрастающего поколения.

В. И. БОГДАНОВ

ИЗ ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ РУССКИМИ ЧАРЫШСКОЙ ДОЛИНЫ ГОРНОГО АЛТАЯ

История заселения русскими территории Талицкого сельсовета Усть-Каинского района Горно-Алтайской автономной области выяснилась автором в связи с изучением говора жителей этой местности, в основном рабочих Талицкого маралосовхоза и членов их семей. Диалектологическая направленность работы сказывается в отборе и изложении материала¹.

Для выяснения истории заселения названной территории использованы имеющаяся литература (часть ее указана в списках), некоторые архивные материалы и рассказы старожилов, беседы с которыми проводились в диалектологических экспедициях Горно-Алтайского пединститута в 1959, 1960 и 1961 годах.

ЗАСЕЛЕНИЕ РУССКИМИ ГОРНОГО АЛТАЯ КАК ЧАСТЬ ПРОЦЕССА ЗАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ

Как известно, Горно-Алтайская автономная область, до 1948 г. называвшаяся Ойротской, была образована в 1922 г. на территории бывших «инородческих земель», население которых с 1756 г., т. е. после добровольного присоединения Горного Алтая к России, платило русскому царю ясак и управлялось затем по Уставу 1822 г. об инородцах. Частично, небольшой полосой, в западную часть области вошли так называемые «кабинетские земли» бывшего Алтайского горного округа, и том числе большая часть территории Талицкого сельсовета.

200 лет тому назад на территории современной Горно-Алтайской области жили только десятки «забежавших в камень» русских, а считая с Бухтармой (Южный Алтай, территория современной Казахской ССР), — сотни.

Заселение Горного Алтая русскими — органическая составная часть процесса заселения Сибири в целом, одна из ветвей движения русского населения с севера на юг; это движение значительно отличалось от широтного движения по Сибири с запада на восток как по срокам и темпам, так и по исторически сложившимся формам².

В 1586 г. была основана Тюмень, а уже в 1649 г. Дежнев основал Анадырский острог. Иными темпами шло движение русского населения

¹ Ограниченность объема статьи заставила излагать материал очень сжато.

² Подробности см., напр., в книге В. В. Покшишевского «Заселение Сибири». Иркутск, 1951, стр. 3 и др.

в южную часть Сибири: Томск был основан в 1604 г., а в 1756 г. Горный Алтай присоединился к России, но только в 1865 г. теленгиты юго-восточного Алтая, окончательно вошли в состав России. Еще в 1859 г. Кош-Агач был только складом товаров купцов, торговавших с Китаем и Монголией на Чуйских ярмарках.

Только к середине XVIII в. русские форпосты на Иртыше связались с Кузнецком не через Барабу, а через Алтай, однако с обходом Алтайских гор, — Кузнецко-Колыванской укрепленной линией, шедшей от Усть-Каменогорска по Убе через Змеиногогорек, Колывань и Бийск на Кузнецк. Так были закреплены за Россией лесостепенные пространства между Иртышом, Горным Алтаем и Обью.

Но уже тогда беглые заводские рабочие и крестьяне, переходя пограничные казачьи линии, селились в долинах Горного Алтая. «По сведениям Главной Барнаульской Чертежной, площадь от бывшей Колыванской линии до китайских границ составляла 8626000 десятин земли. Освоение такого количества земель было просто не под силу одним алтайцам. В этих условиях увеличение удельного веса русского крестьянства, проникавшего во все места расселения алтайцев, сыграло большую положительную роль»¹.

Движение русских по Сибири на восток сопровождалось основанием острожков, превращавшихся в города, постепенное обрастание деревнями. Заселение же алтайских степей и предгорий было связано с созданием крепостей, укрепленной линии и основанием горных заводов и сел при них, с переселением в эти села государственных крестьян (больше всего из Зауралья) и ссылки.

Основную массу первозасельцев Сибири, и том числе и Алтая, составляли выходцы из северных областей Европейской России. После отмены крепостного права и открытия в 1865 г. Алтайского горного округа для колонизации алтайские степи все больше, особенно в конце XIX — начале XX вв., становятся главным в Сибири местом для переселения крестьян из самых разных, а главным образом из южных губерний, о чем подробные сведения находим в работах В. В. Покшишевского², С. П. Швецова³ и других авторов.

Иначе происходило заселение русскими долин Горного Алтая. Оно не только в раннюю пору, но и позже является типичным примером того, что Покшишевский назвал «ползучей миграцией», схема которой в данном случае такова: северные губернии Европейской России — Зауралье — предгорья Алтая — горные долины Алтая.

В последней ступени этой миграции надо и по историческим срокам и по составу переселенцев различать две ветви: примерно с середины XVIII в. вверх по течению рек Убы, Ульбы, Чарыша, Бухтармы с запада проникают в горы бедные горнорабочие и крестьяне прикрепленных к заводам сел, позже, в XIX в., с севера проникают в горы крестьяне главным образом из северных уездов Томской губернии. В обоих случаях сибиряки-старожилы передвигались в одиночку или небольшими группами, устраивая заимки, потом преобразовавшиеся в деревни. В обоих случаях среди заимочников велика была доля старообрядцев.

Итак, первым источником движения русских людей в долины Горного Алтая были заводы, рудники и села Алтайского горного округа.

¹ П. Е. Тадеев. Поворотный пункт в истории Горного Алтая. В сб. «Великая дружба», Горно-Алтайск, 1956, стр. 35.

² Колыванский завод был основан в 1723 г., Барнаульский — в 1739 г., Змеиногогорский — в 1743 г.

³ Указ соч.

⁴ С. П. Швецов. Кочевники Бийского уезда, вып. 1 — В кн. «Горный Алтай и его население», т. 1, Барнаул, 1900.

Основанные в 20-х годах XVIII в. уральским заводчиком Демидовым, заводы эти в 1747 г. были «взяты в кабинет» и вместе с огромными землями и лесными дачами стали собственностью крупнейшего в России помещика и заводчика — царской семьи.

К Алтайскому горному округу как императорскому имению с его военно-заводским режимом полностью относится то, что писал Ленин в старом Урале: «В основе «организации труда» на Урале издавна лежало крепостное право, которое и до сих пор, до самого конца 19-го века, дает о себе знать на весьма важных сторонах горнозаводского быта. Во времена оны крепостное право служило основой высшего процветания Урала...»¹

В 1747 г. на алтайских заводах и при них работали тысячи рабочих и крестьян², значительную долю населения составляли солдаты и казачья крепостей и заводская охрана³. К 1861 г. рабочих и крестьян при Колыванно-Вокресенских заводах было около 300000 душ мужского пола⁴, значит, все население округа составляло больше 600000 человек.

Заработок этих рабочих и крестьян был много ниже обычного, да и не выдавался вначале на руки, а шел в счет подати. В призаводских деревнях набирались рабочие в счет рекрутчины. Крестьяне обязаны были подвозить лес, дрова, руду, выполнять и другие работы, поставлять продукты питания.

Это было крепостное право, заводская барщина в особо жестокой форме военно-заводского режима. За невыход на работу, за малейший протест жестоко наказывали. Разными путями пытались крепостные избавиться от военно-заводской каторги⁵, были попытки восстаний⁶, многие рабочие и крестьяне убегали в горы. Начальство посылало в горы воинские команды ловить беглецов; многих настигали, но все равно ловить не удавалось.

С 1808 г. ссылка на Алтай была прекращена. В XVIII же веке ссылка в Алтайский горный округ применялась широко. Ссылали сюда, в частности, старообрядцев. Так, в 60-х годах XVIII в. вблизи алтайских заводов были поселены старообрядцы из Вятской губернии и так называемые «поляки» — русские старообрядцы, выселенные из с. Ветка, что на р. Сож (приток Днепра), потомки старообрядцев, бежавших еще в XVII в. из южных областей Московского государства за польскую границу. Другая часть петкопцев была поселена в Забайкалье, там они получили прозвище «семейские». Их быт и говор исследовал А. М. Селищев. Широко используя имеющуюся литературу, Селищев в книге «Забайкальские старообрядцы Семейские» (Иркутск, 1920) изложил и историю этой своеобразной группы сибирского населения. Досиби́рская часть этой истории полностью относится и к «полякам» Алтай.

Исторический и этнографический материал о жителях южных и за

¹ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, стр. 48.

² См., напр., М. Ф. Розен. Очерки по истории горного дела на Алтае. Алт. книжн. изд-во, 1955, стр. 23.

³ Чтения, т. 4, 1886, стр. 18—19, см. и цитир. статью П. Е. Тадышева, стр. 13.

⁴ См. Р. А. Мазин. К вопросу о роли миграции населения в освоении юго-восточной Западной Сибири. — Известия Алтайского отдела Географического общества СССР, вып. 1, Барнаул, 1961, стр. 5.

⁵ См., напр. Н. Савелов. Крестьянская реформа 1861 г. на Алтае. Барнаул, 1950, стр. 19.

⁶ См. документальный очерк Вл. Филова «Пугачевцы на Алтае». Барнаул, 1955; см. также «Из истории классовой борьбы на алтайских горных предприятиях в XVIII в. Т. Агаповой в «Краеведческих записках Алтайского краевого музея», вып. 1, Барнаул, 1956, стр. 69—91; см. в том же сборнике публикацию документов XVIII в. при статье В. Г. Филова «Отклики пугачевского движения на Алтае».

надных предгорий Алтая находим у многих авторов. Это сведения о бухтарминских и уймонских «каменщиках», об убинских и ульбинских «поляках» и о других алтайских «кержаках», как обобщенно звали и еще зовут в Сибири старообрядцев. Находим в этих источниках кое-что и о «кержаках» северных предгорий Алтая — села Алтайского и соседних сел, но почти ничего не находим о верхнечарышской группе сел (Коргон, Чечулиха, Талица и др.).

Поселенные на Алтае «поляки», как и другие старообрядцы, обязаны были обслуживать заводы, а во второй половине XIX в. оказались в обстановке главного в Сибири театра переселенчества, оживленных экономических связей быстро развивавшейся юго-западной окраины Сибири. Здесь «кержаки» еще до революции с каждым новым поколением заметно отходили от старины. Зато самые упорные из них хранители «древлего благочестия», как и некавшие свободных земель, уходили в верховья рек, в горы, где они были недосыгаемы для начальства и, до поры до времени, для новых веяний жизни.

Уже к середине XVIII в. тайная колонизация Бухтармы беглыми рабочими, крестьянами и солдатами, «кержаками» и некержаками, приняла широкий размах. Горнозаводское начальство высылало экспедиции для разгрома бухтарминских поселений «каменщиков», те уходили еще дальше в горы, в самые непроходимые и труднодоступные места, отодвигая таким образом на юг и на восток линию русской колонизации далеко вперед от военно-пограничной линии. Эти ушедшие «в камни» русские люди, став горцами, не теряли связей с предгорьем, где обменивали добычу охоты на хлеб, соль и т. д. В предгорьях они находили себе и жен.

В 1763 г. была основана Бухтарминская крепость, в 1784 г. были открыты Риддерский и Бухтарминский рудники, а в 1791 г. — Зырянский, и доступ к поселениям «каменщиков» стал легче. К тому же три года подряд был неурожай. В таком положении бухтарминские «каменщики» попросили царское правительство принять их в подданство на правах «инородцев», чтобы тем избежать возвращения в крепостное состояние и горнозаводской каторги.

В 1792 г. Екатерина II «помиловала» «каменщиков» и, приняв их в подданство, обложила исаком, т. е. податью в виде взноса в казну шкур пушного зверя. Таким образом «каменщики» были зачислены в «инородцы», и долго эти русские люди называли себя инородцами, называли даже с гордостью, поскольку своей горной труднодоступностью отстояли

¹ П. С. Палли. Путешествие по разным местам Российского государства, т. II, ч. 2, СПб, 1786.

Karl Friedrich von Ledebur. Reise durch Altai-Gebirge. Berlin, 1829—30.

А. Притц. Каменщики, исаачные крестьяне Бухтарминской волости, Томской губернии — Записки Русского Географического общества по общей географии, т. 1, СПб, 1867.

Н. М. Ядринцев. Раскольниковы общины на границе Китая. — Сибирский вестник, 1886, кн. 1.

С. Л. Чидновский. Раскольники на Алтае. — Северный вестник, 9, СПб, 1890.

А. Михайлович. Русская колонизация горного округа Алтая. — Тобольские губернские ведомости, 1896.

Д. Н. Беликов. Первые русские крестьяне-населенники Томского края. — Научные очерки Томского края, Томск, 1898.

М. Швецова. «Поляки» Змеиногорского округа. — Записки Западносибирского отдела РГО, кн. XXVI, Омск, 1899.

Г. Д. Гребенщиков. Река Уба и убинские люди. — Алтайский сборник, т. XI, Барнаул, 1912 г.

А. Новоселов. Отчет о поездке на Алтай. — Известия Зап.-Сиб. отд. РГО, вып. 2, 1913, Его же. Умирающая старина. Записки Семипалатинского подотдела Зап.-Сиб. отд. РГО, вып. X, Семипалатинск, 1915.

А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы. Семейские Иркутск, 1920;

Е. Э. Блоквист и Н. П. Гринкова. Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930.

освобождение от крепостной заводской и от воинской повинностей. Правда, через 100 лет они лишились льготы освобождения от воинской повинности, а итак еще раньше был заменен денежной податью. Но прозвище «ясашный» и по сей час памятно на Бухтарме, как и на Уймоне, помнят его и верхнечарышские соседи «каменщиков».

В XVIII в. верхнечарышские горные долины были бездорожной глухоманью и, несомненно, одним из приютов беглецов из предгорья, в большей части — старообрядцев, в их числе были и так называемые «поляки». Правда, в годы наших экспедиций потомки «поляков» оказались здесь небольшой частью населения, но, по рассказам стариков, раньше «поляков» тут было больше. Известно, что в 1929 году в селах западно-алтайского предгорья насчитывалось около 40 тысяч «поляков»¹.

Во второй же половине XVIII в. заселялись русскими ущелья Аргута, притока Катуня. Здесь первые русские поселенцы на территории современной Горно-Алтайской области долго скрывались от горного начальства. К трудностям природным здесь добавлялась необходимость ладить с алтайскими зайсанами и скрываться от китайских отрядов, еще в середине XVIII в. доходивших до Чарыша, шла опустошительная война маньчжурской династии с Джуитарией. Обнаруженные все-таки воинской командой, аргутские «каменщики» вынуждены были изъявить покорность, вслед за чем они поселились на Катуня, образовав в конце XVIII в. одно из первых русских и первых оседлых поселений на территории современной Горно-Алтайской области — дер. Верхний Уймон. Как и бухтарминцы, уймонцы были зачислены в ясачные «инородцы», причем и через сто лет пользовались льготами, утраченными бухтарминцами, в частности освобождением от воинской повинности, явню потому, что находились на территории «калмыцких кочевий». В 1824 г. в Верхнем Уймоне, по Ледебуру (см. указ. соч.), было всего 4 двора, но Михайлович (в указ. соч.) справедливо сомневался в точности этих данных, считая, что многие уймонцы жили на заимках.

В 1800 г. в с. Верхний Уймон считалось 93 двора. Уймон издавна был связан со степью, вплоть до Бийска, Уймонским трактом, что сыграло свою роль и в развитии говора уймонцев, акающего на севернорусской основе.

Уймон вместе с Бухтармой на юге и с долинами Верхнего Чарыша на северо-западе составляют ту юго-западную часть Горного Алтая которая на карте в указанной выше книге В. В. Покшишевского заштрихована как заселенная русскими еще в XVIII в., т. е. не только задолго до мероприятий губернаторства по заселению Чуйского и Уймонского трактов, но и до деятельности Алтайской духовной миссии.

Известно, что до 1865 г. Алтайский горный округ был закрыт для колонизации, а заселение «инородческих земель» было ограничено разрешено только в 1879 г. В этих условиях большую роль в заселении русскими Горного Алтая, уже не с запада, а с севера, сыграла упомянутая миссия, основанная в 1828 г. «С этого времени появляются села Улала, Майма, Чемад, Черный Ануи и др.»².

Бюрократизм и волокита, путаница в землеустроительных распоряжениях правительства вплоть до революции делали весьма болезненным делом заселение даже Чуйского тракта, тогда колесно-гужевого, и сел, основанных Алтайской православной миссией. И все же заселение шло, росло. К 1825 г. к югу от Кольвано-Воскресенской линии была образована Алтайская волость в составе 21 селения, а всего среди алтайских кочевий насчитывалось 54 русских селения с 2500 душами обоего по-

¹ Сибирская сов. энциклопедия. Т. I, Новосибирск, 1929, стр. 79.

² Сиб. сов. энциклопедия. Т. I, Новосибирск, 1929, стр. 79. См. также Л. П. Поляков. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1963, стр. 199, 249 и др.

К концу 50-х годов XIX в. духовная миссия основала до 20 оседлых селений новокрещенных алтайцев и до 10 начальных школ. К 1897 г. миссионерских селений стало 192, а к 1910 г. — 380, основано 25 миссионерских станций, 92 церкви и молитвенных домов, 3 монастыря, 3 детских приюта, 60 школ.¹

Важно отметить, что в миссионерских селениях поселялись не только обращенные в христианство алтайцы, в них привлекались — для примера алтайцам в оседлой жизни, в ведении хозяйства и в соблюдении обрядов — и православные русские. В эти селения, на их земли тянулись и старообрядцы, отталкиваемые духовной миссией, но привлекаемые жирными землями, а кулацкая часть — и возможностью широкой эксплуатации алтайцев.

Интересно свидетельство деятеля духовной миссии В. Вербицкого о том, что русскую часть миссионерских сел составляли сибирские старожила: «При заведении оседлых аялов из кочевьев встретила крайняя необходимость в крестьянах, уже обрусевших (так у автора, В. Б.), для обучения инородцев, — сих младенцев — домохозяйству, земледелию, русскому языку, христианским обычаям в семейном быту, порядку в быту общественном, благочинию в исполнении обрядов церковных и т. п. Поэтому миссия склонила некоторых соседних с Алтайскими горами крестьян переселиться в горы, в основание каждому племени новокрещенных инородцев. Крестьяне, проведая что в Алтае жить весьма удобно: хлеб родится хорошо, скоту и пчелам раздолье, бурянов нет, стали заводиться и отдельными от миссии деревеньками. Таким образом из коренных жителей Алтайских гор образовался новый народ: новокрещенные инородцы, а к ним присоединились и сибирские крестьяне»².

В последние десятилетия перед революцией переселение в Сибирь сильно возросло. Если к 1861 г. русское население Сибири достигло 2 млн., а к концу XIX в. — более 5 млн., то к 1917 г. русских в Сибири было почти 10 млн. человек. В разные годы перед революцией от 30 до 47% переселенцев, направлявшихся в Сибирь, поселялось в степных уездах Томской губернии, главным образом в Алтайском округе. В 1895—1904 гг. на алтайские степи приходилось около половины сибирских переселенцев.

Уже в горные промыслы, пришедшие в упадок после реформы 1861 г., а земля привлекала переселенцев на Алтай, потому что «степные окраины были в пореформенную эпоху колонией центральной, давно заселенной Евр. России. Обилие свободных земель привлекало сюда громадный приток переселенцев, которые быстро расширяли поселы»³.

«Алтайский округ» — писал С. П. Швецов в брошюре для переселенцев, — самый хлебный не только во всей губернии, но и во всей Сибири, здесь «все самые хлебоборозные уезды не только в Томской губернии, но и всей Сибири. Сюда-то и направлялись много лет тысячи переселенческих семей»⁴. Подавляющее большинство их оседало именно в степи, и лишь очень немногие попадали в Горный Алтай. Например, из 134761 чел., переселившихся из Европейской России на Алтай за 1888—1893 гг., только 90 человек пришлось на Горный Алтай⁵.

Очень различен и состав переселенцев по местам их выхода, заселивших степи Алтай и горные долины его. По подсчетам В. В. Покшищенского, $\frac{1}{2}$ сибирских переселенцев 1896—1912 гг. приходилось по

¹ Указ соч. Л. П. Потыпин.

² В. Вербицкий, Записка конвоего алтайца — Вестник РГО, 1858, II, часть 24, отд. II, стр. 106.

³ В. Н. Левин, Палео собр. соч., т. 3, стр. 253.

⁴ С. П. Швецов, Сибирь: кто в ней живет и как живет СПб, 1909, стр. 31 и 11.

⁵ Р. А. Мальков, Указ соч., стр. 6.

происхождению на 4 группы губерний: Центрально-Черноземную, «Малороссийскую», Новороссийскую и Западную Европейский Север в пореформенное время почти незаметен в потоке сибирских переселенцев. Однако сибиряки, потомки старинных выходцев с Севера, тоже участвуют в потоке переселения в порядке вторичной и других степеней «поздней миграции», и для Горного Алтая это особенно характерно.

После поездки в 1873 г. по Алтаю томского губернатора Супруненко было намечено 26 пунктов для заселения русскими крестьянами по Чуйскому и Уймоискому трактам и вблизи них. В 1909 г. Швецов так отзывался о результатах этой меры: «На инородческих землях Бийского уезда было нарезано 26 участков для переселенцев еще лет 30 назад. Некоторые из них заселены, другие и теперь пусты — места, неудобные для хлебопашества. Да и те, что заселены, заселены не переселенцами из внутренних губерний, а больше алтайскими же крестьянами, только из других волостей»¹. Об этих крестьянах-сибиряках, ославшихся на дачные Швецова и другие, Pokишишевский писал: «Роль «отборных» пионеров, наиболее способных к освоению трудных местностей, не смущавшихся и непривычными условиями, сохранялась за переселенцами из среды самих сибирских старожилов. Так вербовалось, например, население для пограничных местностей в Усть-Каменогорском и Зайсанском уездах, по Чуйскому и Уймоискому трактам, преследовавшей цели укрепления границы и обеспечения торговых коммуникаций с Монголией»².

В намеченные томским губернатором трактовые пункты переселенцы приглашались и землеустраивались на основании особых временных правил 1879 года. Землеустройство это связано было с такой волокитой, что у переселенцев часто возникали недоразумения и столкновения с коренным населением. Многие переселенцы уходили восвояси. В другие села, т. е. в подавляющее большинство сел Горного Алтая, переселенцы не приглашались. Тем труднее было устраиваться здесь несибирякам. Соотношение, вытекающее из данных Швецова о 14 (из 26 намеченных к заселению) населенных пунктах — подавляющее большинство выходцев из более северных уездов Томской губернии, старожилов Сибири — проявляется в составе всего русского населения Горного Алтая, взятого в целом к началу XX века.

ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ АЛТАЙСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА — ИСТОЧНИК ЗАСЕЛЕНИЯ ГОРНЫХ ДОЛИН ВЕРХНЕГО ЧАРЫША И ЕГО ПРИТОКОВ

Во второй четверти XVIII в. долины Верхнего Чарыша были заграждены, притом это были незнакомые, неисследованные места. Недалеке от линии крепостей и заводов горные долины разведывались «промышленниками», т. е. охотниками; более глубокую разведку производили беглецы. В XVIII в. «беглецы и ссыльные, успевшие перебраться за границу, после долгих и трудных странствований устраивали там поселения... Для отыскания таких незаконных выходцев, посылаемы были от времени до времени небольшие отряды. Походы отрядов и частые побегі раскольников из русских владений способствовали также распространению сведений об этом крае»³.

Эти беглецы, смелые землепроходцы, селились в горах Алтая за-

¹ С. П. Швецов. Сибирь, стр. 27. Интересные цифровые данные по этому вопросу, по результатам переписи 1897 г. см. в указанной уже работе Швецова «Кочевники Бийского уезда».

² В. В. Pokишишевский. Указ. соч., стр. 179.

³ Карл Риттер. «Землеведение Азии». Т. II. СПб. 1859, стр. 297.

долго до освоения их горнозаводской администрацией. Они начали осваивать Горный Алтай не позднее середины XVIII в., а скорее — еще раньше.

В 1792 г., после указа Екатерины II «Беглым Российским людям, укрывающимся в Бухтарминских горах», канцелярия заводов поручила Л. Феденеву описать сказочное «Беловодье» и составить карты верхнего участка Бухтармы. В составленной Фединевым «Росписи беглых людей, которые поступили в ясак и с их семействами» числится 131 мужчина. Из них 26 человек жили в этих местах до десяти лет и более, а 70-летний Василий Гаврин, бывший казак Иркулиской крепости, прожил на Бухтарме 30 лет.¹ В. Гаврин, конечно, не был первым засельщиком Бухтармы, и вообще Фединев не мог в конце XVIII в. собрать на месте точные сведения о них. Если уже «в 1761 г. в вершинах Бухтармы были открыты правительством 17 деревень каменщиков из беглых людей»,² то поселились они там, конечно, задолго до 1761 г.

Одним из первых русских бухтарминцев был легендарный Афанасий Селезнев, неоднократно убежавший с завода и из тюрьмы.³ Народным легендам о Селезеве подобны бытующие еще и ныне в Коргонке легенды о братьях Белоусовых.

В поисках предков старожилов Коркуна, Чемулихи, Талицы и смежных сел одной из путеводных нитей является сходство фамилий горнорабочих и крестьян западной части Алтайского горного округа и жителей Талицкого сельсовета.

Так, в книге-памятнике «И. И. Ползунов» В. В. Данилевского⁴ находит ряд таких фамилий. А именно, в 1748 г. в распоряжение начальника Колыванских заводов Безра была прислана группа уральских мастеров во главе с А. И. Порошиным, впоследствии начальником заводов, в том числе «механический ученик» И. И. Ползунов.⁵ В этой группе зачинателей алтайского горнозаводства были геodesии ученик И. Денисов, канцелярист В. Пастухов, подканцелярист А. Попов, копист А. Казанцев, писари С. Попов и С. Никонов и не названные, к сожалению, по фамилиям горнорабочие — «бергауров 15 чел. Взять велено ассесору Андрею Порошину бергауров ко взятым из Оляца двадцати пяти... и присланных от Екатеринбургской канцелярии пятнадцати, еще 11 чел.»⁶ С И. И. Ползуновым прибыл с Урала и Дорофей Голотин, в 1763 г. шихтмейстер. В том же году обербергмейстером стал Илья Кузнецов, бергтешворенца — Иван Денисов, Афанасий Гордичев Пимен Попов.

В 1761 г. в дер. Красноярской на Чарыше с Ползуновым работал плотник А. Воробьев, упоминается в книге рабочий Епифан Ошепков. В построении огнедействующей машины Ползунову помогали ученик Федор Овчинников, мастерской Медведев, шихтмейстер Ярославцев.

Среди фамилий горнорабочих, помогавших устройству побега «секретных колозников» — пугачевцев в сентябре 1775 г. из Змеинзгорской каторжной тюрьмы, находим распространенные и в Талицком сельсовете

¹ И. Камбалов. Исследователи Алтая. Барнаул, 1956, стр. 45.

² Н. М. Ядринцев. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ. — Записки Зап. Сиб. отд. РГО, кн. 2, 1860, стр. 108—109.

³ Сказочный в 1759 г., А. Селезнев, как и его родные и товарищи, был многократно допрошен. Большой материал о нем хранится в Омском обл. архиве: фонд 1, опись 1, ед. хран. 77, кор. 52 Об А. Селезеве см. сообщение Г. Н. Потанина в Чтениях, 1867, кн. 1, М., 1867, стр. 215—230; также цит. соч. Н. М. Ядринцева, также Е. Шмурло. Описание пути между Алтайской станцией и Кош-Агачем в Южном Алтае — Записки Зап.-Сиб. отд. РГО, кн. 23, 1898 и его же — Русские поселения в южном Алтайском хребте на Китайской границе. Омск, 1898.

⁴ В. В. Данилевский. И. И. Ползунов. Труды и жизнь. М.-Л., 1940.

⁵ В данной связи обращено внимание не на фамилии Безра, Порошин, Ползунов, а на следующие.

⁶ ЦГАНХ, фонд Кабинет. е в 1747, дело № 51, л. 120. Цит. по указ. соч. В. В. Данилевского, стр. 57.

те фамилии: Зырянов, Черепанов, Афанасьев, Кузнецов, Исakov, Тимофеев, Никитин¹.

Среди рудознатцев, открывших крупные месторождения на Алтае известны штейгер Черепанов, слесарный ученик Герасим Зырянов бергайер Белоусов², унтер-штейгер Снегирев³.

В истории с. Коргои особую роль сыграла Колыванская шлифовальная фабрика (ныне Колыванский камнерезный завод им. И. И. Ползунова). В мае 1786 г. из Бийска, Кузнецка, Змеиногорска и Колывани были отправлены в горы 9 геологоразведывательных партий, одной из которых руководил горный инженер, один из первых выпускников Московского университета П. И. Шангин⁴. Он открыл около 150 месторождений, в том числе горы порфира и яшмы при р. Коргои. Эти открытия позволили строить на Алтае крупное камнерезное предприятие, и в 1786 г. была основана Локтевская шлифовальная фабрика, в 1801 г. переведенная на место закрытого Колыванского завода. Изделия фабрики шли во дворцы Петербурга и Москвы, на всемирные выставки. Произведений колыванских камнерезов, в частности изделий из коргонских камней, много в Ленинградском Эрмитаже⁵. В 1859 г. в селении при фабрике считалось 228 дворов и 1224 жителя обоего пола⁶. Среди фамилий рабочих Колыванской шлифовальной фабрики находим и такие: Белоусов, Белиев, Владимиров, Головин, Гордеев, Епанчинцев, Колесников, Кошкарев, Литвинов, Мелиников, Слободчиков, Урюков, Фролов, Чулков, Шумаков, Ярославцев⁷. Эти фамилии распространены и в Коргои, как и в смежных селах. вполне возможно, что первые в Коргои носители этих фамилий оказались здесь в связи с открытием Коргонской камнеполиции и освоением с. Коргои, иные же — позже, в конце XIX — начале XX вв., когда фабрика почти не работала и многие колыванские мастера в поисках средств существования вынуждены были покидать обжитые места. В наше время коргонские старики вспоминают, как из предки «ломали камень» на коргонских «разносах».

Движение населения в течение XVIII, XIX и начала XX вв. из предгорий в горные долины Алтая было одним из постоянных потоков миграции населения в Сибири. Рассказы старожилов деревень Талицкого сельсовета вполне подтверждают этот факт в отношении верхнечарышской долины: она заселялась выходцами из предгорья, больше всего — из деревень бассейна р. Убы, т. е. для середины XVIII в. — деревень ведомства Усть-Каменогорской крепости. В связи с этим интересно сравнить данные скопированной мною в Омском областном архиве подушной ведомости деревень ведомства Усть-Каменогорской крепости по состоянию на октябрь 1764 г.⁸ с данными хозяйственных книг Талицкого сельсовета за 1959 г.

На 124 фамилии (546 душ м. п.) ведомости 1764 г., охватившей 190 хозяйств крестьян деревень Выдрихи, Убинской, Зевакиной, Глубокой и Прапорщиковой, 32% (38% хозяйств, 37% душ м. п.) совпадают с фамилиями 18 процентов русских жителей (их всего 2428 чел.) Талицкого

¹ См. указ. выше работы Т. Агаповой и В. Филова.

² См. указ. выше «Очерки...» М. Ф. Рожина, стр. 32.

³ См. Г. Спасский. Путешествие по южным Алтайским горам в 1809 году. Сиб. вестник, 1818 г., ч. I, СПб., 1818, стр. 56.

⁴ В данном случае дело не в фамилии Шангин.

⁵ Подробные сведения см. в книгах Н. Савельева «Алтайские камнерезы», Барнаул, 1956; «Ф. В. Стрижков», Барнаул, 1964.

⁶ См. «Землеведение Азии» К. Риттера, СПб., 1877, т. IV (дополн. к т. III), составл. П. П. Семеновым и Г. Н. Потаниным, стр. 262. См. также А. Воронников. Легенды и были Горной Колывани. — Альманах «Алтай», № 6, 1952.

⁷ См. в книгах Н. Савельева «Алтайские камнерезы» (Барнаул, 1956) и «Крестьянская реформа 1861 г. на Алтае» (Барнаул, 1950).

⁸ Омский обл. архив. фонд I, опись I, ед. хран. 125, кор. 92, лл. 249—264.

сельсовета. Это Боровиков, Владимирцов, Елнсеев, Зайцев, Исаков, Корюгин, Кошкаров, Литвинов, Овчинников, Повзарежкин, Поломошнов, Санаров, Снегирев, Третьяков, Фоминих, Черепанов, Черных и другие, а всего 40 фамилий. Особенно часто дер. Выдриху, а также позднее возникшую Шемониху и другие, более верные, деревни называют многие старожилы как места выхода предков в горы.

Кроме того, ведомость 1764 г. содержит фамилии Вдовин, Вяткин, Кайгородов, Кондаков, Пятов, Шадрин и другие, распространенные в селах Горного Алтая, хотя и не в Талицком сельсовете. С другой стороны, многие фамилии жителей сел Талицкого сельсовета также широко распространены в селах Горного Алтая и смежных с областью районов края.

Ведомость 1764 г. позволяет, особенно в совокупности с другими сведениями, не только учесть предков многих старожилов Коргона и смежных сел, но и учесть также, откуда и в каком количестве были переселены крестьяне под Усть-Каменогорскую крепость за 16 лет, с 1748 по 1763 г. Они были присланы Ялutorовской, Ямышевской, Ишимской, а больше всего Тарской канцеляриями, т. е. главным образом из северной части Ишимской степи, частью же из южной части Кулундинской степи¹.

Какова была евразийская родина этих крестьян? Сибиреведы историки, этнографы и диалектологи, уточняя друг друга в деталях, единодушно утверждали, что вплоть до середины XVIII в. Сибирь, и прежде всего Зауралье, заселяли главным образом выходцы из северных областей Европейской России, с устройством же Московского тракта, а позднее — Сибирской ж.-д. магистрали, все большую долю среди новых сибиряков занимали выходцы из среднерусских и южнорусских губерний².

Подавляющее большинство населения Алтайского горного округа в XVIII в. составляли потомки выходцев из северных областей Европейской России, носители севернорусского наречия. Ценный материал для суждения о составе и говоре населения Алтайского горного округа в середине XIX в. содержит письмо известного алтайского краеведа С. И. Гуляева историку русского языка И. И. Срезневскому, письмо-отправка при переданной последнему былинке³. Гуляев сообщал, что первозаселенцами Алтайского горного округа были выходцы и потомки выходцев из Олонецкой, Вологодской, Новгородской, Архангельской и Пермской губерний, и довольно подробно рисовал их быт. Говор населения, по Гуляеву, был сходен с говором северо-восточных областей Евразийской России, говор окушащий, со стяжением гласных в окончаниях глаголов (знаю, знаю) и с другими севернорусскими речевыми чертами. Акцент Гуляев отмечал в г. Кузнецке, а также в Усть-Каменогорском округе — у «поляков», носителей южнорусского говора. Таким образом, говоры населения здесь не были однородными, тем более что заметную долю в населении составляли солдаты и казаки пограничных крепостей и фор-

¹ Ср. сведения о передвижении крестьян вверх по Иртышу в связи с продвижением на юг гос. границ и появлением алтайских заводов у В. И. Шункова в очерках по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII веков (М.—Л., 1946), в П. А. Слещева в Историч. обзорина Сибири (изд. 2-я, с 1742 по 1823 гг., СПб., 1844) и у других историков Сибири.

² См. указ книги В. В. Похвищевского, В. И. Шункова и др., а также работы А. Григорьева «Образование и общее распределение русских старожильческих говоров Сибири» (сб. статей в честь ак. А. И. Соболевского Л., 1928), П. Я. Черных «Сибирские говоры» (М., 1953) и ми. др.

³ См. Памятники и образцы народного языка и словесности русских и западных славян. I—IV. II отд. АН, СПб., 1852—1856, стр. 164—166.

постов, попадавшие сюда не только из городов Сибири, но и с Дона, и даже были среди них есылские запорожцы.¹

Взаимовлияние и изменение говоров усиливались во второй половине XIX в., когда в Алтайском горном округе появилось много новоселов-южнорусов, и происходили в зависимости от условий с разной степенью интенсивности. Например, на Бухтарме и на Уймоне уже давно сложились говоры акающие на севернорусской основе, а говор сел Талицкого сельсовета еще и ныне окающий, однако переходящий к акаью. Коргонско-талицкий угол до недавнего времени был таежной глухоманью, даже по сравнению с Бухтармой и Уймоном. Еще в конце прошлого века С. Д. Беликов характеризовал как «самую глушь и глушь Алтая»² верховья р. Убы, текущей с западного склона Коргонского хребта, т. е. места, расположенные в 30—40 км к юго-западу от с. Коргон.

В XVIII в., по Ядринцеву, «промышленными (т. е. охотничьими, В. Б.) избушками было усеяно все пространство от Ишима до Алтая»³. Через 33 года, в 1913 г. (см. указ. соч.), обилие знамок между деревнями отмечал на Убе А. Новоселов. Этот обычный для сибиряков-старожилос способ расселения, способ «полтучей миграции», завезли и коргонско-талицкий округе. По рассказам стариков, так заселялось еще до открытия каменоломен устье р. Коргон, так возникала д. Чечулиха, так, отпочковавшись от Коргона и Чечулихи, возникли из знамок Талица, Усть-Кумир, Санаровка и другие смежные деревни; несколько отличалась в этом отношении только д. Тюдрала.

В упоминавшейся уже убинской д. Выдрихе одна из дореволюционных исследователей⁴ встречал А. П. Фирсова и Санаровых. Носителей этих фамилий, особенно второй, много в селах Талицкого сельсовета, и многие из них знают Выдриху как место выхода предков в Чечулиху. Тот же исследователь в селениях Средней Убы встречал Д. Ф. Недобиткова и И. Н. Федорова. Коргонские и смежных сел Недобитковы и Федоровы либо сами убинские по месту рождения, либо помнят, что убинскими были их родители.

Как место своего рождения или как родину родителей, детей, прадедов старожилы сельсовета называли села западного предгорья Выдриху, Шемонанху, Малоубинку, Березовку, Лосиху (Верх-Убинку). Иные называют вообще р. Убу. Называют также Горнюю Колывань, Большую и Малый Башелаки и Вершину Башелака, Сибирячиху, Топольную, Черемшанку, Тальменку, Маралиху, Чарышское, Солонешное, Карповку, Сетяхку, Корболиху, Белый Ануй, Большую и Малую Татарки, Тоурак, Покровку и Сентелек. Последние два села различаются как «полицкое» (Покровка) и «сибиряцкое» (Сентелек). Остальные же характеризуются как смешанные, с преобладанием то «полицкого», то «сибиряцкого»⁵.

«Поляки» старики помнят в общей форме, что предки их сосланы на Алтай из Польши, о селе же Ветка как родине дальних предков знают только немногие.

«Сибиряки» европейскую родину предков, как правило, не помнят, дальше предгорий Алтая воспоминания их не идут. Лишь в одном случае встречено было в качестве воспоминания в рассказе прадеда указание на р. Кержу (видимо, р. Керженец в Горьковской обл., приток Волги) как место выхода предков, чем объяснялось и прозвище «кержаки».

¹ См. С. И. Гуляев. Этнографические очерки Южной Сибири.—Библиотека для чтения, т. XC, СПб, 1848, см. также «Очерки» М. Ф. Розена, стр. 30.

² С. Д. Беликов. Старообрядческий раскол в Томской губ. (по судебным данным). Томск, 1894, стр. 11.

³ Н. М. Ядринцев. Поездка..., стр. 108.

⁴ Г. Д. Гребенчиков. Указ. соч.

⁵ «Сибиряки» — самоназвание носителей говора севернорусского типа.

сибирский синоним слов «старообрядцы», «староверы» Горнорабочий крепостных времен, бежавший в горы, в талицком говоре. — **берьгал.**¹ О берьгалах старики обычно знают, помнят, но обобщенно; указаний на какого-либо бергала как предка определенной семьи встретить не довелось.

Использованные материалы показывают, таким образом, что предки подавляющего большинства жителей сел Талицкого сельсовета, оказавшись в предгорьях Алтая, на протяжении поколений продвигались все выше в горы, вплоть до бассейна Верхнего Чарыша. Их потомки называют себя «сибиряками», их говор отличается североурскими чертами. Теми же путями пришли в эти места «поляки», потомки ветковцев, носители говора южнорусского типа. Их много меньше здесь, чем «сибиряков», но их потомки для нашего времени тоже сибиряки-старожилы.

Различение по говору «сибиряков» и «поляков» и ныне еще не утрачено в селах Талицкого сельсовета. Это различие знал С. И. Гулиев в селах предгорья в середине прошлого века, в конце века его отмечала там же М. Швецова.² Это различие — еще одна историческая нить, связывающая жителей сел Талицкого сельсовета с западным предгорьем, местами выхода предков.

Очень трудно устанавливать происхождение предков каждой семьи, в целом же картина путей «ползучей миграции», завершившейся в долинах Верхнего Чарыша, довольно ясна. Сведения из истории отдельных сел Талицкого сельсовета вносят в эту картину дополнительные черты.

Из истории села Коргон. Расположенное при впадении в Чарыш реки Коргон одноименное село — старейшее из сел Талицкого сельсовета и старейший оседлый населенный пункт Горно-Алтайской автономной области. От с. Коргон на западе до с. Тюдралы вверх по Чарышу, при впадении в него речек Коргон, Чечулиха, Кумир, Талица и других и расположены населенные пункты Талицкого сельсовета.³

В 1751 г. эта местность была почти неизвестной для экспедиции Поливанова и Головина.⁴ В 1786 г. П. И. Шангин первый описал и нанес на карту притоки Чарыша Сентелек и Коргон. Михайлович, ссылаясь на Риттера,⁵ отмечал, что во времена Шангина долина р. Коргон была пустыня, не имела поселений, «по ней бродили только медведи да несчастные беглецы с заводов, промышлявшие охотой и грабежом»⁶. Беглецы, надо полагать, жили на зимках в потаенных логах, и необычайной эту местность для 1786 г. считать нельзя. Одним из напоминаний о беглецах из предгорья за Коргонский «камень» является и ныне название реки Воронской, данное ей, видимо, теми, кто ловил беглецов. Шангин знал эту «речку Воронскую, названную по убежищу бывших воров Корноухова с товарищами, текущую из тех же белков близости Коргона»⁷.

Бергалов, подобных Корноухову, т. е. особо уважаемых, легендарных, в народе называли — в Коргоне и ныне называют — осылками, т. е. богатырями.

¹ Берьгал или бергал от бергаур и бергайер, что в свою очередь от бергауэр, как назывались официально алтайские горнорабочие в XVIII веке.

² М. Швецова, «Поляки» Змеиногорского округа — Записки Зап.-Сиб. отдела РГО, кн. XXVI, Омск, 1899, стр. 1. См. о том же в работе Д. Н. Беликова «Первые русские крестьяне-населенники Томского края», Томск, 1898.

³ О названиях сел в связи со способом расселения см. в ст. автора «Местные географические термины талицкого говора» в Известиях Алтайского отдела Географического общества СССР, вып. 2, 1963.

⁴ Н. Камбалов, Исследователи Алтая Барнаул, 1956, стр. 20.

⁵ «Землеведение Азии» К. Риттера, т. III, стр. 284.

⁶ А. Михайлович Указ. соч., № 38.

⁷ Дневные записки обер-гиттенфервальтера Петра Шангина — Новые ежемесячные сочинения, часть СХХШ, СПб., 1796, стр. 69.

Остановившись при впадении в Чарыш речек Сеителек, Коргон, Талица, Кумир, Шангин ставил палатку, устраивал стаи (звонки были, надо полагать, выше, в горах). Притом Шангин отмечал, что охотники здесь бывают часто. Речку Коргон он назвал «каменстой»: ее знали, о ней рассказывали и до него охотники, березы и уластники поимочных команд. Эта круто падающая горная речка подробно описана Шангиным¹, на ее берегах он отметил богатые залежи, горы порфира, яшмы и других ценных поделочных пород.

Имея в виду основание каменоломни и деревни при ней, Шангин отмечал: «Луговых мест, также и азотобитой земли от самого Коргона даже до Хаир-Кумина (р. Кумир — В. Б.) множество, равномерно же и лесов, лиственничного и березового весьма довольно, почему и поселение изрядное бы быть могло, а особливо с левой стороны Чарыша»².

Вскоре после экспедиции Шангина началась разработка коргонских камней, и именно на левом берегу Чарыша, у впадения в него Коргона, были поселены каменотесы. По К. Риттеру³, в 1787, а по П. Голубеву — в 1786 г. «была построена шлифовальная фабрика для обработки дорогих камней, в изобилии найденных... при р. Коргоне... Для ломки камней склада были выделены и особые деревни каменщики. Две таких деревни, Коргон и Сеителек, посетили Спасский (1816 г.) и Ледебур с Меером (1826 г.)»⁴. В 1803 г. на Колыванской шлифовальной фабрике работало больше 100 человек, из них 30 человек — из каменоломнях.

Таким образом, основание села Коргон следует датировать 1786 или 1787 годом, по крайней мере — концом 80-х годов XVIII в. Л. А. Устинова считала, что Верхний Уймон, основанный в 1798 г., — первый пункт с оседлым населением в Горно-Алтайской автономной области⁵. Это было верно в 1947 г., когда Коргон был в составе Чарышского района Алтайского края. Но с 1950 г., когда это село вошло в состав Усть-Канского района Горно-Алтайской автономной области, старейшим селом области следует считать Коргон.

Население Коргона вначале состояло из каменотесов и их семей, с отменой же крепостного права и упадком горного дела на Алтае в населении Коргона все большую долю стали занимать люди, не связанные с Колыванской фабрикой.

В первое столетие существования фабрики, с 1786 по 1889 гг., сделанными из коргонских порфиров числилось 340 крупных изделий, 40% продукции фабрики⁶.

Многие сотни людей собирались здесь, когда, по рассказу А. Воротникова, колыванского камнереза в седьмом поколении, князьми ка-

¹ Через 40 лет после Шангина здесь был дерзкий ботаник К. Ледебур (см. указ. выше соч.), повывавший немало горных рек и заявлявший, что не знает другой горной реки, которая была бы так страшно дика и так бесповальна, как Коргон. См. также мнение географа В. П. Семенова-Тян-Шанского: «Окрестности дер. Коргонской представляют собой поистине один из наиболее живописных уголков западной половины горного Алтая и заслуживают внимания туристов». — «Россия», т. XVI, стр. 508. Сильнейшее впечатление оставил поход вверх по Коргону у участников нашей экспедиции в 1961 г.

² Дневные записки..., стр. 78.

³ Землеведение Азии, т. II, СПб., 1859, стр. 299.

⁴ Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономики и гражданско-развития Алтайск. горн. округа, под ред. П. А. Голубева, Томск, 1890, ст. П. Голубева «Горное дело и хозяйство каибикета», стр. 383.

⁵ См. Л. А. Устинова, География оседлых населенных пунктов Обротской автономной области — Вопросы географии, об. назий, М., 1947, стр. 131.

⁶ «Книга обработанных на Колыванской шлифовальной фабрике каменных вещей», Публикация Н. Савельева — Краеведческие записки Алтайского краевого музея, вып. I, Барнаул, 1956, стр. 220—255.

мень от каменоломни до фабрики тянули и с далекого Коргона, до которого все 160 км будут»¹.

В поисках освобождения от каторжной жизни алтайские камнерезы узнали, что коргонские каменоломни далеко выдались за цепь пограничных крепостей, и под всякими предлогами шли в каменоломцы, но «после того, как в 1811 г. братья Белоусовы организовали массовый побег «за камень», начальство поняло, почему мастера шли на пониженное жалованье. «Добровольцев» перестали назначать на каменоломни»².

Коргонцы хранили легенды об осияках Белоусовых. Эти легенды расходились в народе и за пределами Коргона, зафиксированы и в литературе³. Старики Коргона и ныне помнят о Белоусовых, напоминанием о них является и топоним Белоусовы ямы — название урочища (т. е. приречного участка) в окрестностях Коргона.

Ледебур (см. указ соч.) местные люди рассказывали о группе беглых горнорабочих, которые были схвачены еще лет за 10 до эпохи Белоусовых. А незадолго до прибытия Ледебура в Коргон (июнь 1826 г.) произошел бунт коргонцев: группа рабочих бежала в горы, запасшись продовольствием, затем добыв коней и оружие. Для подавления бунта горно-военное начальство арестовало поголовно всех жителей Коргона и содержало их в форпосте как заложников (Ледебур посетил безлюдный Коргон и бездействовавшие каменоломни); для захвата беглецов были мобилизованы 200 крестьян в дополнение к 300 казакам.

Подробно рассказав об этом событии, Ледебур не назвал, к сожалению, ни одного имени, ни количества домов в Коргоне, который в 1826 г. был, видимо, уже крупным селом каменоломцев, часто бунтовавших, тесно связанных с беглецами-бергалами.

В каменоломнях Ледебур видел много затопленных больших кусков порфира. Участники нашей экспедиции тоже видели на разнотапах (рабочих площадках) бывш. Коргонской каменоломни такие заготовки с насеченным номером, датой и инициалами, видимо, мастеров. О тех временах напоминают также топонимы Казарма (урочище и поселок на правом берегу Коргона) и Казарменское седьлако (горный перевал), а также переправы через Коргон, неоднократно с тех пор возобновленные: канатная переправа Зыбка и веревочный Чертов мост вблизи каменоломни.

Таковы некоторые сведения из истории с Коргон — вначале приюта беглецов-бергалов, затем поселка каменоломцев-бунтарей. Позднее хозяевами коргонской жизни стали кулаки-мараловоды. В наше время Коргон — ферма Талицкого маралосовхоза, крупнейшее село Талицкого сельсовета: в нем в 1959 г. было 193 двора, 720 чел. населения, в том числе 683 русских.

Из истории села Чечулиха. С. П. Шенцов сообщал, что Коргон и Чечулиха упоминаются в документах 1837 г. Но возникла Чечулиха раньше, по сообщению Ледебура, — в 1824 г. Это было первое горное селение, которое увидел и в котором остановился Ледебур в июне 1826 г., продвигаясь вниз по Чарышу. Займки на речке Чечулихе появились еще раньше, но, видимо, после коргонских. Здесь Ледебур не смог найти проводника по Коргонским белкам. В этот тревожный момент в жизни верхнечарышской долины, когда власть расправлялась с

¹ А. Воронников. Легенды и были Горной Колывани. — Альманах «Алтай», № 6. 1952, стр. 133.

² Н. Савельев. Алтайские камнерезы, стр. 34—35.

³ Н. М. Ядрищев. Поездка, стр. 103; Г. Раппопорт. Дореволюционное прошлое Алтая в местном народном творчестве. В альбоме «Историко-этнографические материалы к 100-летию Алтайского краевого музея», вып. 1. Барнаул, 1956, стр. 210—211; Н. Савельев. «Филипп Васильевич Стрижков» Алтайск. книжн. изд.-во, 1954, стр. 70.

коргонскими бунтовщиками, жители Чечулихи, надо полагать, не решились отлучаться, чтобы обслужить заезжего профессора.

Но именно в это время многие из них затевали двинуться дальше из недавно основанной деревни, из живописного и удобного лога, уйти из мест, ставших досягаемыми для начальства, в поиски истинного «Беловодья», легендарных благодатных мест, которых искали поколения старообрядцев. В июне 1828 г. из двух башелакских сел (севернее Коргона) бежало 10 семей заводских крестьян в количестве 51 чел. (24 м. и 27 ж.), захватив все имущество, что только можно было взять с собою. К ним пристало еще 29 крестьян из дер. Чечулихи, и общим набралось до 100 чел. Вожаком партии был некий Федор Поломошников¹. Напомню, что Поломошниковых много среди жителей Коргона и смежных сел. В августе того же 1828 г. беглецов нашли в хребтах Кемчуга меж рр. Абаканом и Енисеем.

На картах при указанной выше статье Л. А. Устиновой, по данным переписи 1859 г., Чечулиха — один из населенных пунктов с числом жителей до 200 человек, по переписи 1897 г. — до 300 человек.

После Шангина, Спасского и Ледебуря «верхняя долина р. Чарыша не была посещена ни одним из последних путешественников, — писали П. Семенов и Г. Потанин. — Всего в долине Чарыша выше дер. Харловой, у которой начинается обская равнина, считается около 6600 душ обоего пола русского племени. Самое верхнее русское селение по р. Чарышу дер. Чечулиха (30 дворов, 187 жителей), в 70 в. от вершины его. Самая верхняя часть долины выше р. Кана занята кочевьями теленгутов»².

Р. Чечулиха впадает в Чарыш справа. В наше время связь с левым берегом с помощью парома мало удобна. Уже давно жители Чечулихи стали выселяться в молодое крупное село Владимировку (напротив Чечулихи, на левом берегу Чарыша) и в другие села. В 1959 г. в Чечулихе было меньше 200 жителей, а в настоящее время одна из старейших деревень сельсовета, Чечулиха, в связи с прорезающейся концентрацией населения в крупных селах завершает свою историю.

Из истории села Тюдрала. На упомянутой выше карте 1859 г. при статье Устиновой Тюдрала нет. В IV т. «Землеведения Азии», т. е. в 1877 г., она тоже не упомянута. Но Швецову же, Тюдрала возникла около 1855 г. На карте при исследовании Швецова, по данным переписи 1897 г., это село находится в границах так называвшихся «инородческих земель». «На левом берегу Чарыша, — писал Швецов, — находится миссионерское селение, причисленное впоследствии к числу переселенческих поселков... Этим двойственным характером селения отчасти объясняется и смешанность его населения: тут и «новокрещенные» (алтайцы и казахи В. Б.), и крестьяне, и так наз. разночинцы, т. е. те же крестьяне, но только непричисленные, мещане и проч. Каждая из этих групп в адм. отношении подчинена своему управлению, вследствие чего получается удивительная путаница взаимных отношений, как на почве самоуправления, так и экономических интересов. Селение образовано приблизительно около 1855 г.»³.

В это время, сообщал Швецов, казах из Семипалатинского уезда Сатыбай Джалды, окрестившись, поставил тут крест и поселился, а через 2 года миссионеры поставили тут молитвенный дом. Затем здесь поселились крещенные алтайцы разных дючин. В конце 70-х гг. приселились новокрещенные казахи из Семипалатинского и Усть-Каменогорского уездов, к концу века их было 26 дворов. В середине 70-х гг.

¹ Е. Шмурло. Русские поселения за южным Алтайским хребтом на Китайской границе. Омск, 1898, стр. 20.

² Землеведение Азии, т. IV, СПб, 1877, стр. 270 и 272.

³ С. П. Швецов. Кочевники Бийского уезда, стр. 206.

здесь поселился первый русский крестьянин, сибиряк-старожил из Кольванской волости Усть-Каменогорского уезда Иван Шестаков с пятью сыновьями, затем и другие крестьяне из Кольванской, Ануфьинской и других волостей. В административном отношении они подчинялись чечулихинскому старосте (Ануфьинская волость, территория горного округа); считали себя хозяевами, давали приговоры новым членам общества; непричисленные переселенцы жили здесь с их разрешения. Русские крестьяне, живя в селе, имели и займки. Границы с Чечулихой были неясны, чем пользовался, например, Усть-Канский торговец Моккин выпросил приговор на 20 десятин, а пользовался 231 десятиной.

По данным переписи 1897 г. в Тюдрале было 662 жителя, в том числе 387 алтайцев и казахов и 275 русских, из них 194 человека (71%) прибыли из Томской губернии. Из 46 русских хозяйств 31 было старожильческое и 11 переселенческих, а также 4 хозяйства прочих.

Отмеченная Швецовым путаница отношений была связана со столкновением интересов духовной миссии, переселенческого начальства, записанов, чечулихинского старосты и ануфьинского старшины.

От других деревень территории современного Талицкого сельсовета Тюдрала как миссионерский пункт отличалась преобладанием нерусского населения, больше всего — алтайцев¹, а как переселенческий пункт — значительным количеством переселенцев. Однако и в этом селе среди русских преобладали самовольные засельщики, по происхождению — сибиряки-старожилы.

Из истории села Талица. «Ниже Тюдрала, — писал Швецов, — находятся уже крестьянские селения — Талица и Чечулиха, лежащие уже вне инородческого района»². На карте 1897 г. на территории современного Талицкого сельсовета 4 деревни: Коргонская, Чечулиха, Талица и Тюдрала. Ни «Землеведением Азии» в 1877 г., ни Ядрищевым в 1880 г. ни Тюдрала, ни Талица не отмечены, хотя обе эти деревни тогда уже существовали.

Основание Талицы следует датировать 1866 годом, когда на берегу одноименной речки, недалеко от впадения ее в Чарыш, возник первый в северо-западном Алтае маральник, сооруженный братьями Фоминих, жителями Чечулихи, высланившимися в нее из Выдрихи. Вскоре эти богачи переселились на маральник-займку. За ними потянулись другие, образовался поселок, ныне крупное село.

Еще Ядрищев отмечал, что русское население в частности «пытается основаться на верховьях Чарыша... Заселение начинается обыкновенно образованием пасек и займок»³. Уже к началу XX в. следует отнести возникновение из займок остальных населенных пунктов сельсовета: Санаровки, Зыряновки, Ключей, Усть-Кумира, Волонкова, Вершинны Талицы, Красноярки и к советскому времени — Владимировки и Маралосовхоза (ныне, с переездом центральной усадьбы маралосовхоза в Усть-Кумир, — Синагашкино).

Советский период истории сел Талицкого сельсовета следует показать в особой статье.

¹ Здесь, но также и в других деревнях сельсовета, мы отмечаем заимствование русским говором алтайских слов. Краткое сообщение об этом см. в ст. автора «Алтайские элементы в диалекте русского говора» в № 6 Записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы Горно-Алтайск, 1964.

² С. П. Швецов. Кочевники, стр. 26.

³ Н. М. Ядрищев. Поездка, стр. 110.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЛАСТНОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПО ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА ГОРНОГО АЛТАЯ (1920—1937 годы)

После победы Великой Октябрьской социалистической революции одной из очередных задач Коммунистической партии и Советского правительства было создание кадров для народного хозяйства, формирование народной интеллигенции.

Для управления страной, для восстановления народного хозяйства, разрушенного войной, требовалось большое количество квалифицированных специалистов. «...Нам нужны в большем и большем, против прежнего, числе научно-образованные специалисты всякого рода...» — писал В. И. Ленин¹.

Но формирование народной интеллигенции было длительным процессом, практические же задачи организации государственного и хозяйственного управления требовали от Советской власти и Коммунистической партии привлечения к работе старых специалистов, хотя бы они и не принадлежали к пролетарской интеллигенции. В. И. Ленин указывал, что пролетариат должен не только готовить новые кадры народного хозяйства, но и использовать старых специалистов.

Некоторые специалисты еще задолго до Октябрьской революции перешли на сторону народа, самоотверженно боролись за установление Советской власти и приносили большую пользу в социалистическом строительстве.

Но большая часть буржуазной интеллигенции враждебно относилась к Советской власти. Поэтому остро ощущался недостаток специалистов, особенно на окраинах страны, в частности в Горном Алтае.

Одновременно с использованием старой интеллигенции Коммунистическая партия и Советское правительство приступили к формированию рабоче-крестьянской интеллигенции, до конца преданной Советской власти, идеям марксизма-ленинизма.

Являясь одним из небольших отрядов РКП(б), партийная организация Горного Алтая с первых же дней установления Советской власти взялась за выполнение этой задачи. Но решить ее было бы очень трудно или даже невозможно без постоянной, повседневной помощи Коммунистической партии и Советской власти, центральных городов страны.

Эта помощь заключалась в присылке в Горный Алтай специалистов, а также в подготовке специалистов из молодежи Горного Алтая — в высших и средних учебных заведениях Москвы, Петрограда, Иркутска, Красноярска, Томска, Барнаула и других городов.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 312.

Горный Алтай испытывал не только острый недостаток специалистов для народного хозяйства и культуры, но и нехватку опытных работников для партийных и советских органов. Поэтому предметом особой заботы Горно-Алтайского уездного оргбюро РКП(б) становится организация краткосрочных партийных курсов и школ. Уже в июле 1920 г. в с. Шебалино были организованы двухнедельные информационно-политические курсы, на которых училось 30 человек. В июле 1921 г. состоялся первый выпуск партийной школы, созданной в с. Алтайском, бывшем уездном центре. В ней обучалось 33 человека, из которых 14 были направлены на партийную работу, 10 — на комсомольскую.¹

Краткосрочные курсы в какой-то мере содействовали обеспечению Горного Алтая партийными и советскими кадрами. Но этого было недостаточно, особенно же не хватало кадров коренной национальности — алтайцев. Поэтому вопрос о подготовке национальных кадров рассматривается на Сибирском совещании подотделов национальных кадров меньшинств губернских и уездных комитетов РКП(б) в июле 1921 г. В постановлении этого совещания указывалось на необходимость организации при отделах национальных меньшинства сети партийных школ и краткосрочных курсов подготовки национальных кадров.

Проводя в жизнь это решение, Горно-Алтайский обком партии в декабре 1923 года открыл областную советско-партийную школу (СПШ), которая стала кузницей руководящих кадров из числа трудящихся алтайцев.

К СПШ было приковано внимание областного комитета партии. Он систематически проверял работу этой школы, периодически заслушивал на заседаниях бюро вопрос о ходе учебно-воспитательной работы в ней, оказывал своевременную практическую помощь в налаживании ее работы.

Совпартишкола ежегодно пополняла ряды партийных и советских работников Горного Алтая. За 10 лет, с 1924 г. по 1934 г., совпартишкола выпустила 250 чел.²

Совпартишкола работала и в последующие годы, в нее направлялись в основном люди, имевшие некоторый опыт руководящей работы. Курсантами 1935-36 учебного года, например, были: 15 председателей сельсоветов, 8 колхозных бригадиров, 6 парторгов, 3 комсорга, 21 политпросветработник³.

Кроме того, обком партии периодически проводил краткосрочные курсы подготовки и переподготовки таких кадров. В 1923 г., например, в с. Улале (ныне г. Горно-Алтайск) состоялись месячные курсы секретарей райпарткомов и волостных исполкомов. На таких же курсах летом 1924 г. обучалось 107 человек. Курсы сельских работников были организованы с 25 мая по 15 июля 1925 г., их окончили 21 секретарь райпарткомов⁴, 40 секретарей сельсоветов, 10 секретарей алтайских первичных комсомольских ячеек. Летом же 1925 г. 15 человек окончили курсы переподготовки аймачных агитпрофорганизаторов и 11 человек аймачных организаторов батраков.

Одной из важнейших задач партийных и советских органов области была работа среди женщин, особенно алтаек. Как известно, женщина-алтайка при царизме была совершенно лишена прав участия в общес-

¹ В Р. Андронкина. Парторганизация Горного Алтая в период создания авт. обл. — Сб. В братской семье народов СССР. Горно-Алтайск, 1963, стр. 52.

² Партийный архив Новосибирской области (ПАНО), ф. 3, оп. 2, д. 731, л. 147.

³ Партийный архив Горно-Алтайской автономной области (ПАГААО), ф. 1, оп. 1, отд. проп. д. 180, л. 57.

⁴ Райпартком — аймачный партийный комитет. Аймак — административно-территориальная единица внутри области, ныне — район.

твенно-политической жизни. Для работы среди женщин Горного Алтая, как и во всей стране, проводились курсы подготовки женорганизаторов. В 1927 г., например, на двухмесячных курсах было 27 человек, из них 70% алтайки. Такая подготовка женорганизаторов проводилась и в последующие годы.

Наряду с систематической подготовкой кадров в совпартшколе и на курсах местные партийные органы подбирали и выдвигали на руководящую работу колхозных активистов. Приведем один из примеров. В колхозе «Ударник» Майминского аймака работа была поставлена очень плохо. В 1933 г. председателем вновь избранного правления был выдвинут коммунист Горинев. За короткий срок новое правление наладило правильный учет труда, организовало кружок агрозоотехники, политкружок, ликпункт и школу малограмотных, открыло ясли и детплощадки, наладило выпуск стениных газет (только за период весеннего сева было выпущено 23 номера). Колхоз не только выполнил план весеннего сева, но и оказал помощь соседним хозяйствам. По сравнению с предыдущим годом колхозники добились повышения урожайности и получили по 9 кг зерна на трудодень. Производственные успехи колхоза, высокая оплата труда явились лучшей агитацией за коллективный способ хозяйствования. К концу года число хозяйств в колхозе увеличилось почти вдвое. Подобных примеров можно привести много.

Осуществление ленинского кооперативного плана в нашей стране вызывало необходимость широкой подготовки кадров для сельского хозяйства. Поскольку Горно-Алтайская область была сельскохозяйственной, то перед областной партийной организацией встала задача в ближайшее время создать свои колхозные кадры, особенно из алтайского населения. По ходатайству бюро областного комитета ВКП(б) и областного исполнительного комитета в конце 1930 г. в г. Улале был открыт зооветтехникум. На зоотехническое отделение было зачислено 79 человек и на ветеринарное — 57. Это было первое в Горном Алтае среднее специальное учебное заведение, готовившее специалистов для сельского хозяйства.

Работа зооветтехникума постоянно находилась в поле зрения партийных и советских органов Горного Алтая. Например, в конце 1932 г. комиссией Ойрот-Турунского аймакпаркома была проведена проверка подготовки техникума к новому учебному году. При обследовании были вскрыты недостатки, приняты соответствующие меры и в следующем учебном году учебно-воспитательная работа в техникуме значительно улучшилась.

Первых специалистов для общественного животноводства Горно-Алтайский зооветтехникум дал в 1933 г. и с тех пор ежегодно пополнял ряды специалистов сельского хозяйства Горного Алтая.

С развитием колхозного движения перед партийными и советскими органами области встала задача подготовки руководящих кадров колхозов и кадров массовой квалификации.

По решению бюро обкома партии и облисполкома в конце 1931 года в с. Бирюле был открыт так называемый колхозный институт имени Горького как отделение Омского колхозного института¹.

Подготовка специалистов в этом институте проходила в форме курсов со сроком обучения от 9 месяцев до одного года. На 1 января 1932 г. в институте было 228 курсантов, из них 125 алтайцев и 16 казахов, остальные русские. Образовательный уровень поступающих на

¹ П. А. Н. О., ф. 2, оп. 1, д. 1313, л. 211.

² Колхозный институт находился в 1931/32 учебном году в с. Бирюле, в 1932/33 — в с. Чергачаке, а с 1933/34 г. — в г. Ойрот-Тура.

курсы был чрезвычайно низок. Некоторые из них обучались только в ликпункте, другие пришли из школ малограмотных и начальных школ. Все это создавало трудности в обучении слушателей. Существенную помощь в преодолении трудностей в организации учебно-воспитательной работы института оказывали курсанты — коммунисты и комсомольцы, которые составляли 41% от общего числа курсантов этого набора¹. Они проводили большую общественную работу: выезжали в окрестные сёла и колхозы с концертами, проводили вечера вопросов и ответов, лекции, читки, помогали в организации труда колхозников.

В связи с завершением в основном коллективизации в Горном Алтае перед областной партийной организацией, как и перед всей Коммунистической партией, встала задача организационно-хозяйственного укрепления колхозов, в частности задача повышения квалификации сельскохозяйственных кадров. Поэтому по решению обкома партии и облисполкома в январе 1934 года так называемый тогда колхозный институт с его краткосрочными курсами был реорганизован в сельхозшколу с более длительным сроком обучения.

Прием учащихся в школу производился по разверстке обкома ВКП(б) и по рекомендации райкомов партии. Направлялись в нее в основном передовики производства. В числе их были такие, как Динит Чичканова — опытная доярка Абайского мясомолочного совхоза Уймонского аймака. Динит Чичканова не знала счастливого детства. Родилась она в аиле, в нём и росла. Октябрьская революция дала ей возможность стать передовиком призыва, одной из лучших доярок не только совхоза, но и области. В 1935 г. совхоз премировал ее дойной коровой, предоставил ей квартиру с мебелью, отправил учиться на курсы².

С завершением коллективизации потребность в кадрах общественного животноводства все больше увеличивалась и контингент учащихся сельхозшколы возрастал. В 1936-37 учебном году эта школа обучала 270 человек и выпустила 130, в том числе 76 алтайцев³.

Очень важной формой подготовки кадров для сельского хозяйства Горного Алтая являлись также школы крестьянской молодежи (ШКМ).

В период строительства социализма нужно было, чтобы вся деревенская молодежь знала пути ведения и улучшения сельского хозяйства и умела приложить все свои силы в социалистической деревне. А. В. Луначарский еще в 1924 году на 2 сессии ВЦИК так определял значение ШКМ: «Школа крестьянской молодежи является школой для подростков от 12 до 18 лет. Задача ее — произвести на свет культурное крестьянство — человека, который в большинстве случаев остается в деревне, создать нового деревенского интеллигента — работника для кооперативного движения, для политического просвещения масс и для поднятия крестьянского мелкого хозяйства»⁴.

Школа крестьянской молодежи составляла новое звено в системе народного образования РСФСР. Эта школа имела своей целью, во-первых, открыть дальнейшие возможности образования крестьянской молодежи, которая, как общее правило, не шла дальше школы I ступени, и, во-вторых, дать деревне культурных и знающих сельское хозяйство молодых работников. Чтобы справиться с этими задачами, ШКМ строилась на базе общеобразовательной программы в объеме семилетки и с практическим уклоном в сторону сельского хозяйства.

¹ ПАГААО, ф. 1, оп. 1, орг. отд., д. 785, л. 50.

² Государственный архив Горно-Алтайской автономной области (ГАГААО), ф. 55, оп. 4, Д. 3, л. 82.

³ ГАГААО, ф. 55, оп. 4, д. 3, л. 99.

⁴ «Народное просвещение», 1924, № 9—10, стр. 20.

Было еще одно важное обстоятельство, заставляющее Коммунистическую партию и Советское правительство строить школы крестьянской молодежи и фабрично-заводские семилетки (ФЗС) иначе, чем обычные школы.

В связи с низким тогда материальным уровнем жизни большая часть подростков была занята на производстве, поэтому в городах организовывались ФЗС на базе производства, а в деревне — ШКМ без отрыва от индивидуального хозяйства.

В ШКМ шли учиться окончившие школу первой ступени. До вступления в ШКМ они должны были один-два года поработать в сельском хозяйстве.

ШКМ в деревне, особенно в Горном Алтае, оставалась наиболее массовой школой крестьянского типа. В постановлении коллегии Наркомпроса от 5 февраля 1930 г. указывалось на необходимость увеличения сети ШКМ. Этим же постановлением в связи с изменившимся соотношением классовых сил в стране Наркомпрос переименовал школы крестьянской молодежи в школы колхозной молодежи.

Оставаясь под руководством органов народного образования, ШКМ в то же время органически увязывали свою работу с колхозами и совхозами. Эти связи шли по разным линиям. Прежде всего, прием и распределение учащихся производился с участием представителей колхозов и совхозов. Производственная практика учащихся проводилась в колхозах и совхозах. Партийные и советские органы Горного Алтая уделяли большое внимание улучшению учебно-воспитательной работы в ШКМ. Например, 10 мая 1931 года бюро Горно-Алтайского обкома партии, заслушав доклад заведующего обласнарпросом в состоянии школ колхозной молодежи, отметило, что ШКМ Горного Алтая еще по-настоящему не перестроились в соответствии с задачами социалистической реконструкции сельского хозяйства и развернутого наступления социализма по всему фронту и по существу еще не стали школой, готовящей колхозные кадры из батрацко-бедняцких слоев; некоторые школы были недоукомплектованы учащимися (особенно из среды алтайского населения) и учителями. На этом заседании бюро обкома ВКП(б) поручило партийной ячейке обласполкома пересмотреть вопрос о финансировании школ колхозной молодежи, а агнарткомам на местах улучшить руководство ШКМ¹.

До 1931 г. ШКМ, как и все учебные заведения страны, имели трехмесячные летние каникулы. Но для приобретения практических навыков по сельскому хозяйству в соответствии с указанием Наркомпроса РСФСР с 1931/32 учебного года школы колхозной молодежи были переведены на непрерывный учебный год.

Такие школы получили всеобщее признание, и поэтому для большего охвата ими населения в Горном Алтае стали создаваться вечерние школы колхозной молодежи с целью массовой подготовки кадров для колхозов и совхозов. В вечерние ШКМ принимали учащихся старше 16 лет, умеющих читать и писать. В дни занятий их отпускали с работы на 2 часа раньше. Школы выпускали трактористов, полеводов, животноводов и т. д. Сеть школ колхозной молодежи непрерывно росла. Если в 1926 г. появилась первая ШКМ в с. Онгуде, то в 1932 г. в Горном Алтае их насчитывалось 12, в том числе 4 вечерних.

Многие из выпускников школ колхозной молодежи стали активными организаторами и руководителями колхозного строительства в Горном Алтае. Нет возможности перечислить все примеры, приведем один из них. В конце лета 1933 г. на одну из отстающих ферм

¹ ПАНО, ф. 3, оп. 3, л. 278, л. 156.

Верх-Пьянковского колхоза им. Яковлева Чойского аймыка заведующей была назначена выпускница ШКМ комсомольца Россошанская. До ее прихода на ферме был падеж скота, не было учета поступающей продукции, большая часть ее растаскивалась врагами колхозного строя. Россошанская провела инвентаризацию, завела учетную книгу для скота фермы и учетную книгу всей получаемой продукции, организовала хороший уход за скотом; осенью скот был поставлен во временные дворы, а зимой переведен в теплые скотные дворы.¹

В связи с введением всеобщего начального обучения и переходом к обязательному семилетнему образованию изменился состав учащихся сельских семилетних школ. Школу колхозной молодежи оканчивали теперь подростки в возрасте 15—16 лет, которые не могли быть бригадирами, агрономами, счетоводами, организаторами колхозного производства. Потребность же в выпускниках специальных средних школ быстро росла, повышались требования к качеству семилетней подготовки. Все это диктовало необходимость превращения школ колхозной молодежи в общеобразовательные политехнические школы. Поэтому по указанию Наркомпроса с 1934/35 учебного года в области, как и во всей стране, школы колхозной молодежи реорганизованы в неполные средние и средние школы.

В связи с завершением коллективизации в области ощущалась острая нужда в специалистах массовой квалификации (бригадирах, кузнецах, пчеловодах и т. д.). С целью подготовки этих кадров по решению обкома партии и облисполкома проводились различные курсы. В 1933 г. были созданы в области 4 межрайонные постоянно действующие курсовые базы в Онгудайском, Шебалинском и Майминском аймаках.² На этих курсах обучалось свыше 1800 человек. На курсах готовились бригадиры, огородники, луговоды, пчеловоды, старшие чабаны, кузнецы, счетоводы, бригадиры охотников, заведующие коневодческими и молочными товарищами фермами и т. д.

С помощью курсов проводилась подготовка специалистов и для такой молодой отрасли животноводства Горного Алтая, как мараловодство. Такие курсы были проведены, например, в 1934 г. в с. Шебалино.³

Подготовка кадров мараловодства и значительной мере способствовала дальнейшему развитию мараловодческих станиц и увеличению поголовья маралов Горного Алтая. Так, если в 1932 г. в 6 мараловодческих совхозах было 1526 маралов, то в 1937 г. — 4072.⁴ Мараловодство и сейчас имеет большое значение в экономическом развитии Горного Алтая.

Партийные и советские органы области вели подготовку кадров и для других отраслей народного хозяйства.

Горный Алтай относится и относится к числу лесных районов Сибири. Общая площадь лесов области составляет около 3,5 миллиона гектаров, в том числе 34,4% этой площади занимает сибирский кедр, 18,8% — пихта и другие породы.

Использование лесных богатств имело существенное значение для экономического подъема области. Для развивавшейся лесной промышленности требовались квалифицированные кадры. С этой целью в 1933 г. в г. Ойрот-Тура при облестресте была организована школа леспрямхозного ученичества, которая готовила кадры по специальностям: лесозаготовка, лесотранспорт и лесосплав.

В первом учебном году было выпущено 43 человека.⁵

¹ «Ойротский комсомолец», 19 октября 1934 г.

² Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), Ф. 17, оп. 21, л. 98, л. 60

³ План, Ф. 3, оп. 7, л. 181, л. 161

⁴ «Ойротский комсомолец», 15 июля 1933 г.

⁵ ПАГААО, Ф. 1, оп. 1, отд. проп., л. 377, л. 14

В годы Советской власти в хозяйственную жизнь Горного Алтая входит автомобильный транспорт. Как известно, районные центры области находились от ближайшей железнодорожной станции Бийск на расстоянии 100—500 километров. В период строительства социализма транспортировка народнохозяйственных грузов приобретала исключительно важное значение.

В период первых двух пятилеток в Горном Алтае были построены шоссейные дороги местного и государственного (Чуйский тракт) значения, связавшие административный центр г. Ойрот-Туру со многими районными центрами области.

В связи со строительством шоссейных дорог и развитием автомобильного транспорта особой заботой партийных и советских организаций явилась подготовка шоферов. В 1931 году в с. Иня Ойгудайского аймака была открыта школа шоферов с годовичным сроком обучения, позднее преобразованная в школу механизаторов сельского хозяйства.

Комсомол Горного Алтая взял шефство над школой шоферов. В 1931 г. была проведена мобилизация 100 комсомольцев, преимущественно из коренного населения, в Ивинскую школу шоферов.

Шефство комсомола над школой шоферов продолжалось и в последующие годы.

Кроме подготовки кадров для сельского хозяйства, лесной промышленности и автомобильного транспорта, областной комитет партии и облисполком провели большую работу по обеспечению работниками учреждений торговли, здравоохранения и других.

В подготовке работников торговой сети области большую помощь тогда оказал Сибирский краевой потребсоюз, на средства которого с 1 января 1930 года в г. Ойрот-Туре был открыт трехгодичный учебно-курсовой комбинат кооперативного образования. Комбинат готовил заведующих магазинами, счетоводов, продавцов, председателей сельских потребительских обществ (сельпо), товароведов и т. д. В 1933 году этот комбинат был реорганизован в кооперативный техникум, который и ныне готовит квалифицированных работников торговой сети для области и Алтайского края.

С целью подготовки кадров профессионального движения в Горном Алтае с 1927/28 учебного года начали работу курсы профессионального образования. В первый же год эти курсы прошло 30 человек, а в 1929/30 — 43 человека, исключительно алтайца¹.

Особенно большое значение имело развитие здравоохранения в Горном Алтае. Оно началось по существу только с победой Октябрьской революции. Советской властью сразу же были приняты меры по организации медицинской помощи местному населению и продвижению лечебных пунктов в урочища. Организация медицинского обслуживания в Горном Алтае была связана с большими трудностями: не хватало врачей и среднего медицинского персонала. Однако с помощью центральных районов Российской Федерации эти трудности преодолевались. Ежегодно приезжали медицинские работники из Москвы, Петрограда, Томска, Барнаула и других городов. Приезжавшие врачи и фельдшеры направлялись в открываемые врачебные участки и фельдшерские пункты.

Но этих медицинских кадров было недостаточно, тем более что в первые же годы Советской власти в Горном Алтае, как и по всей стране, в обстановке хозяйственной разрухи распространились эпидемия тифа и других болезней. По просьбе Горно-Алтайского уездного ревко-

¹ ГАГААО, ф. 33, оп. 1, д. 303, л. 126.

ма, Сибирский губздрав командировал в конце 1920 г. 3 эпидемических отряда. После ликвидации очагов эпидемии в середине 1921 г. значительная часть медицинских работников этих отрядов была закреплена за медицинскими участками и фельдшерскими пунктами уезда.

Особенно острой была в Горном Алтае необходимость борьбы с социальными болезнями. Как выяснилось при медицинском обследовании в 1925 г. местами до 60% населения было поражено сифилисом, до 70—80% — трахомой. Поэтому не случайно IV областная партийная конференция (1925 г.), рассматривая вопрос о здравоохранении, приняла решение просить Наркомздрав и Сибирский отдел здравоохранения о направлении в Горный Алтай специализированных передовых отрядов по борьбе с социальными болезнями.

Благодаря помощи Наркомздрава, Сибздрава и Сибирского отделения Общества Красного Креста с 1925 по 1930 гг. в Горном Алтае работали отряды по борьбе с трахомой и венерическими болезнями. Передовые отряды оказали неоценимую помощь: курс лечения принесли подавляющее большинство больных. Но помимо лечения, отряды провели среди населения большую профилактическую и санитарно-просветительную работу. Кроме временно действовавших отрядов, все больше привлекалось и постоянных работников — врачей и фельдшеров. Вместе с тем ежегодно девушки и юноши Горного Алтая посылались учиться в медицинские институты и в медшколы Новосибирска, Томска, Свердловска, Барнаула, Москвы и других городов. Так, например, в 30-е годы Томский медицинский институт окончили В. Н. Тискинник и Т. П. Николаева, которые вели большую медицинскую и санитарно-просветительную работу в областном центре Горного Алтая. В. Н. Тискинник был единственным в то время врачом алтайцем. Орден носил Т. П. Николаева и по сей день трудится в г. Горно-Алтайске.

Обеспеченность области медицинскими кадрами росла. Если в 1923 г. в Горном Алтае не было ни одного врача и работало лишь несколько медицинских сестер и фельдшеров, то в 1937 году в медицинских пунктах области работало уже 46 врачей и 210 медицинских сестер и фельдшеров. Росла и медицинская сеть. Если в 1920 г. было только 3 фельдшерских пункта (с. Улае, Онгуде и Озеро-Курейво) и не было ни одной больницы, то в 1938 г. действовали уже 15 больниц, 18 амбулаторий, 21 фельдшерский пункт, 2 диспансера, 15 трахоматозных медицинских пунктов, 1 туберкулезный диспансер, 11 зуботрачебных кабинетов, 1 рентгеновский кабинет, 12 аптек.

С ростом экономики Горного Алтая увеличивались бюджетные ассигнования на охрану материнства и младенчества. Но развертывание сети дошкольных учреждений требовало и подготовки квалифицированных кадров. Поэтому влржк о подготовке дошкольных кадров была предметом особого обсуждения IV Горно-Алтайской областной партийной конференции (1925).

В 1925 г. в с. Улае были проведены первые в Горном Алтае курсы подготовки заводских детских восток. Курсы проходили и в последующие годы. Специалисты дошкольных учреждений, специализируясь по курсам, должны были не только иметь навыки ухода за детьми, но и уметь влиять на матерей этих детей. Женщины алтайки, в силу своей занятости и занятости под влиянием шаманов, не обидели детей в дошкольных учреждениях. Только в результате длительной разъяснительной работы всемогущие боги о чистоте, о режиме питания, уходе за ребенком, о воспитании создавались условия для жизни детей в яслях.

Большую практическую помощь в организации яслей оказали женщины

ков оказала в то время передвижная консультация охраны материнства и младенчества Наркомздрава. Консультация работала с 25 июля 1929 г. по 23 января 1930 г. в Чемальском, Шебалинском, Усть-Канском аймаках.¹

Более квалифицированных ясельных работников готовило двухгодичное дошкольное отделение, открывшееся при областном педагогическом техникуме в 1929/30 учебном году, но оно не могло в полной мере обеспечить потребность расширяющейся в период коллективизации дошкольной сети. Поэтому по-прежнему основной формой подготовки дошкольных работников являлись курсы. В феврале 1930 года их окончил 40 человек, в 1931 г. — 85, в 1935 — 163 человека.² Дошкольные работники для Горного Алтая готовились на курсах и в других городах страны.

Внедрение детских яслей в быт алтайцев, подготовка работников способствовали росту дошкольной сети в Горном Алтае. Первоначально и детсады и детисли создавались только сезонные, на лето, а затем и постоянные. В 1924 г. работали первые четыре сезонных детислей (в с. Улале), а в 1938 г. — 158 сезонных с 2929 детьми и 30 постоянных детислей с общим количеством 635 детей.

Из года в год росло количество детсадов и детских площадок, что видно из следующей таблицы:

Годы	К-во детских учреждений		Охват детей		% детей алтайцев
	детских садов	детских площадок	всего	в т. ч. алтайцев	
1929	1	21	440	210	50,0
1931	16	57	2185	775	35,4
1935	90	90	2682	1402	52,3
1938	24	113	2632	1532	58,0

С организацией дошкольных учреждений дети росли более здоровыми и развитыми.

Решая вопрос о кадрах народного хозяйства в период строительства социализма, партия и Советское правительство обращали особое внимание на подготовку специалистов для национальных республик и областей.

Для поступления в вузы и техникумы страны национальным меньшинствам предоставлялись льготные условия, давались специальные разнарядки, «бронировалось» определенное число мест в учебных заведениях: для этих целей выделялись специальные фонды.

Число юношей и девушек из Горного Алтая, обучавшихся в вузах и техникумах страны, непрерывно росло. Если за три года — с 1923 по 1926 — в средние и высшие учебные заведения и на различные курсы из Горного Алтая было послано немногим более ста алтайцев, то только в 1935/36 учебном году — 504.

Горный Алтай с каждым годом получал все больше специалистов, внедрявших в колхозное производство достижения передовой агрономической науки, широко использовавших богатую технику, которой государство щедро снабжало колхозы. Если в 1925—1930 годах основными орудиями сельскохозяйственного производства являлись серп, юса, конный плуг, а подчас даже и соха, то в 1936 г. на полях области работало 100 тракторов, 7 комбайнов, 2700 конных плугов, 2452 бороны,

¹ ГАГААО, ф. 44, оп. 1, д. 410, л. 124.

² ГАГААО, ф. 1, оп. 1, особ. сек., д. 105-а, л. 121.

287 сеялок, из них 10 тракторных, 26 сноповязалок, 290 жаток, 316 молотилок, 88 сортировок, 92 триера, 987 сенокосилок, 777 конных граблей и прочее. 14 колхозов Майминского аймака обслуживались МТС, имевшей 32 трактора

Организационно-хозяйственное укрепление колхозов и совхозов, рост технической вооруженности и увеличивавшийся объем агрономических мероприятий при наличии подготовленных работников способствовали расширению посеваемой площади с 18,5 тыс. гектаров в 1922 г. до 66,6 тыс. гектаров в 1937 г.

Подготовка кадров для народного хозяйства была связана с большими трудностями, т. к. у вчерашних крестьян-единоличников и мелких хозяев, из числа которых шло в основном пополнение кадров, были еще силы пережитки недавнего прошлого. В крестьянстве, как и в рабочем классе, говорил В. И. Ленин, организаторских талантов много, но они только при Советской власти начали созреть, просыпаться. Коммунисты сумели разбудить творческую энергию масс. Правильность ленинского положения подтверждают многочисленные факты из жизни Горного Алтая. В ходе колхозного строительства из крестьян выдвинулись сотни способных организаторов колхозного производства. Назовем хотя бы некоторых из них. Орденоносец Тарган Мирзаев пастух колхоза «Кызыл Ойрот» Шебалинского аймака, систематически сохранял и выращивал 100% приплода. В 1937 г. он был выдвинут руководителем коневодческой фермы. Среди передовиков-руководителей сельскохозяйственного производства — были и женщины-алтайки. Например, председателем колхоза «Светлый путь» Усть-Кавиского аймака была орденоносец Мария Ивановна Ябыжова.¹

Решение задачи подготовки кадров для народного хозяйства, формирование национальной интеллигенции Горного Алтая в период строительства социализма создали условия и почву для дальнейшей работы областной партийной организации в этом направлении.

Сейчас в области есть Государственный педагогический институт, в котором обучается на очных факультетах свыше полутора тысяч студентов и более двух тысяч — заочно.

Кадры средней квалификации готовят специальные средние учебные заведения: зооветтехникум, технологический техникум, педагогическое и медицинское училища, кооперативный техникум.

Только в 1964 г. народное хозяйство области получило 505 специалистов с высшим и средним образованием, а всего область имеет 2028 человек с высшим образованием и 3975 — со средним.

Неуклонный рост социалистической культуры советского Горного Алтая стал возможным благодаря заботе и руководству Коммунистической партии и Советского правительства, бескорыстной братской помощи русского и других народов СССР.

Выполняя исторические решения XXII съезда КПСС, областная партийная организация проводит большую работу по подготовке кадров народного хозяйства.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Баскаков Н. А.</i> Словообразование глагола в кумандинском диалекте алтайского языка	3
<i>Тадыкин В. И.</i> Причастие на -лал в современном алтайском языке	16
<i>Тыбыкова А. Т.</i> О недостаточном глаголе э- в алтайском языке	28
<i>Чуйко Н. П.</i> Заимствованные названия диких животных в русском говоре Онгудайского района Горно-Алтайской автономной области	39
<i>Казагачева Э. С.</i> На подступах к зрелости	45
<i>Кондаков Г. В.</i> К вопросу о взаимосвязях русской и алтайской литератур	55
<i>Андронкина В. Р.</i> Из опыта областной партийной организации Горного Алтая по развитию народного образования в 1946—1964 годах	74
<i>Богданов В. Н.</i> Из истории заселения русскими Чарышской долины Горного Алтая	92
<i>Тимофеева Ф. М.</i> Деятельность областной партийной организации по подготовке кадров для народного хозяйства Горного Алтая (1920—1937 год)	108

Горно-Алтайский научно-исследовательский
институт истории, языка и литературы

ЗАПИСКИ

Выпуск 7

Редактор Л. Конева
Художественный редактор В. Раменский
Технический редактор В. Карпова
Корректоры З. Махотина, Г. Чепуштанова

Сдано в набор 28. IV 1966 г. Подписано к печати 29. III. 1967 года.
Формат 70×108¹/₁₆ уся, в д. 9,2 уч.-изд. л. АН 13355
Заказ 2643. Тираж 300 экз. Цена 70 коп.

Алтайское книжное издательство. Барнаул, Ленина, 76.
Горно-Алтайская типография Управления по печати, Горно-Алтайск,
Коммунистический, 25

**В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ
ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ
МОЖНО КУПИТЬ:**

Записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, выпуск 6-й, 1964 г. 140 стр. Цена 71 коп.

Алтын-Бизе. Героическое сказание, 1965 г., 128 стр. Цена 61 коп.

«Алтын-Бизе» — одно из популярных древних героических сказаний алтайцев о борьбе богатырей с иноплеменными набегами.

В книге сказание опубликовано на двух языках: алтайском и русском.

Русско-алтайский словарь, 1964 г., 875 стр. Цена 1 руб. 42 коп.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
35	1 сверху	становится в то же время правила. Средняя годовая успева- емость по языкам обоего по-	ставится одновременно правила Средняя годовая успеваемость по языкам в процентах обоего пола
79	20—21 снизу		
86	15—16 снизу		
89	23 сверху		
96	4 снизу		

Записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, язы-
ка и литературы. Вып. 7.

Русско-алтайский словарь, 1964 г., 875 стр. Цена
1 руб. 42 коп.

12-00

Цена 70 коп.